

05

К-47

жс-15943

КЛАДЪ

ЖУРНАЛЬ
политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

1907 г. — Книга 10-я.

Безплатное приложение
къ иллюстрированному журналу и газетѣ
„РОДИНА“

1907 г.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

ИЗДАНИЕ А.А.КАСПАРИ

С.Петербургъ. Лиговская ул. соб. д.114 и Садовая ул. 20

Москва. Петровскія лини.

„КЛАДЪ“

Журналь
политики, общественной жизни, народнаго хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

Книга 10-я — 1907 г.

Издание А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114

жс 15943

Графическое заведение «Родины» (А. А. Каспара),
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Боже, Царя храни!

(Иллюстрація момента.)

Открыть чудовищно-злодѣйскій заговоръ: несчастной Россіи грозило повтореніе перваго марта.

Должна была пролиться кровь, дороже которой, священнѣе нѣтъ въ русской землѣ.

Это должно было свершиться въ Страстную пятницу. Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ этотъ день шелъ на свое Великое Крестное Страданье, Державный Вождь русскаго народа долженъ былъ испытать въ этотъ день величайшее страданіе.

Доколѣ, о, Господи, доколѣ?..

Русь и такъ много приняла испытаній, зачѣмъ-же еще горшее?

Боже, Царя храни!

Тѣ безмозгляя маріонетки, которыя по безумію-ли, ради-ли корыстныхъ цѣлей, но вовсе не ради счастья народа, не ради счастья Россіи, пошли на это гнусное, злодѣйское дѣло, противное всякому, всѣ эти... не вѣдали, что творили. Они не понимали даже, что народная масса вся сплошь стоитъ за Царя, давшаго Россіи 17-е октября 1905 г. Нѣтъ, тѣ руки, которыя приводили въ движеніе машину, считались только со своими личными выгодами, имъ нужно было только одно ихъ личное существованіе, они руководились правиломъ: „послѣ насъ хоть потопъ“. Они хотѣли повторить первое марта, чтобы опеломить становящуюся на новыя рельсы Россію, чтобы столкнуть ее съ этихъ рельсовъ, какъ она была столкнута перваго марта 1881 г.—за четыре дня до республикованія закона о народномъ представительствѣ. Но замыселъ не удался. Богъ хранилъ Россію. Слава великому Богу, хранящему Россію!

Боже, Царя храни!

Русскій Царь среди другихъ царей, королей, импе

раторовъ,—нѣчто особенное, нѣчто самобытно созданное. „Богъ на небѣ, царь на землѣ“—говорить въ своей пословицѣ русскій народъ. Царь—народъ и народъ—царь, вотъ формула, по которой живетъ русскій народъ. Уничтожаютъ царя—уничтожаютъ народъ.

Кто-же желаетъ этого? Да только тѣ, кому ненавистенъ прогрессъ. Первымъ марта 1881 г. прогрессъ въ Россіи былъ заторможенъ болѣе, чѣмъ на четверть вѣка. Это выгодно только реакціи и никому болѣе. 17-го октября 1905 г. страшная стѣна была разрушена. Солнце глянуло и на несчастную Русь православную. Царь далъ Свой манифестъ.

Боже, Царя храни!

Вы, скверныя исчадья ада, вы, губители великаго народа, вы, заклятые враги Россіи, помните, что Русь любитъ своего Царя. Ваши замыслы бесполезны, потому что они разобьются о народную массу. Русскій народъ любитъ своего Царя.

Боже, Царя храни!

Въ вихрѣ смуты.

Пусть злобный врагъ готовитъ козни:

Онъ ошибется въ дѣлѣ томъ —

Не все-жъ проклятой русской розни
Царить надъ сердцемъ и умомъ!

Пускай надъ пропастью блуждаютъ
Свой путь забывшіе слѣпцы;

Пусть Русь какъ-будто побѣждаютъ

Въ дни испытаній пришлецы;

Пусть дикимъ вихремъ мчится смута,

Пусть воетъ хищниковъ орда,

Пусть далека еще минута

Свободной жизни и труда;

Пусть всюду пышетъ злое пламя,

Русь, не страшась ничего,

Убережетъ родное знамя

И встанетъ грудью за него!

Для русскихъ всѣхъ одна дорога:

Они, желанія смиря,

Пойдутъ впередъ во имя Бога,

Въ защиту русскаго Царя.

Осипъ Кудинъ.

Предупрежденное злодѣйское покушеніе.

Уже нѣсколько недѣль по Петербургу, распространяясь отсюда по всей Россіи, достигая самыхъ отдаленныхъ ея уголковъ, ходили тревожные слухи о предупрежденномъ чудовищномъ преступленіи, которое должно было ужаснуть не только Россію, но и весь міръ. Изъ-за рубежа то и дѣло приходили вѣсти, подтверждавшія эти слухи, но, конечно, точно никто ничего не зналъ.

Тогда въ государственной думѣ былъ внесенъ слѣдующій запросъ г. предсѣдателю совѣта министровъ П. А. Столыпину: „Ввиду чрезвычайной важности нижеслѣдующаго обращенія за разьяшеніемъ къ правительству, просимъ гос. думу немедленно обсудить его въ очереди. Предлагаемъ гос. думѣ принять нижеслѣдующее обращеніе за разьясненіемъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ: во-первыхъ, имѣютъ-ли фактическія основанія слухи, которые проникли въ печать, о томъ, что возникъ заговоръ противъ жизни нашего Государя Императора? во-вторыхъ, если—да, то позволяютъ-ли обстоятельства дѣла нынѣ-же сообщить гос. думѣ подробности этого гнуснаго заговора?“ Членъ думы гр. Бобринскій мотивировалъ запросъ теплою рѣчью. Эта рѣчь графа Бобринскаго была покрыта аплодисментами. Затѣмъ П. А. Столыпинъ, послѣ краткой рѣчи, прочелъ правительственное сообщеніе слѣдующаго содержанія:

„Въ февралѣ текущаго года отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности въ Петербургѣ получило свѣдѣнія о томъ, что въ столицѣ образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшею цѣлью своей дѣятельности совершеніе ряда террористическихъ актовъ.

„Установленное въ цѣляхъ повѣрки полученныхъ свѣдѣній продолжительное и обстановленное большими трудностями наблюденіе обнаружило кругъ лицъ, какъ вошедшихъ въ составъ указаннаго сообщества, такъ и имѣвшихъ съ членами его непосредственныя сношенія. Сношенія, какъ выяснилось, происходили между нѣкоторыми изъ членовъ сообщества на конспиративныхъ квартирахъ, постоянно мѣнявшихся, при условіяхъ строгой тайнственности, и были обставлены народными и условными текстами въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія были письменными.

„Установленный наблюденіемъ кругъ лицъ, прикосновенныхъ къ

преступному сообществу, въ числѣ 28 человекъ, былъ 31-го марта подвергнутъ задержанію.

„Вслѣдъ за этимъ отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности 4-го апрѣля донесло прокурору с.-петербургской судебной палаты о данныхъ, послужившихъ къ задержанію 28 лицъ. Съ своей стороны, прокуроръ судебной палаты, усмотрѣвъ въ этихъ данныхъ указанія на признаки составленія преступнаго сообщества, поставившаго своею цѣлью насильственные посягательства на измѣненіе въ Россіи образа правленія (ст. 102 угол. улож.), того-же 4-го апрѣля предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ приступить къ производству предварительнаго слѣдствія, которое было начато немедленно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты, и производится безъ малѣйшаго промедленія.

„Въ настоящее время предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что изъ числа задержанныхъ лицъ значительное число изобличается въ томъ, что они вступили въ образовавшееся въ составѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ сообщество, поставившее цѣлью своей дѣятельности посягательство на Священную Особу Государя Императора и совершеніе террористическихъ актовъ, направленныхъ противъ великаго князя Николая Николаевича и предсѣдателя совѣта министровъ, причемъ членами этого сообщества предприняты были попытки къ изысканію способовъ проникнуть во дворецъ, въ коемъ имѣетъ пребываніе Государь Императоръ, но попытки эти успѣха не имѣли“.

Сообщеніе правительства объ открытіи устранявавшагося заговора противъ нѣкоторыхъ высокихъ лицъ государства, до Монарха включительно, конечно, успокоило общество: слава Богу, заговоръ открытъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обществѣ ходитъ масса самыхъ разнообразныхъ и невѣроятныхъ слуховъ. Надо ждать, конечно, дальнѣйшихъ официальныхъ разъясненій, которыя запаздываютъ, вѣроятно, въ интересахъ слѣдствія. Во всякомъ случаѣ рассказы о томъ, что въ организаціи участвуютъ члены собственнаго Его Величества конвоя и сводно-гвардейскаго батальона — не вѣрны, но, несомнѣнно, что въ войскахъ есть нѣкоторыя личности, принадлежащія къ военно-революціонному союзу. Революціонеры всяческими силами пытались проникнуть поближе ко дворцу и въ Царскомъ Селѣ были произведены аресты нѣкоторыхъ штатскихъ, поселившихся подъ видомъ дачниковъ, а еще ранѣе, почти зимою, одинъ изъ принадлежащихъ къ военно-революціонной организаціи успѣлъ проникнуть на службу. У арестованныхъ нашли переписку съ американскими

анархистами и нашими дезертирами, сбжавшими въ Америку. Позднѣе раскрыли намѣреніе другихъ произвести взрывы при удобномъ случаѣ. По счастью и милости Вождей, этотъ случай не представился. Между прочимъ, задержанъ одинъ субъектъ, приходившій на квартиру депутата Озоля и оказавшійся военнымъ дезертиромъ. Революціонная военная организація имѣла развѣтвленія и въ провинціи, и тамъ уже произведены аресты.

„Свѣтъ“ говоритъ:

„О злодѣйскомъ заговорѣ противъ священной особы Государя Императора ходитъ много разнорѣчивыхъ толковъ и рассказовъ. Мы приводимъ одну изъ версій, исходящую изъ весьма освѣдомленнаго круга.

„Въ заговорѣ участвовали будто-бы лица, занимающія официальное положеніе. Главою и душою всего дѣла являлся преподаватель одного привилегированнаго высшаго учебнаго заведенія. Последнее собраніе этого революціоннаго сообщества происходило на квартирѣ этого преподавателя въ казенномъ домѣ. Преподаватель отрицаетъ свое участіе, но одинъ изъ заговорщиковъ, когда ему на вопросѣ показали учителя и спросили: „знаетъ-ли онъ его?“—отвѣтилъ: „самый главенствующій и есть“.

„Планъ революціонеровъ былъ, какъ намъ передаютъ, таковъ. Часть заговорщиковъ должна была произвести въ саду дворца шумъ: стрѣлять, кричать и вообще безобразничать, чтобы тѣмъ самымъ привлечь вниманіе охраны на себя. Когда-бы это произошло, тогда другая часть должна была ворваться уже во дворецъ и привести въ исполненіе свой адскій планъ.

„Совѣщанія происходили въ разныхъ частяхъ города подъ строго охраняемой тайной. Но у нѣкоторыхъ заговорщиковъ заговорила совѣсть и они выдали весь планъ.

„Еврейскіе кружки уже стараются припутать къ этому дѣлу военныхъ, говоря, будто-бы въ нашей доблестной гвардіи нашлись личности, сочувствовавшія подлому заговору, но заранѣе можно сказать, что это—гнусная и ложная клевета на армію. Мы,—восклицаетъ въ заключеніе „Свѣтъ“,—по крайней мѣрѣ, рѣшительно отказываемся вѣрить этимъ слухамъ“.

„Петербург. Лист.“ приводитъ разныя сообщенія раскрытаго заговора, передаваемыя иностранными газетами. Само собою разумѣется, что отвѣтственность возлагается на нихъ.

По словамъ корреспондента „Daily Mail“, планы заговорщиковъ были детально обдуманы и носили крайне серьезный характеръ. Прежде всего предполагалась попытка со стороны конвойнаго казака напасть на Государя Императора съ кинжаломъ; въ случаѣ если-

бы это не удалось, то нѣсколько человекъ казаковъ (?!) должны были проникнуть во дворецъ и бросить бомбу въ покояхъ Его Величества. Если-бы, наконецъ, и эта попытка оказалась тщетной, то на помощь должна была быть призвана женщина-молочница (?!), принимавшая участіе въ заговорѣ и ежедневно приходившая во дворецъ. Ей было поручено бросить бомбу при выходѣ Царя изъ внутреннихъ покоевъ.

Кромѣ того, заговорщики намѣтили еще одну возможность привести свой планъ въ исполненіе, а именно: взорвать Царскій поѣздъ по пути изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

Заговоръ былъ направленъ не только противъ Монарха, но и противъ великаго князя Николая Николаевича и премьеръ-министра.

„Neue Freie Presse“ говоритъ, что заговоръ противъ Государя Императора, великаго князя и премьеръ-министра былъ открытъ совершенно случайно. Среди солдатъ Царскаго Села, подвергнутыхъ строгому надзору, внезапно выдѣлился одинъ, — родомъ финляндецъ, — обращавшій на себя вниманіе слишкомъ большой тратой денегъ. На допросѣ онъ сознался, что эти деньги были имъ получены отъ террористовъ, предъ которыми онъ обязался убить Царя. Онъ утверждаетъ, что, несмотря на свое намѣреніе, у него все-таки никогда бы не хватило мужества на такой поступокъ. Въ заключеніе обвиняемый умолялъ защитить его отъ товарищей, грозившихъ ему самосудомъ, и выдалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ.

„Lokal Anz.“ сообщаетъ: сначала былъ арестованъ солдатъ, затѣмъ казакскій унтеръ-офицеръ изъ лейбъ-конвоя и одинъ кандидатъ въ пѣвчіе придворной пѣвческой капеллы. Всѣ трое признали себя виновными въ преступномъ заговорѣ. По ихъ указаніямъ были арестованы еще трое военныхъ и еще масса лицъ — говорятъ, болѣе 30, — принадлежащихъ къ боевой революціонной партіи. Тяжелое обвиненіе тяготѣетъ надъ лейбъ-конвойнымъ унтеръ-офицеромъ, который, находясь на стражѣ, долженъ былъ пропустить во дворецъ заговорщиковъ. По другимъ извѣстіямъ, не всѣ изъ вышеуказанныхъ трехъ лицъ сознались въ намѣреніи совершить покушеніе. Такъ, относительно пѣвчаго газета „Утро“ говоритъ, что онъ продолжаетъ упорно заператься, и подозрѣніе относительно его покоится лишь на показаніи чина караула, который утверждаетъ, что ему было сообщено, что этотъ пѣвчій приметъ также участіе въ осуществленіи ихъ плана.

Слухи о покушеніи на жизнь Государя Императора передаются теперь во всевозможныхъ версіяхъ.

Вотъ одна изъ такихъ, которую пришлось слышать въ совершенно одинаковой формѣ изъ разнообразныхъ источниковъ. Гово-

рять, что за нѣсколько минутъ до Царскаго смотра молодыхъ солдатъ въ Царскомъ Селѣ одинъ изъ такихъ солдатъ заявилъ своему офицеру, что онъ имѣетъ при себѣ бомбу, которую вручили ему революціонеры, чтобы онъ бросилъ въ Государя, когда Его Величество будетъ обходить фронтъ. Сначала солдатъ будто согласился исполнить это порученіе, но потомъ, понявъ ужасъ своего положенія, раскаялся и заявилъ своему офицеру, сообщивъ при этомъ нѣкоторыя подробности. Эти подробности и послужили будто-бы путеводной нитью къ обнаруженію готовившагося покушенія и участниковъ въ немъ.

Со словъ лица, близкаго къ кабинету, „Пет. Газ.“ передаетъ, что заговоръ въ Царскомъ Селѣ былъ обнаруженъ, благодаря одному офицеру, къ содѣйствію котораго для осуществленія своего замысла обратились заговорщики. Этотъ офицеръ изъявилъ свое согласіе быть полезнымъ имъ и, договорившись съ ними относительно крупнаго гонорара, сообщилъ о готовящемся заговорѣ дворцовому коменданту Дедюлину. Эти данныя послужили началомъ дознанія, приведшаго къ открытію всего плана.

По одной изъ версій о раскрытомъ заговорѣ революціонеровъ-террористовъ, циркулирующей въ городѣ, осуществленіе злодѣйскаго замысла предполагалось совершить при содѣйствіи конвоира, который якобы былъ вовлеченъ въ заговоръ. Однако, конвоиръ остался вѣренъ присягѣ, онъ далъ заговорщикамъ ложный планъ дворца, ложныя свѣдѣнія и въ тотъ моментъ, когда уже организація заговорщиковъ вполне выяснилась въ злодѣйскомъ замыслѣ и въ своемъ составѣ,—они все были арестованы.

Къ великой радости всѣхъ любящихъ Россію и русскую армію, эти заимствованныя изъ иностранной печати свѣдѣнія оказались не совсемъ достовѣрными. Уже въ слѣдующемъ номерѣ „Петербургскаго Листка“ напечатано такое заявленіе: „Въ сообщеніи изъ иностранныхъ газетъ значитса, что унтеръ - офицеръ изъ лейбъ - конвоя былъ арестованъ ввиду якобы его участія въ заговорѣ противъ Священной Особы Его Императорскаго Величества; тамъ - же сказано, что тяжелое обвиненіе тяготѣетъ надъ конвойцемъ, который, находясь на стражѣ, долженъ былъ пропустить во дворецъ заговорщиковъ. Эти извѣстія оказались совершенно вымышленными, и никто изъ казаковъ собственнаго Его Величества конвоя не арестованъ и не подозрѣваемъ въ участіи въ какомъ-либо заговорѣ“.

Но все-таки фактъ остается фактомъ и, къ великому сожалѣнію, исправленія нѣкоторой неточности нисколько не мѣняютъ дѣла.

Государственная дума и государственный совѣтъ отнеслись къ раскрытію злодѣйскаго заговора съ искренней душевностью.

По выслушаніи приведеннаго въ началѣ этой статьи сообщенія г. предсѣдателя совѣта министровъ въ засѣданіи 7-го мая, государственная дума приняла единогласно слѣдующую резолюцію:

„Охваченная чувствомъ живѣйшей радости по поводу счастливаго избавленія отъ опасности, грозившей Его Императорскому Величеству, относясь съ глубокимъ негодованіемъ къ обнаруженному преступному замыслу, государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Эта „ка-детская“ формула была встрѣчена дружными рукоплесканіями центра.

Государственный совѣтъ принялъ въ экстренномъ засѣданіи слѣдующій текстъ всеподданнѣйшей телеграммы:

„Государственный совѣтъ въ чрезвычайномъ общемъ собраніи, выслушавъ правительственное сообщеніе о предупрежденномъ гнусномъ замыслѣ, направленномъ противъ Священной Особы Вашего Императорскаго Величества и государственнаго нашего строя, повергаетъ предъ Вами, Государь, преисполняющія его чувства безпредѣльной радости. Государственный совѣтъ до глубины души возмущается развитіемъ насилій и злодѣяній, не останавливающимися даже предъ посягательствомъ на носителя чести и величія Россіи. Да сохранитъ Всевышній всемогущей десницей Своею на многія лѣта самоотверженнаго и великодушнаго преобразователя дорогаго отечества“.

На открывшемся 6-го мая съѣздѣ союза 17-го октября, по предложенію предсѣдателя, съѣздъ принялъ рѣшеніе послать слѣдующую телеграмму Государю отъ имени союза 17-го октября.

„Ваше Величество! Общій съѣздъ союза 17-го октября открылъ свои засѣданія въ день рожденія Вашего Величества. Первымъ своимъ долгомъ онъ считаетъ принести Августѣйшему Монарху чувства безиредѣльной преданности и радости, что Господь Богъ не допустилъ приблизиться къ помазаннику Своему вражеской рукѣ, готовой дерзнуть противъ русскаго Царя, преобразователя нашей родины на конституціонныхъ началахъ. Да живетъ нашъ русскій Царь на многіе годы и да укрѣпитъ Онъ свое государство тѣми великими благами свободы и правды, которыя Онъ установилъ въ манифестѣ 17-го октября“.

На эту телеграмму 7-го мая былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Государь Императоръ соизволилъ приказать изъяснить съѣзду Высочайшую Его Императорскаго Величества благодарность за выраженные чувства. Предсѣдатель совѣта министровъ Столыпинъ“.

6-го мая состоялось засѣданіе парламентской фракціи правыхъ и умѣренныхъ, на которомъ рѣшено принести Государю Императору

поздравленіе по случаю избавленія отъ грозившей опасности. Въ телеграммѣ правыхъ депутатовъ, посланной въ Царское Село, указано, что, съ ужасомъ узнавъ о заговорѣ противъ жизни Монарха, члены государственной думы просятъ Его Величество принять увѣренія въ ихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ и готовности твердо и неуклонно бороться противъ революціоннаго террора, дерзающаго поднять свою окровавленную руку противъ Царя и русскаго народа, ибо русскій народъ нераздѣльно связанъ съ русскимъ Царемъ.

Изъ границы получена масса запросовъ по поводу извѣстій о заговорѣ противъ Государя Императора. Кромѣ того, освѣдомлялись объ этомъ заговорѣ у министра иностранныхъ дѣлъ, гофмейстера Извольскаго, иностранные послы и посланники.

Изъ Лондона сообщаютъ „Нов. Вр.“, что трудно съ полнотою передать глубокое негодованіе, испытываемое (англійской публикой при ознакомленіи со ставшимъ здѣсь извѣстнымъ заговоромъ противъ Государя Императора. Политики всѣхъ партій, даже социалисты, называютъ заговоръ преступленіемъ и безуміемъ, способнымъ лишь отдалить полное введеніе конституціи и могшимъ повести къ испроверженію государственности и культуры. Всѣ либеральные и нѣкоторые консервативные органы печати радуются лояльности „ка-детовъ“ и хвалятъ ихъ растущую умѣренность. Другіе ужасаются безмыслію революціонеровъ и слабыхарактерности умѣренныхъ и правыхъ.

Конгрессъ русскихъ социалистовъ несомнѣнно испытываетъ сильное вліяніе меньшевиковъ, среди нихъ поляковъ и литовцевъ. Высказываются противъ террора и стараются переубѣдить большевиковъ. Англичане надѣются, что по возвращеніи домой конгрессисты стануть отрезвлять свои партіи.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей партіи народной свободы („ка-де“) кн. П. Д. Долгоруковъ заявилъ сотрудникамъ газетъ:

„Сегодня мы повѣрили заявленію правительства, несмотря на то, что представители фракціи социалистовъ-революціонеровъ, которыхъ обвиняютъ въ заговорѣ, категорически и самымъ искреннимъ образомъ насъ увѣрили, что никакого покушенія они не замыслили“.

Въ теченіе всего того дня, когда появилось въ газетахъ правительственное сообщеніе, не переставали говорить о раскрытіи заговора противъ Особы Его Величества въ Царскомъ Селѣ и арестѣ заговорщиковъ.

Несмотря на публичное заявленіе объ этомъ премьеръ-министра въ засѣданіи государственной думы, и въ обществѣ, и въ думскихъ кругахъ мало вѣрили въ существованіе подобнаго заговора. Слухи о томъ, что „все это—провокація реакціи“ продолжали волновать

общество, не получившее каких-либо новых по этому поводу свѣдѣній, хотя-бы немного могущихъ освѣтить это до сихъ поръ полное тайны событіе. 8-го мая, вечеромъ, было, однако, получено извѣстіе, вполне подтверждающее существованіе этого заговора, и даже больше того, дающее обществу возможность лично ознакомиться со всѣми его подробностями. На сѣздѣ союза 17-го октября среди октябристовъ передавали, что надъ заговорщиками уже наряженъ судъ, причемъ засѣданія послѣдняго будутъ публичными.

Корреспонденту московской газеты „Утро Свободы“ удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія о раскрытомъ заговорѣ.

Въ высшихъ сферахъ Петербурга упорно говорятъ, что, независимо отъ крайнихъ лѣвыхъ организацій, шла подготовка государственнаго переворота со стороны правыхъ.

Объ эти организаціи дѣйствовали совершенно независимо одна отъ другой, причемъ собственно въ ближайшіе дни покушеніе шло со стороны правыхъ революціонеровъ.

Говорятъ, что въ заговорѣ замѣшаны такія высокопоставленныя особы, которыхъ никакъ нельзя заподозрѣть въ подобныхъ планахъ. Лицо, весьма близкое къ высшимъ сферамъ, въ рѣшительный моментъ будто-бы заколебалось и покончило жизнь самоубійствомъ, что облегчило раскрытіе всего плана, такъ какъ на встрѣлѣ вошли сообщники, ожидавшіе близости.

Разумѣется, многіе слухи нуждаются еще въ основательной провѣркѣ, тѣмъ болѣе, что по своей серьезности они чреваты послѣдствіями исключительной важности.

Правительственное сообщеніе не очерчиваетъ всѣхъ сторонъ заговора, но, по слухамъ, премьеръ Столыпинъ настаиваетъ на необходимости огласить всѣ подробности.

Во всякомъ случаѣ есть основаніе ожидать, что въ Царскомъ Селѣ принято непоколебимое рѣшеніе покончить съ революціонерами справа и вступить твердо и безповоротно на конституціонный путь.

Въ провинціальныхъ газетахъ появились слѣдующія заимствованія изъ корреспонденціи петербургскаго корреспондента „Daily Telegraph“:

„Члены реакціонной партіи, — рассказываетъ корреспондентъ, — видя, что Императоръ Николай II и Столыпинъ окончательно рѣшили дать Россіи дѣйствительное народное представительство, что это для реакціи было-бы равносильно гибели, послѣ совѣта, рѣшили кровавымъ актомъ поднять во всей Россіи возстаніе для того, чтобы принудить правительство возвратиться къ старому автократическому режиму.

„Въ разработанномъ планѣ установлено было число лицъ въ

80 человекъ, которые должны были привести въ исполненіе свой звѣрскій замыселъ. Эта банда изъ 80 реакціонеровъ была раздѣлена на три части, каждая изъ которыхъ должна была приступить къ дѣйствию въ условленный моментъ.

„Организація, назначенная для объявленія революціи въ пользу автократизма, состояла въ большей своей части изъ офицеровъ запаса и государственныхъ чиновниковъ. Выяснилось, что одинъ изъ членовъ этой организаціи, крупный государственный чиновникъ, активной роли въ этомъ заговорѣ не принималъ, но изъ симпатіи къ членамъ организаціи скрывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ своей квартирѣ. Одинъ изъ министровъ, который близко знаетъ упомянутого чиновника, заявилъ, что, если-бы его кто-нибудь спросилъ о направленіи этого человека, онъ отвѣтилъ-бы, что заслуживаетъ полного довѣрія. Зналъ онъ его 7 лѣтъ за самаго преданнаго слугу коронѣ.

„Революціонный планъ реакціонеровъ имѣлъ быть исполненъ на праздникахъ Пасхи. 26-го апрѣля, вечеромъ, указанные 80 чел. направились было къ Царскому Селу. 27-го вечеромъ первая группа прибыла на мѣсто, но достаточно было показаться первой группѣ изъ 34 человекъ въ Царскомъ Селѣ, какъ ихъ немедленно арестовали. При нихъ былъ найденъ списокъ съ фамиліями всѣхъ остальныхъ членовъ заговора, которые тотчасъ-же были арестованы въ Петербургѣ“.

Изъ этихъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что преувеличенные толки и слухи продолжаютъ не только циркулировать, но и расти. Для того, чтобы положить предѣлъ этому нежелательному и даже опасному явленію, необходимо, чтобы правительство опубликовало подробное сообщеніе, которое разъ навсегда установило-бы истинные факты и уничтожило-бы возможность возникновенія всякихъ необоснованныхъ версій и фантастическихъ предположеній.

Въ Царскомъ Селѣ на этихъ дняхъ были произведены усиленные обыски, завершившіеся арестомъ нѣсколькихъ недавно прибывшихъ въ городъ лицъ. Арестованные перевезены въ Петербургъ и сданы въ распоряженіе охраннаго отдѣленія. Въ задержанныхъ подозрѣваютъ лицъ, причастныхъ къ обнаруженному заговору.

Появились извѣстія объ арестѣ преступной военной организаціи. Арестъ военного союза произведенъ съ 18-го апрѣля по 23-е апрѣля. Арестовано было сначала 32 человекъ, а затѣмъ было арестовано еще около 50-ти. Найденъ компрометирующія бумаги. Среди арестованныхъ есть и офицеры. Арестованные препровождены въ Петропавловскую крѣпость.

О дальнѣйшихъ подробностяхъ этого происшествія сообщается,

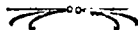
что многочисленные послѣдняго времени обыски вызваны случайнымъ обнаруженіемъ при обыскѣ въ Спб., въ д. № 22, по Деятарной ул., у Шишмарева и въ д. № 1—9, по Ярославской ул., ряда документовъ, выясняющихъ широкое развитіе въ Петербургѣ дѣятельности организаціи, имѣющей цѣлью агитацію въ войскахъ и носящей названіе „военнаго союза“. На основаніи этихъ документовъ, охранная полиція произвела до 20-ти обысковъ, причемъ подвергла аресту около 30-ти лицъ. Всѣ арестованные, признанные принадлежащими къ „военному союзу“, подвергнуты особо строгому надзору. Арестованные мужчины помѣщены въ казематы Петропавловской крѣпости, женщины посажены въ одиночную тюрьму. Какъ установлено обысками, организація обладала нѣсколькими подпольными типографіями, печатавшими какъ главный органъ организаціи, газету „Военный Союзъ“, такъ и изданія „Казарма“ и нѣсколько другихъ періодическихъ листковъ, предназначенныхъ для раздачи нижнимъ чинамъ. При послѣднихъ обыскахъ конфисковано громадное количество приложений къ одному изъ номеровъ „Военнаго Союза“, заключающихъ въ себѣ копію рапорта генераль-лейтенанта Меллеръ-Закомельскаго на Высочайшее Имя. Въ виду обширности развѣтвленной дѣятельности организаціи, охраннымъ отдѣленіемъ командировано для новыхъ разслѣдованій по дѣлу организаціи значительное число агентовъ, имѣющихъ произвести поиски организаціи во всѣхъ центральныхъ пунктахъ Россіи, гдѣ уже, по телеграфнымъ донесеніямъ, открыты комитеты организаціи. Въ настоящее время въ окрестностяхъ Петербурга произведены тщательные поиски оборудованныхъ здѣсь типографій. Одновременно произведено разслѣдованіе относительно мѣста приобрѣтенія бумаги, на которой печатается „Военный Союзъ“.

Въ числѣ арестованныхъ лицъ, какъ уже выяснено, нѣтъ ни одного, могущаго быть причисленнымъ къ руководителямъ организаціи, существующей, какъ оказывается, уже весьма значительное время. Задержаны лица, большею частью занимавшіяся агитаціей среди солдатъ и распространеніемъ изданій организаціи. Это—по преимуществу учащіяся, обвиняемые въ сборѣ средствъ на усиленіе организаціи, производившемся на вечерахъ и концертахъ. Ввиду выяснившихся данныхъ охраннымъ отдѣленіемъ разосланъ рядъ телеграммъ въ провинціальные города съ требованіемъ ареста лицъ, принадлежность которыхъ къ союзу удостовѣрена документами, найденными при послѣднихъ обыскахъ квартиръ въ столицѣ. Всѣ эти лица срочно будутъ высланы въ Петербургъ. Въ послѣдніе мѣсяцы въ Петербургъ доставлено нѣсколько лицъ, состоящихъ въ организаціи и арестованныхъ въ Варшавѣ и Москвѣ. Всѣ прибывшіе арестованные

стованные, по провѣркѣ произведенныхъ на мѣстахъ дознаній, также подвергнуты заключенію въ крѣпости.

Въ связи со всѣми этими событіями ставится и захватъ фабрики бомбъ въ Финляндіи, близъ русской границы. По этому поводу „Нов. Времени“ сообщаютъ подробности обнаруженія этой фабрики бомбъ и взрывчатыхъ веществъ, устроенной преступниками вблизи деревни Куокала, въ Финляндіи. Въ концѣ марта мѣсяца къ домовладѣльцу, полицейскому Кукки, проживающему въ названномъ селеніи, пріѣхали двое русскихъ, мужчина и женщина, и наняли у Кукки квартиру, состоящую изъ 5-ти комнатъ нижняго этажа дома. Черезъ недѣлю къ жильцамъ стали сѣзжаться гости, являясь по трѣ, по четыре человѣка. Дня въ три набралось до шестнадцати человѣкъ гостей. И хозяева квартиры, и гости вели себя довольно странно. Они то внезапно появлялись, то такъ-же таинственно исчезали, постоянно мѣняя костюмы. Этотъ маскарадъ показался Кукки подозрительнымъ и онъ потребовалъ отъ своихъ постояльцевъ и ихъ гостей паспорта. Но тѣ заблагоразсудили немедленно выѣхать изъ дома полицейскаго чина и убраться совсѣмъ изъ Куокала. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого инцидента къ крестьянину Анти Пимію, имѣющему дачу на выѣздѣ селенія Хаапала вблизи деревни Куокала, явился прилично одѣтый русскій, съ предложеніемъ снять дачу до осени. При этомъ наниматель пояснилъ, что онъ—докторъ и у него будутъ проживать нѣсколько человѣкъ больныхъ, которые пользуются его совѣтами и наблюденіями. Дача была отдана внаемъ. Лекаръ, а за нимъ и больные, всего 20 человѣкъ, разнаго возраста, отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ, мужчины и женщины, поселились въ домѣ Пиміа. Жильцы вели себя крайне скромно и спокойно и покидали квартиру только для того, чтобы отправиться на станцію желѣзной дороги. Ѣздили они обыкновенно съ вечерними поѣздами. Мѣстный извозчикъ Эса Пимій, часто возившій постояльцевъ, нерѣдко видѣлъ необыкновенно яркій свѣтъ въ квартирѣ доктора, а Анти Пимій, прийдя къ доктору, засталъ однажды его съ пациентами около какой-то странной печи, дающей сильный жаръ и свѣтъ. Тотъ-же Пимій обратилъ вниманіе на жидкость, которую больные выливали изъ высокихъ горшковъ на дворъ, окрашивавшую снѣгъ въ зеленый цвѣтъ. Таинственныя манипуляціи жильцовъ, странная обстановка ихъ жизни всегда при закрытыхъ драпировками окнахъ, поѣздки въ Петербургъ съ особыми сумками, бережно переносимыми и перевозимыми, возбудили подозрѣніе въ Пиміи и тотъ заявилъ констеблю Кукки. Констебль, увидѣвъ одного изъ жильцовъ Пиміа, призналъ въ немъ то лицо, которое жило у него въ домѣ. Понаблюдавъ за докторомъ и больными, полицейскій сообщилъ о своихъ подозрѣніяхъ

мѣстному лешману, а тотъ—въ Выборгъ. Финаль этой исторіи превзошелъ всѣ ожиданія. Изъ Выборга неожиданно пріѣхалъ комиссаръ Пираненъ съ 20 констеблями, а изъ Райвола лешманъ Пессоненъ съ чинами земской стражи. Поздно ночью домъ Пямія былъ окруженъ 30 полицейскими. Еще ранѣе при наблюденіи за домомъ было установлено, что жильцовъ взять врасплохъ трудно, ибо у нихъ постоянно находятся на караулѣ три человѣка. Поэтому полиціи пришлось принять предосторожности, чтобы незамѣтно снять охрану. Это удалось сдѣлать безъ всякаго шума. Караульные были захвачены врасплохъ и обысканы: у двухъ найдено по браунингу, а у третьяго снаряженная бомба. Послѣ ареста охраны полиція попыталась проникнуть въ домъ. На вызовъ полиціей квартиранта вначалѣ никто не отзывался, но затѣмъ на крыльцо вышелъ мужчина, предупредившій полицейскихъ, что если это—русскіе, то домъ будетъ взорванъ. Узнавъ, что полицейскіе—финляндцы, ведшіе переговоры пригласилъ полицію въ домъ. Полиція немедленно приступила къ обыску. Въ квартирѣ оказалась хорошо оборудованная фабрика бомбъ съ лабораторіей, литейной и плавильной печами, съ массой приспособленій и инструментовъ; однимъ словомъ, дѣло было поставлено на широкую ногу. Полиціей захвачены: четыре корзины съ совершенно готовыми, снаряженными бомбами, но безъ запаловъ; отдѣльно корзина запаловъ, 35 фунтовъ динамита чернаго, въ жидкомъ видѣ, экстра-динамитъ въ плиткахъ, азотная и сѣрная кислоты, гремучій студень, новое взрывчатое вещество—зеленый порошокъ, близкій по своему эффекту къ шпозѣ, масса пустыхъ оболочекъ и матеріаловъ для выработки бомбъ и взрывчатыхъ препаратовъ. Арестовано 11 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 студентовъ, двѣ молодыя женщины и ученикъ коммерческаго училища. Несмотря на тщательную охрану дома предъ арестомъ, 6 человѣкъ успѣли скрыться, вмѣшавшись въ толпу передѣтыхъ полицейскихъ. Арестованные были отправлены въ Выборгъ. Послѣ этого инцидента полиція узнала, что въ деревнѣ Хапакюли и въ окружающей ее мѣстности проживаетъ не мало русскихъ, принадлежащихъ къ революціонной организаціи. За всѣми домами и ихъ обитателями былъ учрежденъ строгій надзоръ, для чего изъ Выборга командировали цѣлую команду полицейскихъ. Но многіе изъ русскихъ, увидя полицію въ деревнѣ, покинули эту мѣстность; также не мало русскихъ выѣхало изъ Выборга. Арестованные не скрываютъ своей принадлежности къ революціонерамъ и заявили, что въ Хапала была только школа по фабрикаціи бомбъ и что такихъ школъ открыто въ Россіи и Финляндіи нѣсколько.

Около думы.

Медленно, тихо, пробираясь через густѣйшій терній, ползетъ наша дума. Но ползетъ она все-таки впередъ. Думѣ приходится вилать во всѣ стороны, дабы уклониться отъ губительныхъ ударовъ, и до сихъ поръ подобныя маневры спасали ее. Дума живетъ, да здравствуетъ дума!

Если мы припомнимъ лишь то, что каждый день существованія думы упрочиваетъ ей жизнь и въ будущемъ, то отсюда понятно, какъ пужно радоваться, когда, открывая утромъ „Правит. Вѣстникъ“, не видишь сообщенія о разгонѣ думы.

На нашъ взглядъ, то, что происходитъ съ думой вотъ въ эти первые мѣсяцы ея существованія, вполне естественно. Сразу не начинаетъ работать исправно никакая новая машина. Винтики, валики, шестерни, блоки, рычаги въ ней на первыхъ порахъ недостаточно пообтерлись, цапаются другъ за друга, тормозятъ ходъ всей машины, портятъ обрабатываемый ею матеріалъ, а иногда и калѣчатъ людей, приставленныхъ къ машинѣ. Но вотъ проходитъ время, всѣ части въ машинѣ приспособились къ ея работѣ и тогда ея ходъ вполне правиленъ, опасность поломокъ миновала, порчи матеріала нѣтъ, и даже со стороны на машину посмотрѣть любо-дорого.

То-же самое и съ думой.

Въ думѣ въ настоящее время идетъ процессъ приспособленія. Настоящая работа еще не началась, а то, что мы видимъ, это—только показная сторона работы. Всѣ эти рѣчи, скандалы, пикировки, все это—только вѣишность. Истинная работа думы—въ ея комиссіяхъ, и только когда комиссіи вынесутъ свою работу на свѣтъ Божій, только тогда можно будетъ говорить о работѣ нашей думы, а пока... о скандалахъ.

Увы, увy, увy! Скандаловъ много, даже чересчуръ много... Говорятъ, что по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ; „платье“ -же у нашей думы, т. е., то впечатлѣніе, которое производитъ она своей вѣишной дѣятельностью, очень неказисто. Скандалъ сидитъ на скандалѣ и скандаломъ погоняетъ. И подлѣе всего въ данномъ случаѣ то, что ради подобной „дѣятельности“ эксплуатируется Священное для всѣхъ русскихъ «кладъ». 1907 г. кн. 18.

Имя; около драгоцѣннѣйшей для всей Россіи Особы устралваается разнузданная свистопляска и кѣмъ? Тѣмъ, кто заявляетъ себя „истинно-русскими людьми“, кто постоянно кричитъ о своей любви и беззавѣтной преданности къ Высокой Особѣ, кто выставилъ своимъ девизомъ слова: „Богъ, родина и Царь“.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Россіи понадобился такъ назыв. „зурабовскій инцидентъ“? Выпустилъ инородецъ глупость, достаточно было его одернуть, но раздувать глупость въ скандалъ, это значитъ не любить, не жалѣть Россіи. Хрюканьемъ, сюсюканьемъ, визгомъ, на которые такъ снособны „истинно-русскіе люди“, ровно ничего не докажешь.

Да и что это за „истинно-русскіе люди“?

Взять хотя-бы г. Пуришкевича. Полякъ по мѣсту рожденія, полукровокъ-румынъ по родителямъ и защитникъ интересовъ прибалтійскихъ нѣмцевъ по убѣжденію, о чемъ онъ заявилъ печатно безъ всякаго стыда,—что-же въ немъ русскаго?

Дальше идутъ: Крушеванъ — молдаванецъ, Синодино — грекъ.—А въ этихъ что русскаго?

Укажутъ на графа Вобринскаго, Келеповскаго, Крупенскаго, Шульгина—но, вѣдь, эти господа сравнительно приличны, инициатива скандаловъ исходитъ не отъ нихъ, они участвуютъ въ скандалахъ только по инерціи.

Первое послѣ пасхальныхъ вакацій засѣданіе думы прошло чинно, стройно, безъ тѣни скандала, хотя въ немъ разсматривался такой жгучій вопросъ, какъ о незаконнѣрныхъ дѣйствіяхъ московскаго генераль-губернатора Гершельмана. А почему такъ вышло? Да потому, что г. Пуришкевичъ въ это время въ Москвѣ соловьемъ залетнымъ пѣлъ о необходимости ввести въ Россіи диктатуру, т. е., какимъ-нибудь проходимцемъ изъ прибалтійскихъ висѣльниковъ замѣнить освященную всѣми вѣками исторіи русскаго народа власть, власть, давшую Россіи и 19-е февраля 1861 г., и 17-е октября 1905 г. Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Пуришкевичъ былъ налицо, обсуждался вопросъ сухой, цифровый—и на такой почвѣ, гдѣ, казалось-бы, и мѣсто только для четырехъ арифметическихъ дѣйствій, истинно-русскими господами устроенъ былъ весьма пикантный скандалъ. На слѣдующій день скандалъ былъ устроенъ уже грандіозный съ „выводомъ“ истинно-русскихъ людей. Дума должна была это сдѣлать, чтобы нѣсколько обезопасить себя отъ сидящихъ на ея правой сторонѣ скандалистовъ. Впрочемъ, весьма возможно, что этотъ скандалъ имѣлъ другую почву. Весьма возможно, что самимъ гг. „истинно-русскимъ“, только что вернувшимся изъ Москвы съ обсужденія вопроса о

диктатурѣ, нужно было, чтобы ихъ вывели, ибо впереди было засѣданіе, въ которомъ неизбѣженъ былъ запросъ о злодѣйскомъ покушеніи... Такъ или не такъ, это покажетъ будущее— пока же на лицо только „истинно-русскіе“ скандалы.

Думу ведутъ „ка-деты“, отрицать это невозможно. Ихъ сѣди слѣва—со всевозможными добавленіями „эсы“ — бросаютъ палокъ въ колесо думы не менѣе, чѣмъ гг. „истинно-русскіе“. Только думскіе „эсы“ нѣсколько поуменьше сидящихъ на правой сторонѣ господъ и не столь прямолинейны, какъ эти послѣдніе. Прежде всего думскіе „эсы“ — невыносимые болтуны. Они способны говорить часами, а смысла и толка въ ихъ разговорахъ не будетъ даже гомеопатической дозы. Это — люди не серьезные и не уступающіе въ невѣжествѣ правымъ.

Почти во всѣхъ рѣчахъ господъ лѣвыхъ депутатовъ красною нитью проходитъ соображеніе о томъ, что дѣйствія полиціи мѣшаютъ имъ работать. Это неспроста! Охъ, это неспроста! Лѣвые депутаты дѣйствительно не работаютъ. Думскія комиссіи не опубликовываютъ своихъ протоколовъ, но если-бы онѣ это дѣлали, то можно-бы цифрами подтвердить слѣдующее утверженіе: въ тѣхъ комиссіяхъ, въ которыхъ господа лѣвые находятся въ меньшинствѣ, они или молчатъ, или совсѣмъ не ходятъ на засѣданія; въ тѣхъ-же комиссіяхъ, въ которыхъ они находятся въ большинствѣ, они занимаются систематическимъ торможеніемъ дѣла.

Разсказываютъ, что въ одной изъ комиссій „эсъ-декъ“, когда вопросъ зашелъ о побережѣ Ледовитаго океана, предложилъ запросить о нуждахъ тамошняго населенія мѣстное земство. Когда-же ему указали, что тамъ земства нѣтъ, то онъ, „ничто-же сумняшеся“, принялся говорить о необходимости введенія земскихъ учрежденій на далекомъ сѣверѣ... для песцовъ и ошкучекъ, по всей вѣроятности...

Но, помимо своего невѣжества даже въ элементарныхъ вопросахъ государственнаго хозяйства, думскіе „эсы“ еще невѣрооятно трусливы; поболтать языкомъ—это куда еще ни шло, но, какъ только наступаетъ рѣшающій моментъ, ихъ на лицо въ залѣ нѣтъ. Такъ было при обсужденіи вопроса о контингентѣ новобранцевъ, такъ было и въ тридцать четвертомъ засѣданіи думы, когда „эсы“ „демонстративно“ отсутствовали. Въ первомъ изъ этихъ засѣданій они метали громы и молніи, сыпали безъ конца зазвонистыми фразами; чуть не сорвали думы, выпустивъ Зурабова, а когда дѣло дошло до баллотировки, преспокойно ушли, т. е., не осмѣлились честно и открыто подать свой голосъ противъ законопроекта, который они при-

знавали для страны вредоноснымъ. Развѣ это не трусливость? Вѣдь, это же—форменное показываніе кулака изъ-подъ полы!

Впрочемъ, такая тактика вполнѣ понятна, если припомнить, что „эсы“ явились въ думу лишь затѣмъ, чтобы уничтожить ее. Своей пустой болтовней они разжигаютъ на скандалъ правыхъ, явившихся въ думу съ тѣмъ-же намѣреніемъ, какъ и лѣвые, а тѣ, въ свою очередь, немедленно начинаютъ скандалъ, когда-же подходитъ рѣшающій моментъ, „эсы“ улетучиваются и „ка-детамъ“, которые берегутъ думу, волей-неволей приходится вывертываться и извиваться, дабы спасти желанное дѣтище Россіи отъ дикихъ наскоковъ правыхъ варваровъ.

Несомнѣнно, что всѣ эти явленія преходящи; уймутся и правые, ступаютъ и лѣвые; весь вопросъ, сколько еще времени потребуется на это? Поскорѣ-бы! А то скандалы начинаютъ надоѣдать и врядъ-ли государственнымъ выборнымъ будетъ пріятно возвращаться домой, вмѣя въ своемъ багажѣ вмѣсто посѣва разумнаго, добраго, вѣчнаго, только скандалы.

Въ самый послѣдній предъ печатаніемъ этого номера „Клада“ моментъ была оглашена декларация правительства по аграрному вопросу. П. А. Столыпинъ весьма доказательно разбилъ доводы лѣвыхъ, требующихъ націонализациі земли, и назвалъ полуэкспроприацией стремленія „ка-детовъ“ удовлетворить земельный голодъ крестьянъ путемъ отчужденія въ ихъ пользу необходимаго для того процента частновладѣльческихъ земель. По нашему мнѣнію, рѣчь г. Столыпина была блестяща и всякій непотемненный смутой умъ долженъ признать убѣдительность его доводовъ. Кромѣ того, предсѣдатель совѣта министровъ указалъ думѣ на то, что опасность аграрныхъ погромовъ далеко еще не миновала и возникновенія безпорядковъ можно ожидать съ минуты на минуту. И вотъ, какъ разъ, когда готовилось такое важнѣйшее сообщеніе, „правый“ г. Крупенскій пытался поднять въ думѣ скандалъ, настаивая на обсужденіи не стоявшаго на повѣсткѣ дня порицанія террору. Но г. Крупенскій въ дѣлѣ скандаловъ оказался сортомъ помельче своего вождя г. Пуришкевича, къ счастью, отсутствовавшего, и, благодаря этому, скандалъ не разыгрался: г. Крупенскаго посадили на мѣсто...

Въ государственной думѣ.

Засѣданіе 30-го апрѣля 1907 г.

Ни въ первой, ни во второй думѣ никогда еще говорившіе на засѣданіяхъ министры не показывали себя въ такомъ неприглядномъ свѣтѣ, въ какомъ показали себя выступавшіе въ тридцатомъ засѣданіи государственной думы 30-го апрѣля 1907 г. военный министръ ген. Редигеръ, министръ юстиціи г. Щегловитовъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Макаровъ. Это было первое засѣданіе думы послѣ пасхальныхъ каникулъ. Въ немъ военный министръ долженъ былъ отвѣчать на запросъ государственной думы о незаконномъ рѣшеніи дѣлъ московскаго ген.-губернатора ген. Гершельмана *). Такъ какъ фактъ двукратнаго военно-полевого суда надъ однимъ и тѣми-же обвиняемыми былъ налицо, то казалось-бы, что едва-ли можно было что-либо сказать въ защиту генерал-губернатора, не признавшаго перваго и потребовавшаго второго приговора. Но генераль Редигеръ, а затѣмъ и министръ юстиціи г. Щегловитовъ, и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ все-таки сказали, хотя изъ сказаннаго вышло совсѣмъ обратное тому, что они хотѣли. Своими рѣчами министры сами себя обличали въ томъ, что они защищаютъ явно неправое дѣло. Они путались и говорили противорѣчія и другъ другу, и даже самимъ себѣ. Ораторамъ изъ среды членовъ государственной думы не надо было даже ничего говорить отъ себя, чтобы доказать неправоту доводовъ министровъ; имъ достаточно было указывать только на эти противорѣчія и самообличенія въ рѣчахъ министровъ. Этого было вполне достаточно, чтобы поражение министровъ вышло полнымъ.

Эти указанія были блестяще сдѣланы депутатами: Маклаковымъ, Кизеветтеромъ, Гессеномъ и Кузьминымъ-Караваяевымъ. Ихъ рѣчи были прямо уничтожающими для представителей министерства, хотя въ нихъ не было ни ругательствъ, ни рѣзкостей, безъ которыхъ такіе ораторы, какъ Алексинскій и Ко, не считаютъ возможнымъ произносить рѣчи.

*) См. «Кладъ», в. 8-ю, стр. 36.

Въ засѣданіи 30-го апрѣля не было ни г. Алексинскаго, ни его присныхъ; не было, съ другой стороны, ни Пуришкевича, ни нѣкоторыхъ другихъ ярыхъ правыхъ; всѣ они были на своихъ сѣздахъ и потому засѣданіе прошло безъ криковъ и скандаловъ. Въ немъ говорились только спокойныя рѣчи и, благодаря этому-то, еще рѣзче обозначилось пораженіе говорившихъ въ защиту неправао дѣла министровъ.

Началось съ рѣчи военнаго министра. Прежде всего онъ указалъ на то, что свѣдѣнія, приводившіяся въ засѣданіи думы, въ которомъ разсматривался запросъ о Гершельманѣ, невѣрны. Нападавшіе не были земляками городского, они даже разныхъ губерній; онъ не выпивалъ вмѣстѣ съ нападавшими, затѣмъ городовому была нанесена не царапина, а смертельная рана, отъ которой онъ на второй день скончался; эта рана нанесена не въ пьяной дракѣ, а здѣсь было прямое покушеніе на убійство. Перейдя къ юридической сторонѣ дѣла, военный министръ заявилъ, что въ сущности перваго суда не было. Онъ былъ незаконнымъ, такъ какъ началъ дѣйствовать по словесному приказанію генераль-губернатора Гершельмана, не дождавшійся письменнаго приказа по округу. Когда приговоръ незаконнаго суда былъ представленъ командующему войсками Гершельману и онъ долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе этого приговора; имѣеть-ли онъ законную силу, составленъ-ли онъ такъ, какъ того требуетъ законъ, то „войдя въ разсмотрѣніе приговора по существу, ген. Гершельманъ не могъ не замѣтить, что этимъ приговоромъ нарушены основныя, элементарныя правила уголовного судопроизводства“. Въ немъ не было опредѣленія, виновны-ли подсудимые въ томъ преступленіи, за которое они преданы суду, не было и указанія на статью закона, на основаніи которой они присуждались къ наказанію. Судъ не разрѣшилъ вопроса о томъ, было-ли покушеніе на убійство или нѣтъ; онъ просто приговорилъ обвиняемыхъ въ этомъ покушеніи къ наказанію за то, что были нанесены тяжкія раны. Командующій войсками не могъ признать за этимъ приговоромъ силу законнаго рѣшенія и совершенно правильно не привелъ приговора въ исполненіе, а передалъ дѣло на разсмотрѣніе другого суда. Приговоръ суда не былъ-бы исполненъ и тогда, если-бы судъ высказался за смертную казнь. Бывали, вѣдь, случаи, когда не протестовали также противъ оправдательныхъ приговоровъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не было даже отмѣны приговора, а было лишь неисполненіе приговора, незаконнаго по формѣ.

Военный министръ говорилъ не только спокойнымъ, но даже какъ-бы занскивающимъ голосомъ. Выслушали его тоже совершенно спокойно, не прерывая ни однимъ возгласомъ, но затѣмъ его противорѣчные доводы нашли блестящую оцѣнку въ рѣчи выступившаго вслѣдъ за г. Редигеромъ авторомъ запроса г. Маклаковымъ.

Онъ началъ съ извиненія, что ввиду строго закрытаго дѣлопроизводства военно-полевыхъ судовъ онъ, сообщивъ въ засѣданіи 30-го апрѣля ходившіе по Москвѣ слухи, ввелъ государственную думу въ заблужденіе. Затѣмъ ораторъ перешелъ къ юридической сторонѣ. „Военный министръ,—сказалъ онъ,—не отвѣчаетъ на запросъ. Государственная дума спрашивала: правда-ли, что генераль Гершельманъ совершилъ преступленіе, и приняло-ли правительство по этому поводу какія-либо мѣры? Отвѣтъ, который дума услышала отъ военнаго министра, сводится къ слѣдующему: да, это—правда, преступленіе было совершено, но правительство по этому поводу не сдѣлаетъ ничего. Военный министръ говорилъ, что не было отмѣны приговора, а лишь признаніе приговора неисполненнымъ. Но это, вѣдь, одно и то-же. Если военный министръ утверждаетъ, что первый судъ былъ самозваннымъ, то какому воздѣйствію подверглись самозванные судьи? Понесло-ли наказаніе тюремное начальство, доставившее въ самозванный судъ заключенныхъ обвиняемыхъ? Наказанъ-ли предсѣдатель военно-окружного суда, предоставившій самозванному суду казенное помѣщеніе?

Что касается незаконной формы приговора, то, вѣдь, девяносто процентовъ приговоровъ военно-полевыхъ судовъ по формѣ незаконны. Иначе не можетъ быть, потому что составъ полевого суда тщательно подбирается изъ однихъ строевыхъ офицеровъ. Могъ-ли отмѣнить приговоръ военно-полевого суда генераль-губернаторъ, когда въ оффиціозѣ правительства „Россиа“ сообщалось, что министръ юстиціи намѣревался возражать противъ принятія государственной думой закона о пересмотрѣ всѣхъ состоявшихся приговоровъ военно-полевыхъ судовъ, признавая дѣйствія думы вторженіемъ въ область суда.

Что касается утвержденія военнаго министра, что ген. Гершельманъ отмѣнилъ-бы также и смертный приговоръ, то это—уже вопросъ личнаго довѣрія. Пусть вѣрится министерство, что висѣлицы были поставлены во славу законной формы и судебного педантизма, но страна оказываетъ довѣріе труднѣе, чѣмъ министерство, и этому не повѣрится, даже если-бы это была правда.

„Каковы-бы ни были мотивы генерала Гершельмана, отмѣнилъ-ли онъ приговоръ отъ того, что онъ хотѣлъ болѣе строгаго, или отъ того, что, по его мнѣнію, была нарушена форма, присвоилъ-ли онъ себѣ кассационныя или апелляціонныя функціи, это для насъ безразлично, — продолжалъ ораторъ. — Важно то, что онъ это сдѣлалъ, что превышеніе власти было совершено. Эти казненные люди, кто-бы они ни были, простые-ли крестьяне или политическіе преступники, эти люди съ того момента, когда былъ провозглашенъ приговоръ, съ того момента, какъ именемъ Императорскаго Величества имъ было объявлено, что они ссылаются на каторгу, находились подъ охраной закона; и если они пали, то пали жертвою не правосудія, а преступленія. Вотъ что скажу я правительству и вотъ что оно само должно было-бы сказать государственной думѣ, если-бы оно пришло сюда не защищать генерала Гершельмана во что-бы то ни стало, а явилось-бы въ болѣе достойной правительства роли — защитника закона и правосудія.

„Разъ правительство встало на эту позицію, то я скажу ему два слова. Нужно быть послѣдовательнымъ, это — основное требованіе всякой политики. Было время — и оно недалеко — когда вся мудрость политика состояла въ томъ, чтобы скрывать злоупотребленія властей. Когда какія-бы ни были сдѣланы превышенія власти, они оставались почъ покровомъ тайны и тотъ человекъ, противъ котораго общественное мнѣніе возставало, противъ котораго негодовала страна, этотъ самый человекъ прочіе сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, ибо уступка казалась — бы слабостью. Это время было, но, вѣдь, мы его пережили. У насъ есть ст. 57 учрежд. государственной думы, которая на насъ возложила обязанность разоблачать преступленія. А въ тотъ день, когда предсѣдатель совѣта министровъ читалъ декларацию, онъ сказалъ, что всякое открытое разоблаченіе онъ привѣтствуетъ. И я скажу: если вы привѣтствовали разоблаченіе преступленій только затѣмъ, чтобы являться съ ихъ апологіей; если вы ввели гласность только затѣмъ, чтобы страна видѣла, какъ попираютъ законъ, то это — плохая политика, это — не политика умпротворителей, а политика безсознательной провокаціи.

„Шестого марта предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ хорошее слово. Онъ сказалъ: „Россія находится въ состояніи переустройства.“ Это — правда. Болѣзненно и съ уродливыми отступленіями и скачками впередъ Россія идетъ къ новымъ формамъ своего политическаго бытія, и мы можемъ интересоваться

вопросомъ: какую-же роль въ этомъ движеніи играютъ члены правительства? Вы намъ сказали, что правительство исполнено одной мыслью, одной идеей—созданія правового государства. Если вы искренно этого хотите, то я васъ привѣтствую. Законность—это единственный принципъ, которымъ можно остановить революцію, потому что она сама революція; ею, и только ею вы создадите ту здоровую правовую атмосферу, которая, какъ политическая дезинфекція, убьетъ всѣ попытки насилія. Но если вы провозглашаете этотъ принципъ, то вы должны знать, что это—одинъ изъ тѣхъ принциповъ, измѣнять которые нельзя. Служить ему можетъ только тотъ, кто въ него вѣритъ и отъ него не отступить. Если вы примѣняете законъ только такъ, какъ вамъ это хочется, если въ вашихъ рукахъ законъ слабѣ силы, связей или заслугъ Гершельмана, то разорвите свою декларацію. Я знаю, что среди носителей власти много людей, которымъ ненавистна законность, которые вздыхаютъ по старому и съ высокаго балкона генераль-губернаторскаго дома привѣтствуютъ шестіе сторонниковъ государственнаго переворота; оттого-то на мѣстахъ вся прежняя атмосфера безправія, и тамъ на мѣстахъ не вѣрятъ ни нашимъ обѣщаніямъ, ни вашей работѣ. Эти послѣдыши абсолютизма губятъ спокойствіе Россіи, но если вы не хотите, чтобы они и васъ погубили, то, хотя-бы вы и были безсильны предъ ними, но крайней мѣрѣ, не защищайте ихъ съ этой трибуны“.

Бурными аплодисментами и съ правой, и съ лѣвой стороны, и изъ центра привѣтствовала дума закончившаго такъ свою рѣчь оратора.

Послѣ г. Маклакова съ защитой ген. Гершельмана выступилъ министръ юстиціи г. Щегловитовъ. И самъ онъ говорилъ уже не такъ спокойно и сдержанно, какъ говорилъ военный министръ, и слушали его тоже не такъ, какъ слушали ген. Редигера. То и дѣло его рѣчь, начатая съ апломбомъ, съ авторитетными нотами въ голосѣ, прерывалась восклицаніями, а въ иныхъ мѣстахъ и прямо смѣхомъ. Министръ юстиціи началъ съ указанія на то, что не слѣдуетъ въ обсужденіе вопроса вводить страстное чувство, и затѣмъ сразу-же повторилъ то, что сказалъ военный министръ о фактической сторонѣ дѣла. „Когда отъ фактической стороны не осталось уже ничего, — заявилъ министръ,—тогда перешли къ юридическому спору“ . Это заявленіе взволновало лѣвыхъ и вызвало крики: „Какъ ничего? а четыре висѣлицы!“ Перейдя самъ къ юридическому спору, министръ не признавалъ въ дѣйствіяхъ ген. Гершель-

мана признаковъ преступленія, потому что... въ резолюціи ген. Гершельмана не было словъ: „отмѣняю приговоръ“.

Этотъ „доводъ“ вызвалъ громкій смѣхъ со стороны лѣвыхъ.

Далѣе министръ призывалъ думу къ поддержкѣ авторитета власти. Положеніе власти въ настоящее революціонное время очень трудно. Нареканія сыплются со всѣхъ сторонъ. При такихъ условіяхъ приписываніе власти всякаго рода преступленій безъ достаточнаго основанія прибавляетъ къ затрудненіямъ существующимъ еще новыя. Не зачѣмъ правительству приписывать то, о чемъ говорилось. Ни о какой апологіи преступленій, ни о какой политикѣ безсознательной провокаціи, конечно, рѣчи быть не можетъ.

Тутъ опять министра прервали крики: „Не безсознательной, а сознательной.“

Закончилъ министръ громкими фразами по адресу лѣвыхъ. „Правительство, — сказалъ онъ, — всегда первое пойдетъ навстрѣчу тому, чтобы виновные въ преступленіи были подвергнуты законной отвѣтственности, но нельзя подрывать довѣріе къ власти, когда эта власть всѣми законными средствами борется съ тѣмъ, чтобы побороть тѣ преступныя проявленія, которыя, выбрасывая громкія слова о свободѣ, нарушаютъ и попираютъ эту свободу самымъ возмутительнымъ образомъ“.

Рѣчь министра юстиціи заставила выступить цѣлый рядъ ораторовъ-депутатовъ. Гг. Булатъ, Кузьминъ-Караваевъ, Серебряковъ, Демьяновъ, Гессенъ, Митровъ, свящ. Тихвинскій, Бѣлаевъ, Шпрскій, Кизеветтеръ одинъ за другимъ выступали за тѣмъ, чтобы въ своихъ рѣчахъ подчеркнуть именно то, что и министръ юстиціи такъ-же, какъ и военный министръ, говорятъ противъ самихъ себя. Бывшій профессоръ военно-юридической академіи г. Кузьминъ-Караваевъ указалъ на то, что военная власть, вопреки увѣреніямъ военнаго министра и министра юстиціи, приводила въ исполненіе незаконные приговоры. За храненіе бомбы и взрывчатыхъ веществъ—за что, по закону 4-го марта 1906 г., полагается высшимъ наказаніемъ лишь каторга,—въ Петербургѣ 20-го ноября 1906 г. Отто Кирхоненъ, Андрей Ивановъ, Семгинъ и Яковъ Тимофеевъ приговорены къ смерти и повѣшены. Отъ вниманія высшей власти не ускользнулъ этотъ случай. Она замѣтила его, но не исправила его, а лишь указала циркуляромъ, что военно-полевые суды при опредѣленіи наказанія за изготовленіе, приобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ взрывчатыхъ снарядовъ должны руководиться

закономъ, объявленнымъ въ номеръ 47 собранія узаконеній сего года.

— Почему власть тогда привела въ исполненіе приговоръ, явно незаконный?—спрашивалъ бывший профессоръ.—Если тогда законъ не допускалъ исправленія приговора, которымъ-бы сохранились человѣческія жизни, почему во второмъ случаѣ возможно было такое исправленіе, когда человѣческія жизни были принесены въ жертву?

Въ заключеніе ораторъ сопоставилъ принципы военно-полевыхъ и обыкновенныхъ судовъ. Правило послѣднихъ — лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного безвиннаго, правило первыхъ—лучше десять невинныхъ повѣсить, чѣмъ одного виновнаго вмѣсто висѣлицы отправить на каторгу.

Рѣзко и прямо выразился по адресу защитниковъ ген. Гершельмана нар. соц. Демьяновъ. „Для насъ ясно,—сказалъ ораторъ,—что Гершельманъ—преступникъ, а мы услышали здѣсь, что министръ юстиціи и военный министръ сказали намъ, что они съ этимъ преступникомъ солидарны“ .

Свящ. Тихвинскій указалъ, что военно-полевыми судами Фемида поставлена на таковую наклонную плоскость, что ея не уважаютъ даже сами носители закона. „Дѣло Гершельмана ясно доказываетъ, что Гершельманъ плюнулъ на эту юстицію, поставленную на наклонную плоскость. Доживемъ-ли мы, господа, до еще большаго позора? Судъ — это торжественный и священнѣйшій актъ въ жизни общества и отдѣльнаго человѣка. Судъ—это торжественная и священная повѣрка совѣсти одного лица съ совѣстью всего общества. На военномъ судѣ въ Москвѣ оцѣнка совѣсти несчастныхъ была уже сдѣлана. Г. военный министръ говоритъ, что не соблюдены были формальности, приказъ былъ данъ только въ словесной формѣ, а не письменный. Но развѣ форма приказа можетъ измѣнить самое оцѣнку совѣсти? Этого быть не можетъ—оцѣнка совѣсти не измѣняется отъ того, въ какой формѣ данъ приказъ, въ письменной или словесной. Очевидно отсюда, и совершенно ясно очевидно, что, кромѣ письменнаго приказа, г. Гершельману былъ данъ и другой приказъ, чтобы они были приговорены не къ каторжнымъ работамъ, а къ смертной казни“ .

Деп. І. В. Гессенъ отвѣчалъ министру юстиціи на брошенный имъ упрекъ г. Маклакову, что послѣдній ничего не отвѣтилъ военному министру по поводу его заявленія о томъ, что этотъ приговоръ не былъ кассированъ, а былъ отмѣненъ, по поводу того, что этотъ приговоръ не состоялся и что его над-

лежитъ исправить. „Я чрезвычайно удивленъ этимъ вопросомъ,— сказалъ ораторъ.— Я думаю, что министру юстиціи слѣдовало бы спрашивать не насъ, а свою совѣсть. Ему слѣдовало бы спросить себя, почему онъ согласился на введеніе такого института, который былъ отвергнутъ даже его предшественникомъ Акимовымъ? Почему онъ ввелъ такой институтъ, который дѣлаетъ возможнымъ приведеніе въ исполненіе приговора, юридически нелѣпаго и совершенно недопустимаго, почему подъ видомъ суда вводилъ въ дѣйствительности судъ Линча, судъ мести?“

Далѣе г. Гессенъ указалъ на то, что юридическаго института—оставленія приговора безъ исполненія—нѣтъ, что ген.-губернаторъ власть надъ приговоромъ имѣть не можетъ, и выразилъ сожалѣніе, что такое объясненіе даетъ министръ юстиціи, который долженъ быть блюстителемъ законности. Въ заключеніе ораторъ предложилъ отъ имени партіи нар. свободы слѣдующую формулу перехода:

„Принимая во вниманіе: 1) Что пзъ объясненій военнаго министра по запросу по поводу дѣйствій генераль-губернатора Гершельмана явствуется, что генераль-губернаторъ отмѣнилъ приговоръ военно-полевого суда по дѣлу братьевъ Кобловыхъ и Тараканниковыхъ ввиду формальныхъ его недостатковъ, пріятствовавшихъ ему, по мнѣнію генераль-губернатора, вступить въ законную силу; 2) что законъ о военно-полевыхъ судахъ не только не разрѣшаетъ генераль-губернатору провѣрять формальную неправильность приговора, но категорически воспрещаетъ всякій пересмотръ и всякое обжалованіе; 3) что такимъ образомъ совершенно установлена незаконность дѣйствій генераль-губернатора Гершельмана, имѣвшая послѣдствіемъ казнь 4 лицъ и требующая разсмотрѣнія его дѣйствій подлежащимъ судомъ, которое не можетъ быть замѣнено представленными гг. министрами оправданіями—государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.“

Выступившій вслѣдъ за г. Гессеномъ депутатъ Кизветтеръ указалъ министру юстиціи, что если только власть идетъ навстрѣчу запросамъ, то послѣдніе этой власти никогда не колеблютъ. „Но когда представители власти,—продолжалъ онъ,—желая обѣлить одного изъ своихъ, приводятъ доводы, взаимно другъ друга исключаютъ, то колеблютъ авторитетъ власти они и только они“. Приговоръ самочиннаго суда нечего было разсматривать, а разъ приговоръ разсматривался, значить, судъ уже признавался законнымъ“.

Добилъ двухъ первыхъ защитниковъ ген. Гершельмана третій защитникъ, неожиданно появившійся въ залѣ засѣданія и, какъ потомъ говорили въ кулуарахъ, вызванный на помощь по телефону товарищъ мин. внутр. дѣлъ г. Макаровъ.

Министръ юстиціи просилъ не давать мѣста чувству въ серьезномъ вопросѣ, тов. министра внутреннихъ дѣлъ, напротивъ, думалъ побѣдить думу именно чувствительностью. Онъ вдругъ началъ заступаться за городского, подвергшагося нападению, и за городскихъ вообще.

„Съ тяжелымъ чувствомъ,—заявлялъ онъ,—слышалъ я рассказы, порочащіе память этого городского. Ихъ много, этихъ простыхъ русскихъ людей, ревностно исполняющихъ свои трудныя обязанности, часто не знающихъ утромъ, вернутся-ли они домой вечеромъ. Если вы не находите возможнымъ поддерживать ихъ мужество,—патетически воскликнулъ въ заключеніе товарищъ министра,—то не порочьте ихъ памяти!“

Юридически онъ думалъ разбить противниковъ въ началѣ рѣчи. „По военно-судному уставу, всѣ военные суды, какъ корпусные, такъ и полковые,—заявилъ онъ,—учреждаются особыми приказами командующаго округомъ. Первый военно-полевой судъ, состоявшійся 27-го ноября, законно не существовалъ, потому что приказъ по военному округу объ образованіи по данному дѣлу военно-полевого суда былъ отданъ лишь 28-го. Конечно, приговоръ несуществующаго учрежденія тоже законно не существуетъ“.

Рѣчь г. Макарова вызвала выступленіе вновь гг. Кузьмина-Караваева и Маклакова. Первый ораторъ, указавъ на то, что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ вполнѣ освѣтилъ вопросъ о „приказѣ“ и выдвинулъ его, какъ существенный доводъ,—продолжалъ: „По приказомъ назначаются лишь полковые и корпусные суды, представляющіе дѣйствительно органы суда, но вовсе не военно-полевые, законъ о которыхъ ясенъ“. Тутъ же депутатъ прочиталъ товарищу министра положеніе отъ 19-го августа 1906 г., въ которомъ нѣтъ ни слова о способѣ назначенія полевого суда.

Г. Маклаковъ въ отвѣтъ на слова тов. министра указалъ, что онъ и не думалъ оскорблять память городского. „Здѣсь намъ показывали взаимное несогласіе,—сказалъ онъ.—Министръ юстиціи вызываетъ къ отрѣшенію отъ чувства, а г. Макаровъ, наоборотъ, бьетъ на это чувство, говоря о памяти городского. Я думаю,—произнесъ ораторъ при бѣшеномъ взрывѣ рукоплесканій,—что это потому, что городского легче защи-

щать, чѣмъ генераль-губернатора. Тѣмъ болѣе,—тихо добавилъ г. Маклаковъ,—что на городского здѣсь никто не нападаетъ.“

Послѣ рѣчи г. Маклакова былъ сдѣланъ перерывъ для выработки окончательной формулы перехода къ дѣламъ. Во время перерыва въ кулуарахъ много говорилось о томъ, что министры говорили только по одному разу. Отповѣдь имъ была такъ сильна, что они не нашлись, что сказать на нее. Отмѣчалось и недовольство рѣчами министровъ даже со стороны ихъ приверженцевъ—правыхъ.

Вслѣдъ за перерывомъ на баллотировку въ первую очередь поставлена была формула о признаніи объясненій правительства неудовлетворительными, покрывающими преступленіе ген. Гершельмана.

Послѣ предупрежденія предсѣдателя, что принятіе этой формулы повлечетъ немедленное ея представленіе черезъ предсѣдателя государственнаго совѣта на Высочайшее благовозрѣніе, она собраніемъ была отвергнута.

Въ концѣ концовъ, всѣмъ собраніемъ, противъ 8 правыхъ, при воздерживавшихся социаль-демократахъ, принята была формула г. Гессена.

Засѣданіе 1-го мая 1907 г.

Тридцать первое засѣданіе государственной думы 1-го мая было чисто дѣловымъ, такъ какъ въ немъ разсматривался вопросъ о штатахъ канцеляріи думы, но потому, что въ немъ присутствовалъ уже г. Пуришкевичъ, оно, конечно, не могло пройти безъ цѣлаго ряда скандаловъ. Дума вначалѣ приняла спѣшность вопроса о штатахъ и рѣшила сразу-же начать по-статейное чтеніе законопроекта. Выступившій вслѣдъ за этимъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Крыжановскій, заявивъ, что правительство въ общемъ согласно съ проектомъ, перешелъ къ критикѣ пятой статьи проекта. Предсѣдатель вѣжливо попросилъ его отложить эту критику до момента, когда будетъ обсуждаться 5-я статья. Это предложеніе предсѣдателя, принятое самимъ г-номъ Крыжановскимъ, раздражило г. Пуришкевича и онъ въ теченіе нѣкотораго времени кричалъ съ мѣста, чтобы ему дали слово. Его крики вызвали замѣчанія и крики со стороны лѣвыхъ и предсѣдателю съ трудомъ удалось возстановить порядокъ.

Второй скандалъ былъ разыгранъ г. Пуришкевичемъ во время обсужденія вопроса о томъ, необходимо-ли для служащихъ въ канцеляріи думы высшее образованіе. Товарищъ мини-

стра г. Крыжановскій находилъ его необходимымъ. Лѣвые доказывали, что не всегда дипломъ свидѣтельствуетъ объ истинной образованности. Г. Пуришкевичъ тутъ-то и нашелъ возможнымъ показать себя. Заявивъ вначалѣ, что дипломы имѣютъ значеніе въ наше время, когда никто не хочетъ учиться, онъ вдругъ, показывая на лѣвыхъ, у которыхъ въ петлицахъ по случаю 1-го мая была красная гвоздика, прокричалъ: „Я вѣрю, есть самородки среди этихъ андалузскихъ торреадоровъ и матадоровъ. Но единственный цензъ, который имъ угоденъ,—тюремный!“

Произошелъ новый скандалъ, причемъ предсѣдатель пригрозилъ г. Пуришкевичу даже 38-й статьей.

Поднимался лѣвыми вопросъ о допущеніи женщинъ на всѣ должности въ канцеляріяхъ думы. Проектомъ онѣ допускаются лишь на второстепенныя должности. Предложеніе лѣвыхъ было отвергнуто.

Въ результатѣ всѣ статьи проекта были приняты съ незначительными поправками. Содержаніе канцеляріи думы, по проекту, будетъ стоить 400.915 р. въ годъ.

И наканунѣ, въ тридцатомъ засѣданіи, и въ концѣ тридцать перваго засѣданія правые возбуждали вопросъ о назначеніи дня для обсуждения внесеннаго ими предложенія о порицаніи террористическихъ убійствъ. Дума на этотъ разъ рѣшила рассмотреть вопросъ въ порядкѣ его внесенія, т. е., делятѣмъ по очереди срочнымъ заявленіемъ.

Засѣданіе 3-го мая 1907 г.

День третьяго мая въ государственной думѣ былъ опять цѣликомъ посвященъ аграрному говоренію. Центромъ вниманія въ засѣданіи былъ депутатъ Грабскій, народовець-полякъ. Онъ сказалъ очень большую и хорошо построенную рѣчь, въ которой отвѣчалъ на все, что было сказано правыми, при произнесеніи аграрныхъ рѣчей, по адресу поляковъ и противъ автономіи Польши. Онъ доказывалъ, и очень удачно, полную несостоятельность доводовъ противъ автономіи, осуществленіе которой, по мнѣнію правыхъ, приведетъ якобы къ угнетенію православнонаго населенія Царства Польскаго. Г. Грабскій подчеркивалъ, что автономія есть въ сущности широкое мѣстное самоуправленіе и что и при автономіи поляки въ русскомъ государствѣ будутъ не болѣе, какъ національнымъ меньшинствомъ. Гарантированы будутъ права и всѣхъ живущихъ въ Польшѣ. Отъ требованія передачи рѣшенія аграрнаго вопроса въ поль-

скій сеймъ русская обновляющаяся государственность нисколько не потеряетъ, а идея соціальной справедливости получитъ свое единственное правильное у насъ воплощеніе.

Послѣ г. Грабскаго, выступавшаго первымъ въ засѣданіи и часто прерывавшагося криками правыхъ, говорилъ г. Эдельхановъ. Онъ указывалъ на нужды Терской области, на необходимость остановить расхищеніе земель, урегулированіе арендной цѣны и проч.

Въ первый разъ въ засѣданіи говорилъ смоленскій депутатъ, бывший уѣздный предводитель дворянства П. Н. Опочининъ. О немъ нѣкоторые депутаты знали, что до 17-го октября 1905 г. онъ считался либераломъ, а затѣмъ, какъ только былъ изданъ манифестъ о свободахъ, сразу поправѣлъ. Его рѣчь длилась болѣе двухъ часовъ и депутаты, чтобы прекратить говореніе оратора, устраивали ему даже обструкцію. Ему кричали и „довольно“, и „громче“, депутаты съ шумомъ вставали и уходили, но ничто не помогало. Рѣчь была совершенно бесполезна въ собраніи, потому что и говорилъ-то ораторъ такъ, что его, даже при желаніи, нельзя было услышать. Каждое слово онъ сопровождалъ тягучимъ „Ээ.....э“, „мямлилъ“, проглатывалъ слова и проч. Однако, если-бъ не эта манера говорить, то рѣчь смоленскаго депутата должна-бы быть признана дѣльной. Онъ весьма основательно раскритиковалъ въ ней земельные законопроекты и трудовиковъ, и „ка-детовъ“. О послѣднихъ онъ, указывая на противорѣчія ихъ прошлогодняго и нынѣшняго законопроектовъ, сказалъ, что они находятся пока еще „въ періодѣ исканія.“

Красиво говорилъ с.-р. Мушенко. Онъ представилъ исходящій отъ партіи соціаль-революціонеровъ „Проектъ основного закона о землѣ“ и защищалъ его, совершенно, должно быть, вѣруя въ его примѣнимость.

Вслѣдъ за рѣчью г. Мушенко вновь внесено было цѣлыхъ три предложенія, клонящихся къ скорѣйшему избавленію думы отъ аграрнаго говоренія: 1) о прекращеніи рѣчей, 2) объ ограниченіи говоренія 10-ю и 3) объ ограниченіи 15-ю минутами. Вносящіе предложенія въ правѣ были надѣяться, что послѣ такого оратора, какъ г. Опочининъ, дума, наконецъ, признаетъ тщету говоренія при пустомъ залѣ, но крайніе фланги знаютъ, что въ провалѣ этого вопроса вольны они. 50 протестующихъ голосовъ они имѣютъ. И они показали свою „силу“ и провалили всѣ три предложенія, а затѣмъ, исполнивъ свой „долгъ“, когда началась рѣчь г. Лошкарева, удалились изъ засѣданія.

Послѣ этого забѣгали думскіе пристава и, сосчитавъ оставшихся депутатовъ, доложили президіуму, что въ залѣ нѣтъ законнаго состава депутатовъ.

Звонокъ предсѣдателя остановилъ оратора и Н. Н. Познанскій, предсѣдательствовавшій вмѣсто г. Головина, объявилъ, что собраніе закрывается.

Г. Лошкаревъ долженъ былъ прервать свою рѣчь въ самомъ началѣ разгрома лѣвыхъ октябристовъ. Половина его рѣчи пропала даже для стенограммъ. По справедливости, дума должна-бы была признать конецъ 32-го засѣданія за настоящее правильное голосованіе противъ ни къ чему, кромѣ потери времени, не ведущаго земельнаго говоренія.

Засѣданіе 4-го мая 1907 г.

Тридцать третье засѣданіе государственной думы, 4-го мая, должно было-бы быть историческимъ засѣданіемъ, потому что въ немъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о скорѣйшемъ введеніи въ Россіи всеобщаго обученія. Увы! Это засѣданіе и сдѣлалось историческимъ, но только по другому поводу.

„Знаменитый“ г. Пуришкевичъ, вмѣстѣ съ неменѣе „знаменитымъ“ г. Келеповскимъ произвели въ этомъ засѣданіи такой скандалъ, который окончательно показалъ и установилъ, что этимъ депутатамъ, „опорѣ правительства“, мѣсто не въ государственной думѣ, а скорѣе въ лечебницѣ для душевно-больныхъ. Прискорбнѣе всего то еще, что къ этой „знаменитой“ двоицѣ присоединился еще третій депутатъ и—можно-ли думать?—профессоръ Сазоновичъ!

На очередь при началѣ засѣданія поставленъ былъ, въ сущности, вопросъ лишь о направленіи законопроекта о всеобщемъ обученіи. Группа членовъ думы внесла предложеніе о необходимости образовать специальную комиссію для разсмотрѣнія внесеннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія законопроекта о всеобщемъ образованіи, немедленно передать въ эту комиссію названный законопроектъ и туда-же передать и всѣ другія представленія министерства, касающіяся народнаго образованія.

В. М. Гессенъ, внесшій предложеніе, доказывалъ, что принятіе предложенія безъ говоренія необходимо для ускоренія дѣла. Необходимо вопросъ рѣшить скорѣе, чтобы въ этомъ-же году можно было провести благопріятно рѣшенный въпроектъ въ жизнь. Детальное разсмотрѣніе вопроса возможно только въ

комиссіи. Но не успѣлъ ораторъ сойти съ кафедры, какъ туда вошелъ министръ народнаго просвѣщенія и, поблагодаривъ собраніе за вниманіе къ внесенному управляемымъ имъ министерствомъ законопроекту, сказалъ рѣчь по существу. Его рѣчь была хорошей, теплой рѣчью. Онъ говорилъ, что въ школѣ вся сила въ учителѣ. Въ ней надо не только учить дѣтей, но и воспитывать изъ дѣтей честныхъ гражданъ. Правительство въ скоромъ времени внесетъ дальнѣйшіе законопроекты объ учительскихъ семинаріяхъ и проч. Школьное дѣло тогда упрочится въ Россіи, когда общество и народъ твердо рѣшатъ сохранить школу для школы, а не для какихъ-либо иныхъ цѣлей, напр., для политической пропаганды, какъ это сдѣлалось теперь чуть-ли не обычнымъ явленіемъ.

Рѣчь министра по существу не могла не вызвать желанія и у депутатовъ отвѣчать по существу-же, и не успѣлъ онъ сойти съ кафедры, какъ оказались записавшимися до 70-ти ораторовъ. „Повтореніе аграрнаго говоренія!“ — въ ужасѣ восклицали многіе депутаты.

Но рѣчи уже полились, ненужныя въ сущности рѣчи. Въ нихъ доказывалось давно уже всѣмъ извѣстное изъ митинговыхъ рѣчей, что въ нашихъ школахъ занимаются не ученіемъ, что тамъ болѣе всего боятся, какъ-бы учащіеся не сдѣлались настолько образованными, что начали-бы сами осмысливать различныя положенія. Въ своихъ рѣчахъ ораторы указывали на то, главнымъ образомъ, что слова министра очень расходятся съ дѣйствіями министерства. Между прочимъ, депутатъ-крестьянинъ Мельникъ просто, но образно разсказалъ, какъ страдаетъ безъ образованія мужикъ. Онъ не знаетъ, гдѣ ему поучить своихъ дѣтей. И крестьянъ справедливо называютъ стадомъ, но называютъ ихъ такъ тѣ, кто учится и получаетъ образованіе на крестьянскія-же деньги.

Съ самаго начала рѣчей, въ которыхъ посыпались упреки министерству, правые вели себя очень неприлично. То и дѣло, они прерывали ораторовъ криками, дѣлали замѣчанія председателю.

Въ особенности ихъ раздражало, когда депутаты-инородцы указывали на обрусительную политику правительства на окраинахъ черезъ школы. Когда на кафедру вошелъ депутатъ-мусульманинъ Хасановъ и началъ говорить о томъ, что такое ненормальное отношеніе къ инородцамъ возможно было при самодержавномъ строѣ, а теперь, при конституціонномъ, должно отойти въ вѣчность, правые подняли невообразимый шумъ,

стукъ, крики и начали орать въ буквальномъ смыслѣ слова. Предсѣдатель предложилъ примѣнить къ Келеповскому, Пуришкевичу и Сазоновичу (это—профессоры!) 38-ю ст., и государственная дума при восторженныхъ аплодисментахъ огромнымъ большинствомъ приняла предложеніе. Но эти господа не только не оставили зала, но Пуришкевичъ подскочилъ къ І. В. Гессену и, грозя ему кулакомъ, прокричалъ: „Вы, Гессенъ, берегитесь!“ Объявленъ былъ перерывъ, послѣ котораго предсѣдатель, ввиду нежеланія этихъ представителей крайнихъ правыхъ подчиниться постановленію думы (они продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ), предложилъ думѣ исключить ихъ на 15 засѣданій. И это предложеніе было принято, послѣ чего гг. Келеповскій и Сазоновичъ удалились, а г. Пуришкевичъ не пожелалъ даже подчиниться приглашенію пристава. Предсѣдатель, чтобы не оскорблять думы примѣненіемъ силы, закрылъ засѣданіе, заявивъ, что приставамъ будетъ отдано распоряженіе не впускать этихъ господъ въ залъ засѣданій. „Нельзя еще не прибавить,—замѣчаетъ „Рѣчь“,—что, по утвержденію многихъ, присяжный агитаторъ, статсъ-секретарь Головинъ убѣждалъ изгнанныхъ не подчиняться постановленію думы и не уходить изъ засѣданія“ .

Засѣданіе 7-го мая 1907 г.

34-е засѣданіе государственной думы, 7-го мая, имѣло необыкновенный видъ. Депутатамъ заранѣе было извѣстно, что въ началѣ этого засѣданія правыми и умѣренными будетъ внесень внѣочередной запросъ по поводу распространившихся слуховъ о злодѣйскомъ заговорѣ на жизнь Государя Императора.

Къ двумъ часамъ дня депутаты собрались въ залъ засѣданій, но вся лѣвая половина скамей демонстративно пустовала. Не было въ залѣ четырехъ фракцій—соціалъ-демократовъ, соціалъ-революціонеровъ, народныхъ социалистовъ и трудовиковъ. Въ министерскихъ мѣстахъ были и предсѣдатель совѣта министровъ, и г. Щегловитовъ, и кн. Васильчиковъ, и оберъ-прокуроръ св. синода г. Извольскій.

Въ 2 ч. 20 мин. предсѣдатель думы объявилъ засѣданіе открытымъ и ровнымъ голосомъ прочиталъ срочное заявленіе 33-хъ членовъ о запросѣ:

„Ввиду чрезвычайной важности нижеслѣдующаго обращенія за разъясненіемъ къ правительству, мы просимъ государственную думу немедленно обсудить его внѣ очереди. Мы предлагаемъ государственной думѣ принять нижеслѣдующее обра-

щеніе за разъясненіемъ къ г. министру вн. дѣлъ: во-первыхъ, имѣютъ-ли фактическія основанія слухи, которые проникли въ печать, о томъ, что возникъ заговоръ противъ жизни нашего Государя Императора? во-вторыхъ, если—да, то позволяютъ-ли обстоятельства дѣла нынѣ-же сообщить государственной думѣ подробности этого гнуснаго заговора?“ .

Вслѣдъ за прочтеніемъ заявленія на кафедре вошелъ графъ Бобринскій и прочувствованно сказалъ слѣдующую довольно красивую рѣчь:

— За послѣдніе дни въ заграничной печати и отчасти въ русской стали появляться тревожные слухи о томъ, что готовится покушеніе на жизнь нашего Императора, о томъ, что былъ даже заговоръ противъ священной особы Монарха. Читая эти извѣстія, внемля всевозможнымъ слухамъ, мы, члены государственной думы, не могли не обратиться съ запросомъ къ правительству, пбо безопасность Престола—это безопасность Россіи; а Престолу и отечеству мы призваны здѣсь служить. Казалось-бы, статья 40 учр. государственной думы предоставляетъ намъ право обращаться за разъясненіями къ правительству лишь по вопросамъ, находящимся на разсмотрѣніи государственной думы. Но я и мои товарищи по фракціи считаемъ, да и всѣ вы, надѣюсь, признаете, что дѣятельность государственной думы должна быть всегда направлена къ возвеличенію престола Государя Всероссийскаго и ко благу нераздѣльнаго съ Царемъ народа русскаго. А посему дѣятельность законодательная на преуспѣяніе Россіи неразрывно связана съ безопасностью Императора, ибо безъ Царя нѣтъ Россіи. Хотя обращеніе за разъясненіемъ, которое лежитъ теперь предъ вами, внесено фракціей умѣренныхъ и правыхъ, но первое наше желаніе таково, чтобы оно носило совершенно безпартійный характеръ. При имени Монарха, которому грозила лютая смерть, предъ опасностью, которая черной тучей нависла надъ отечествомъ,—должна смолкнуть партійная рознь среди всѣхъ тѣхъ, которые искренно соблюдаютъ основные законы Императора Николая II. Въ такую торжественную минуту пусть заговорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ, но однимъ языкомъ, всѣ народы и племена, населяющіе необъятную Россію—отъ Польши до Камчатки и отъ Печорскихъ тундръ до вершинъ Арарата. Языкъ этотъ пусть гласитъ о вѣрности Царю, о радости по случаю избавленія его отъ рукъ убійць, а также о негодованіи противъ насильниковъ, которымъ, видно, мало несчастія и позора 1 марта 1881 г. До сихъ поръ мы пребывали въ заблужденіи.

жденіи, мы съ ужасомъ видѣли, какъ мужественно падали отъ рукъ убійць—революціонеровъ вѣрные слуги нашего Государя, вѣрные сыны Россіи, съ честью погибая на славной стезѣ долга. Но мы не допускали мысли, что рука убійцы дерзнетъ подняться на Того, Кто олицетворяетъ честь и мощь Россіи, Кто даровалъ Россіи народное представительство. Но, господа, мы жестоко ошиблись. Оказалось, что нѣтъ границъ человѣческой злобѣ, нѣтъ предѣла той безднѣ погибели, въ которую повергаетъ челоуѣка духъ ненависти и лжи. Теперь новая забота, новая самая ужасная тревога усугубляетъ тревоги и заботы переживаемаго нами лихолѣтія. Нашъ умъ, наше сердце будутъ чутко и болѣзненно на стражѣ безопасности нашего Государя. Но великій народъ умѣетъ переносить грозныя бури. И Царь сохранить Свою Россію, и Россія сохранить своего Царя! Въ этомъ сознаніи постараемся съ полнымъ спокойствіемъ выслушать сообщеніе, которое имѣетъ намъ сдѣлать правительство; съ твердымъ достоинствомъ скажемъ лиходѣямъ, позорящимъ имя русскихъ, какъ относится государственная дума къ этому факту; Царю-же съ чистымъ сердцемъ скажемъ о нашей безпредѣльной любви и непоколебимой вѣрности.

Вслѣдъ за графомъ Бобринскимъ на трибуну вошелъ предсѣдатель министровъ П. А. Столыпинъ и, отчеканивая каждый слогъ, заявилъ, что хотя по точному смыслу положенія о государственной думѣ предъявленный запросъ не относится къ тѣмъ, по которымъ правительству предоставлено отвѣчать думѣ, но ввиду крайне преувеличенныхъ газетныхъ слуховъ онъ это нашелъ возможнымъ. Затѣмъ П. А. Столыпинъ прочиталъ правительственное сообщеніе о заговорѣ и, не прибавивъ къ нему ни слова, сошелъ съ кафедры.

Предсѣдатель думы послѣ этого доложилъ, что за подписью 30 лицъ, имъ получена слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Охваченная чувствомъ живѣйшей радости по поводу счастливо избѣгнутой опасности, грозившей Его Императорскому Величеству, и относясь съ глубокимъ негодованіемъ къ обнаруженному преступному замыслу, государственная дума переходить къ очереднымъ дѣламъ“.

Правые хотѣли, чтобы прошла ихъ формула, и проф. Рейнъ тотчасъ-же, вслѣдъ за заявленіемъ предсѣдателя, прочиталъ текстъ ея:

„Выслушавъ сообщеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, государственная дума, глубоко потрясенная и возмущенная гнус-

нымъ заговоромъ противъ священной особы нашего Государя Императора, заговоромъ, грозившимъ потрясти въ корнѣ основы русской государственности, выражаетъ свое глубокое негодованіе и презрѣніе крамольникамъ, дерзнувшимъ замышлить тягчайшее преступленіе противъ русскаго народа, не отдѣляющаго себя отъ своего Царя; государственная дума требуетъ отъ правительства, чтобы оно и впредь, какъ въ данномъ случаѣ, съ неослабной бдительностью охраняло священную особу Государя Императора отъ дикихъ нападений изувѣровъ. Въ твердой увѣренности, что правительство окажется на высотѣ своего долга, государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“ .

Въ порядкѣ поступленія на голосованіе была предложена первая формула и единогласно, при ашплудисментахъ всего состава думы, находившагося въ залѣ, принята. Предложеніе правыхъ, такимъ образомъ, отпало.

Послѣдніе часы 34-го засѣданія были посвящены запросамъ объ обыскѣ въ квартирѣ депутата Озоля, гдѣ помѣщалась социаль-демократическая фракція, и объ алгачинской тюрьмѣ.

Предсѣдатель огласилъ два срочныхъ запроса по поводу обыска, произведеннаго 5-го мая въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 92 по Невскому пр., въ квартирѣ депутата Озоля. Содержаніе ихъ таково:

„5-го мая въ 8 час. 45 мин. въ квартиру депутата Озоля на Невскомъ, въ домѣ № 92, явилась полиція и съ возгласами „руки вверхъ“ , направивъ револьверы въ головы присутствовавшихъ, немедленно приступила къ обыску и аресту всѣхъ находящихся тамъ лицъ. При этомъ, когда полиція обратилась съ требованіемъ объ обыскѣ къ 4 депутатамъ, то они, подъ угрозю непосредственнаго насилія надъ ними, подняли руки вверхъ по требованію полиціи и дали себя обыскать. Депутаты заявили, что считают этотъ обыскъ нарушеніемъ депутатской неприкосновенности, и поэтому требовали немедленнаго призыва судебныхъ властей и, кромѣ того, заявили, что до прибытія судебныхъ властей никакихъ насилій они надъ собой не допустятъ. Затѣмъ, въ теченіе болѣе чѣмъ 2 часовъ, депутаты тщетно звали судебныя власти. Наконецъ, пріѣхалъ прокуроръ окружнаго суда, а вскорѣ и прокуроръ судебной палаты Камышанскій, которому первый и передалъ свои полномочія“ .

Оба запроса авторами признаются не только срочными, но и внѣочередными.

Предсѣдатель совѣта министровъ не счелъ нужнымъ ожидать

мѣсячнаго срока, который предоставляется правительству для отвѣта на запросы, и отвѣчалъ немедленно:

— Я не думалъ выступить сегодня по этому дѣлу и не ждалъ запроса, который только что тутъ оглашенъ, такъ что онъ является для меня полной неожиданностью. Но я считаю своею обязанностью, какъ начальникъ полиціи въ государствѣ, выступить съ нѣсколькими словами въ защиту дѣйствій лицъ, мнѣ подчиненныхъ. Дѣло, которое сегодня теперь тутъ поднято, будетъ, вѣроятно, рассмотрѣно послѣ обсуждения его въ комиссіи; вѣроятно, мнѣ придется дать объясненія и въ порядкѣ запроса о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ полиціи. Теперь же я желаю дать только предварительное разъясненіе. Насколько мнѣ извѣстно, дѣло произошло такимъ образомъ. Столичная полиція получила свѣдѣнія, что на Невскомъ собираются центральныя революціонныя комитеты, которые имѣютъ сношенія съ военной революціонной организаціей.

„Въ данномъ случаѣ полиція не могла поступить иначе, какъ—не „вторгнуться“, я этого выраженія не признаю, — а войти въ ту квартиру въ силу власти, предоставленной полиціи. Не забудьте, что городъ Петербургъ находится на положеніи чрезвычайной охраны и что въ этомъ городѣ происходили событія чрезвычайныя. Такимъ образомъ, полиція должна была, имѣла право и правильно сдѣлала, что въ эту квартиру вошла. Въ квартирѣ оказались, дѣйствительно, члены государственной думы; но, кромѣ нихъ, были лица постороннія. Лица эти, въ числѣ 31, были задержаны и при нихъ были задержаны документы, нѣкоторые изъ которыхъ оказались компрометирующими. Всѣмъ членамъ государственной думы было предложено, не желаютъ-ли они тоже обнаружить то, что при нихъ находится. Изъ нихъ нѣсколько лицъ подчинились, а другія лица отказались. Никакого насилія надъ ними произведено не было и до окончанія обыска всѣ они оставались въ квартирѣ, въ которую вошла полиція. Теперь я долженъ въ оправданіе дѣйствій полиціи, сказать слѣдующее: на слѣдующій день были произведены дополнительныя дѣйствія не только полицейскою, но и слѣдственной властью, и обнаружено отношеніе квартиры депутата Озоля къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ.

„Въ этомъ случаѣ, господа, я долженъ сказать—и заявляю открыто,—что полиція и впредь будетъ такъ-же дѣйствовать, какъ она дѣйствовала. Незаконномѣрнаго ничего не было. Если были какія-либо неправильности въ подробностяхъ, то это и

будетъ обнаружено. Я долженъ сказать, что, кромѣ огражденія депутатской неприкосновенности, на насъ, посетителей власти, лежитъ еще другая отвѣтственность—огражденіе общественной безопасности. Долгъ этотъ свой мы сознаемъ и исполнимъ его до конца, и въ этомъ отношеніи я считаю своею обязанностью предъ лицомъ всей Россіи, какъ начальникъ, какъ отвѣтственное лицо за дѣйствія полиціи, сказать нѣсколько словъ въ ея защиту, сказать, что если будутъ доходить до нея слухи, подкрѣпленные достаточными данными, о серьезныхъ обстоятельствахъ, за которыя правительство и администрація несутъ отвѣтственность, то она сумѣетъ поступить такъ-же, какъ поступила, а судебное вѣдомство исполнитъ свой долгъ и сумѣетъ обнаружить виновныхъ“ .

П. А. Столыпинъ говорилъ уже не тѣмъ голосомъ, какимъ онъ читалъ сообщеніе правительства. Закончилъ онъ свою рѣчь съ пафосомъ, какъ-бы повторяя знаменитое „не заугаете!“ .

Послѣ министра выступали нѣсколько депутатовъ с. - д. и, ободренные примѣромъ премьеръ - министра, высказываясь за срочность, говорили и по существу. Они указывали, что 35 депутатовъ, принадлежавшихъ къ фракціи с.-д., находившихся въ квартирѣ члена государственной думы Озоля, были задержаны на 7 часовъ. Это, несомнѣнно, находится въ противорѣчій съ „неприкосновенностью“ депутатовъ.

— Грубыя полицейскія руки,—заявилъ одинъ изъ ораторовъ,—осквернили самую идею народнаго представительства.

Послѣ рѣчей лѣвыхъ, было принято рѣшеніе обсудить запросъ немедленно, не передавая въ комиссію.

Тотчасъ, вслѣдъ за этимъ, графъ Бобринскій заявилъ отъ имени правыхъ, что, ввиду того, что извѣстная часть депутатовъ отсутствовала при обсужденіи перваго запроса (о покушеніи), правые не могутъ спокойно принимать участіе въ преніяхъ, касающихся запроса лѣвыхъ. Правые послѣ этого ушли; на ихъ скамьяхъ остался лишь одинъ депутатъ г. Крушеванъ.

Затѣмъ открылись пренія по существу запроса и рѣчи полились безъ конца. Всѣ эти рѣчи, довольно безсодержательныя и водянистыя, сводились къ тому, что дѣйствія полиціи были незаконны и что полиція не могла вторгаться въ помещеніе, не имѣя на это основательныхъ данныхъ. Въ квартирѣ Озоля не было собранія, а просто была устроена засада,—говорили ораторы.—Въ теченіе 7-ми часовъ задерживались всѣ

приходящіе. Въ любой квартирѣ любого адвоката въ теченіе 7-ми часовъ можно задержать еще большее количество лицъ.

Съ юридической стороны дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Ст. 258 уст. угол. суд. гласитъ такъ:

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда полиціею застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе, а также когда до прибытія на мѣсто происшествія судебного слѣдователя слѣды преступления могли-бы изгладиться, полиція замѣняетъ судебного слѣдователя во всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, не терпящихъ отлагательства, какъ-то: въ осмотрахъ, освидѣтельствованияхъ, обыскахъ и выемкахъ. Но формальныхъ допросовъ ни обвиняемымъ, ни свидѣтелямъ полиція не дѣлаетъ, развѣ-бы кто-либо изъ нихъ оказался тяжело больнымъ и представилось-бы опасеніе, что онъ умретъ до прибытія слѣдователя“ .

Затѣмъ къ данному дѣлу можетъ еще имѣть отношеніе ст. 21 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка. Эта статья гласитъ такъ:

„Мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется дѣлать распоряженія: 1) о предварительномъ задержаніи, не болѣе, однако, двухъ недѣль, всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ, и 2) о производствѣ, во всякое время, обысковъ во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, фабрикахъ, заводахъ и т. п... и о паложеніи ареста, впредь до распоряженія подлежащаго начальства, на всякаго рода имущество, указывающее на преступность дѣйствій или намѣреній заподозрѣннаго лица“ .

„Значитъ, съ юридической точки зрѣнія,—говоритъ А. Пиленко въ „Нов. Вр.“ по этому поводу,—дѣло представлялось весьма простымъ. Полиція имѣла право войти въ квартиру д. Озоля на основаніи ст. 21 Положенія объ усиленной охранѣ. Если-бы въ ордерѣ была упомянута эта статья, то весь вопросъ о незаконности падалъ самъ собой. По какимъ-то неизвѣстнымъ для меня соображеніямъ, охранное отдѣленіе не упомянуло этой статьи (хотя, конечно, имѣло право упомянуть ее). За отсутствіемъ ссылки на ст. 21, вступала въ силу ст. 258. Эта статья отличается отъ ст. 21 тѣмъ, что полиція производитъ обыски на свой страхъ, впредь до прибытія судебной власти (ст. 260 уст. угол. судопр.), и только потому,

что нѣтъ возможности немедленно пригласить судебную власть. Слѣдовательно, при примѣненіи ст. 258 возникалъ уже не юридическій вопросъ о незаконности, а чисто фактическій вопросъ о томъ, была-ли возможность у полиціи пригласить судебную власть къ самому началу обыска. Этотъ вопросъ настолько ничтоженъ и такъ неблагоприятенъ для парламентскаго дебатирования, что всѣ сегодняшніе разговоры, силою вещей, свелись къ толченію воды. Министръ юстиціи сталъ на ту точку зрѣнія: что у полиціи не было времени пригласить слѣдователя. Противнаго никто изъ лѣвыхъ ораторовъ не доказалъ“.

Г. Щегловитовъ (министръ юстиціи) сказалъ, что, дѣйствительно, 5-го мая имѣвшіяся у прокурора данныя не носили характера „достаточной уловимости“, но за день 6-го мая этотъ характеръ объявился.

И теперь у г. Щегловитова оказался цѣлый рядъ данныхъ. Военная организація имѣла связи съ квартирой Озоля: ее посѣщали переодѣтые нижніе чины. Обыскъ опоздалъ на полчаса, а то-бы онъ захватилъ совмѣстное засѣданіе фракціи и центральнаго революціоннаго военнаго комитета.

Такимъ образомъ, данныя для того, чтобы войти въ помѣщеніе г. Озоля, у полиціи имѣлись. Затѣмъ говорилось о томъ, что обыскъ, который былъ предпринятъ полиціей, повлекъ за собою какъ-бы задержаніе гг. членовъ государственной думы; говорившіе здѣсь упустили изъ вида одно обстоятельство, что всюду, во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, различаютъ или, вѣрнѣе, отличаютъ такъ называемую неприкосновенность отъ понятія внѣземельности для того помѣщенія и мѣста, гдѣ находятся члены законодательнаго собранія; всюду, во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, при признаніи неприкосновенности личности членовъ законодательнаго собранія, признается полная неприкосновенность для судебной власти не только помѣщенія, занимаемаго отдѣльнымъ членомъ законодательнаго собранія, но и помѣщенія, занимаемаго всѣмъ законодательнымъ собраніемъ. Еще весьма недавно въ германской литературѣ вызвалъ цѣлую массу соображеній и печатныхъ статей вопросъ о томъ, можетъ-ли судебная и полицейская власть проникать въ помѣщеніе рейхстага и вопросъ этотъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что когда нужно отыскивать то, что признается необходимымъ для судебного слѣдствія, то въ этомъ отношеніи препятствій въ идеѣ неприкосновенности членовъ законодательнаго собранія не существуетъ. Да и по существу иное положеніе было-бы невозможно. Нельзя авторитетъ той идеи, которая

сводится къ неприкосновенности личности, сводить къ такому положенію, чтобы этотъ авторитетъ когда-нибудь могъ быть заподозрѣнъ въ смыслѣ сокрытія чего-либо находящагося у того или другого лица и могущаго имѣть значеніе для судебного слѣдствія. „Полиція дѣйствовала взамѣнъ судебной власти, на основаніи ст. 258,—сказалъ министръ,—что я имѣлъ честь только что объяснить. Судебная власть можетъ обыскивать, и въ этомъ отношеніи идея неприкосновенности членовъ законодательнаго собранія ни въ какой мѣрѣ страдать не можетъ; но если вслѣдствіе обстановки, въ которой совершается то или иное собраніе, а въ данномъ случаѣ это было собраніе, и министромъ внутреннихъ дѣлъ предъ вами удостовѣрено, что тамъ было засѣданіе не членовъ государственной думы, а было совмѣстное засѣданіе членовъ государственной думы и какихъ-то постороннихъ лицъ, изъ которыхъ по отношенію къ нѣсколькимъ въ настоящее время удостовѣреніе личности не представляется возможнымъ, то дѣйствія полиціи должны быть признаны законными“ .

Эта рѣчь г. министра юстиціи нѣсколько разъ была прерываема шумомъ, крикомъ и перебранкою правой стороны съ лѣвой, восклицаніями лѣвой: „ложь!“ , и криками возвратившихся правыхъ по адресу лѣвыхъ: „стыдно, позоръ!“ .

Министръ не смутился криками. „Нѣтъ, не ложь,—говорилъ онъ воодушевившись,—никто не смѣетъ обзывать ложью то, что подкрѣплено имѣющимися у меня свѣдѣніями.“

Послѣ министра опять выступалъ рядъ ораторовъ.

Дальнѣе другихъ говорилъ депутатъ Ширскій (с.-р.), который указалъ, что необходимо учитывать впечатлѣніе, произведенное рѣчью министра юстиціи. Провинціальныя власти, несомнѣнно, примутъ эту рѣчь къ руководству. Даже если-бы министръ юстиціи отказался отъ своихъ словъ, то и тогда провинціальныя власти усмотрѣли-бы въ этомъ только маневръ, сдѣланный для Западной Европы, для биржи, для иностранныхъ корреспондентовъ, но не для русскихъ депутатовъ. По мнѣнію Ширскаго, послѣ такой рѣчи въ провинціи депутатамъ житья не будетъ отъ мѣстныхъ властей. При баллотировкѣ большинствомъ голосовъ запросъ былъ принятъ. Противъ него голосовали только правые, умѣренные, октябристы и часть безпартійныхъ.

Затѣмъ послѣдовало объясненіе по запросу о насиліяхъ въ алгачинской каторжной тюрьмѣ. Министръ юстиціи разъяснилъ, что все было совершено вполне законно. Заключенныхъ были прикладами, но въ большинствѣ случаевъ легко, безъ

оставленія слѣдовъ, насильно срывали съ нихъ платье, вытаскивали изъ камеры за ноги, но все это для усиленія тюремной дисциплины, для введенія режима, требуемаго уставомъ о ссыльныхъ. Дѣйствія тюремнаго начальства правительство признаетъ законными и закономѣрными. Тюремный начальникъ Бородулинъ по закону имѣлъ даже право употреблять розги и для устрашенія велѣлъ ихъ внести въ камеру политическихъ, но онъ къ нимъ все-таки не прибѣгнулъ.

Отвѣтъ, конечно, вызвалъ пренія. Большинство находило его неудовлетворительнымъ. Только М. А. Стаховичъ предлагалъ удовлетвориться объясненіями, указывая на то, что дѣйствія тюремной администраціи были основаны на законѣ; послѣдній жестокъ и нужно спѣшить измѣнить его.

Въ заключеніе была принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная „кадетской“ партіей:

„Принимая во вниманіе, что объясненіе министра юстиціи содержитъ признаніе насилія, учиненнаго надъ заключенными въ алгачинской тюрьмѣ, и свидѣтельствуетъ о дѣйствіи устарѣлыхъ условій содержанія въ каторжныхъ тюрьмахъ, настоячиво требующихъ скорѣйшаго измѣненія,—государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Въ заключеніе произошло нѣчто особенное съ земельными преніями. До нихъ добрались уже въ восьмомъ часу. Центръ внесъ предложеніе о прекращеніи аграрныхъ преній. Лѣвые отклонили его. Тогда центръ постановилъ продолжать сегодня аграрныя пренія, пока не кончатся. Нѣсколько депутатовъ отказались отъ слова, многихъ не было въ залѣ. Вышелъ и началъ говорить Ветчининъ. Но засѣданіе закрылось вслѣдствіе отсутствія законнаго количества членовъ.

Думекія тревоги.

Статья Н. В. Алексѣева.

I.

«Крайніе»—враги обновленія Россіи.—Присутствіе «крайнихъ» въ думѣ вредитъ ея творческой работѣ.—«Правые паяцы» и «лѣвые пасынки культуры» въ роли оботрукціонистовъ народнаго представительства.—Депутатъ Зурабовъ-гробовщикъ россійской социаль-демократіи.—Черносотенское «тріо»: Пуршкевичъ, Сазоновичъ и Келеповскій.

Въ послѣднее время дума вступила въ новую фазу парламентскихъ безпорядковъ, вызванныхъ безусловно некультурнымъ поведеніемъ депутатовъ, представителей крайнихъ партій. Эти безпорядки, впрочемъ, нельзя считать неожиданными и случайными. Они неизбежны тамъ, гдѣ наряду съ людьми, стремящимися помочь изстрадавшемуся населенію, находятся личности, преслѣдующія узкопартийныя цѣли...

Принадлежность къ крайней партіи обязываетъ исполнителей ея ученія (если позволительно назвать ученіемъ то, что составляетъ основы россійской безграмотной социаль-демократіи и партій „черныхъ“) считаться исключительно съ программой этой партіи, что создаетъ контингентъ одностороннихъ дѣятелей не только бесполезныхъ, но и вредныхъ для дружной работы по переустройству государственнаго строя.

Мы всегда говорили о нежелательности присутствія крайнихъ въ государственной думѣ и не ошиблись въ своихъ предсказаніяхъ, что они ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть защитниками интересовъ массы населенія нашей родины. Жизнь воочію доказала полную несостоятельность крайнихъ партій (правой и лѣвой), въ самыхъ программахъ своихъ исключаящихъ принципъ народнаго представительства.

Простите, читатель, но въ настоящей статьѣ я выступаю горячимъ и убѣжденнымъ противникомъ и тѣхъ, и другихъ крайнихъ, числящихся въ составѣ народныхъ представителей думы современнаго созыва, такъ какъ имѣю право, основываясь на послѣднихъ фактахъ, назвать ихъ врагами обновленія Россіи.

Впрочемъ, не желая идти по стопамъ этихъ своеобразно понимающихъ политическую порядочность господъ, я не буду го-

дословенъ и постараюсь доказать именно эту ихъ непорядочность, изъ чего и вывожу понятіе объ ихъ партійной дѣятельности, клонящееся въ конечномъ выводѣ не въ пользу народнаго блага.

Начнемъ съ того, что всѣ гг. крайніе — какъ правые, такъ и лѣвые — по разнымъ, конечно, соображеніямъ не признаютъ формы современнаго народнаго представительства. Первымъ оно претитъ, какъ претитъ всякому недобросовѣстному общественному дѣятелю или предпринимателю номеръ честной, неподкупной газеты, обличающей его вредную для массы общества дѣятельность... Вторые, ну, тѣ, положимъ, изъ соображеній „высшаго“ порядка считаютъ, что залогъ народнаго благосостоянія ни въ „куцой“ думѣ, а въ тѣхъ подсказанныхъ ихъ фантазіей путяхъ, идя по которымъ человѣчество должно открыть тѣ страны, гдѣ льются „молочныя рѣки, заключенныя въ кисельные берега“ .

И тѣ, и другіе считаютъ думу нежелательной, хотя и потратили не мало энергіи (пользуясь крайне своеобразными средствами), чтобы попасть въ число депутатовъ настоящей думы. Не признавая народнаго представительства, или, вѣрнѣе, парламентаризма, они добивались представительства отъ своихъ партій въ думѣ. И имъ такъ или иначе, но удалась выборная кампанія...

Въ какой степени честна ихъ тактика — вопросъ, какъ говорится, особенный, но вредъ этой тактики для думы очевиденъ. Въ самомъ дѣлѣ, что, кромѣ вреда, могутъ принести думской работѣ лица, не уважающія этой работы и считающія ее враждебной для ихъ политики. Они могутъ и должны по самому смыслу программъ своихъ партій тормозить и обезличивать эту работу и... они съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремятся къ этому. Разница только въ средствахъ, а цѣль одна у гг. правыхъ и лѣвыхъ революціонеровъ.

Правые — народъ безшабашный. „Все для насъ, а на другихъ наплевать“ — вотъ девизъ этихъ безсильныхъ борцовъ, сторонниковъ безправія. Такъ какъ основа подобныхъ принциповъ не можетъ опираться на культурныя начала — они и ведутъ свою „обструкцію“ некультурно... Средства борьбы съ народнымъ представительствомъ гг. крайнихъ правыхъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть признаны культурными...

„Они“ — паяцы въ великомъ дѣлѣ государственнаго обновленія. Слово „паяць“, благодаря художественному таланту великихъ творцовъ слова и звука, облагорожено. Геній музыкаль-

пой композиціи съ успѣхомъ доказали человѣчеству, что паяцъ по иуждѣ ничего, кромѣ состраданія, вызвать не можетъ. У композитора Верди шутъ Риголетто восклицаетъ: „проклятье быть шутомъ“, и зрители невольно проникаются сочувствіемъ къ страданіямъ того, кто „сквозь слезы“ вынужденъ забавлять нехудожественную натуру своего повелителя. Другой композиторъ Леонкавалло въ дивной гармоніи оркестра показалъ, какъ тяжело порой бываетъ забавлять грубую армарочную публику паяцу. „Развѣ ты—человѣкъ? нѣтъ, ты—только паяцъ... Подъ маской шутовскою, боль души скрывай и смѣйся, всѣхъ веселя“, —поетъ паяцъ и публика... апплодируетъ его страданіямъ.

Паяцы „поневолю“, благодаря защитѣ геніевъ звука, имѣютъ оправданіе, хотя-бы въ грубыхъ вкусахъ толпы. Паяцы „по призванію“ — великое зло человѣчества и, кромѣ презрѣнія и даже негодованія, ничего иного не заслуживаютъ.

Гг. крайніе правые являются паяцами послѣдней категоріи, шутя и ломаясь тамъ, гдѣ должны быть сосредоточены лучшія силы страны. Они паясничаютъ въ думѣ, желая подорвать ея престижъ, и остаются лишь паяцами жизни, никого не смѣша, не вызывая сочувствія пошлой агоніей своего вреднаго прошлаго...

Но, издѣваясь надъ довѣріемъ народа къ думѣ, они (очевидно, увлекшись паясничествомъ) злоупотребляютъ высокимъ именемъ Монарха и значеніемъ слова „патріотизмъ“, являясь въ своихъ шутовскихъ выходкахъ якобы защитниками этнуса уважаемыхъ многими понятій. Внося зловонную струю пошлости въ засѣданія государственной думы, они только нарушаютъ порядокъ къ засѣданію, являясь бессильными въ борьбѣ съ правомъ, равно какъ оказываютъ медвѣжью услугу тѣмъ принципамъ, ради которыхъ они паясничаютъ. Таковы гг. правые революціонеры. Такова ихъ безшабашная дѣятельность, направленная, по ихъ понятію, къ разгону думы, а вѣрнѣе—къ погребенію ихъ партіи...

Но если вредна для думскаго спокойствія дѣятельность правыхъ революціонеровъ (шутовски безсознательная), то дѣятельность „сознательныхъ лѣвыхъ“ еще болѣе предосудительна. Эти господа, считаясь проповѣдниками права и справедливости, прибѣгаютъ къ далеко не порядочнымъ приемамъ въ „срываніи парламента“.

Что-нибудь одно: любить—такъ любить, ненавидѣть—такъ ненавидѣть, но лицемѣрить всегда нечестно, особенно въ госу-

дарственныхъ вопросахъ. А тактика гг. лѣвыхъ именно лице-
мѣрнаго свойства. Ихъ программы исключаютъ парламентаризмъ,
суля населенію такія блага, въ которыхъ усумнится даже де-
сятилѣтній ребенокъ... Если они—сила, если Россія можетъ
спастись, только пройдя черезъ огонь революціи, то... то за-
чѣмъ они пошли въ думу, крича вездѣ и всюду, что населеніе
настроено революціонно? Не проще-ли было-бы, игнорируя думу,
идти террористическимъ путемъ, благо „народъ революціоненъ“,
или дать возможность этому-же народу, безъ вмѣшательства въ
работу думы, доказать ея непригодность... Кто истинно вѣритъ
въ силу своего ученія, тотъ долженъ былъ-бы поступить такъ...
Однако, гг. крайніе лѣвые рѣшили дѣйствовать иначе. Имъ,
очевидно, лучше, чѣмъ кому-бы то ни было, извѣстно, что ре-
волюція въ Россіи невозможна, но, чтобы помѣ-
шать мирному обновленію государства, они пробились въ думу
съ обструкціонными цѣлями.

Но пока что, ихъ отрицательная „работа“ по обезсиливанію
думы безуспѣшна и сами они, благодаря своимъ представите-
лямъ, въ родѣ депутата Зурабова (Господь его знаетъ расчи-
тывавшаго на что при устройствѣ извѣстнаго скандала предъ
пасхальными каникулами), убѣждаютъ населеніе только въ томъ,
что они—только „насынки культуры“. Собираясь сорвать думу,
г. Зурабовъ сыгралъ роль „гробовщика российской социаль-де-
мократіи“, такъ какъ врядъ-ли на пользу его партіи могла
послужить его... неумная и безтактная выходка.

Я, читатели, деликатенъ; по поводу „зурабовскаго скан-
дала“ можно было-бы иначе высказаться. Стоитъ только со-
образить всю тактическую смѣлость гг. лѣвыхъ, явившихся на
„з а к р ы т о е“ засѣданіе думы при обсужденіи вопроса о но-
вобранцахъ. Эти гг. „противники правительства“ ни въ коемъ
случаѣ не имѣли права (даже въ глазахъ сочувствующихъ имъ
лицъ) устроить попытку обструкціи правительству, разъ они по-
шли на з а к р ы т о е з а с ѣ д а н і е думы — „закрытое“ въ
интересахъ правительства, лицъ патріотически настроенныхъ,
но ни въ коемъ случаѣ не симпатичное для враговъ правитель-
ства. Двери закрыты были, такъ какъ обсуждался вопросъ гро-
мадной важности для Россіи, вопросъ, въ который входили,
какъ частности, всѣ остальные вопросы государства, вопросъ
крайне интимнаго характера... Крайніе лѣвые, если-бы имѣли
почву подъ ногами, нѣтъ, если-бы даже искренно вѣрили въ
догматы своихъ ученій, ни въ коемъ случаѣ не должны были-бы
идти на это засѣданіе... Если они пошли, то можно было-бы

думать, что какъ лазутчки на войнѣ (съ цѣлью испытать силы врага), но оказалось, что пошли они (даже за нихъ стыдно) ради обструкціи. Депутатъ Зурабовъ — обструкціонистъ... Плохи-же ваши силы, гг. лѣвые...

Какъ хотите, читатели, но гг. крайніе обѣихъ категорій явились „факельщиками погребальныхъ процессій“ своихъ партій, выступая одни въ качествѣ паяцевъ, а другіе — съ абсолютно негодными средствами въ борьбу съ народнымъ представительствомъ.

Послѣ пасхальныхъ каникулъ, государственная дума, не прибѣгая къ насилію, отказалась „на время“ отъ участія въ своихъ трудахъ черносотеннаго „тріо“ гг. депутатовъ: Пуришкевича (эта „странная личность“ на Святой въ Москвѣ будировала за разгонъ думы), профессора Сазановича и г. Келеповскаго.

Все хорошо, что хорошо кончается. Пока творчеству государственной думы только мѣшаютъ гг. крайніе, но, что будетъ дальше, сказать трудно, такъ какъ... лѣвые болѣе страшны, чѣмъ шутовскіе правые, какъ показало недавнее прошлое нашихъ дней...

II.

Враги парламентаризма среди народныхъ представителей. — Культурная борьба думы съ некультурной оппозиціей. — Засѣданіе думы 7-го мая. — «Лѣвые поборники «свободы дѣйствій»». — Диссонансъ въ словахъ правительства. — Великое испытаніе народныхъ представителей. — «Грядущее рисуется темно»

Все, что произошло въ думѣ въ послѣднее время, указываетъ на то, что гг. крайніе пока что лишь мѣшаютъ ей работать, не имѣя, впрочемъ, рокового уснѣха. Простите мнѣ, читатель, любовь къ аналогіямъ, но я не могу удержаться отъ сравненія государственной думы съ полоской крестьянскаго надѣла. Эта узенькая культурная полоска, обыкновенно, отдѣлена отъ сосѣднихъ полосокъ неширокими, но вредными для культурныхъ посѣвовъ, невоздѣльваемыми межинками, или, какъ называютъ ихъ крестьяне, межами. На этихъ межахъ (отрицательное явленіе черезполоснаго владѣнія) всегда произрастаютъ некультурныя растенія, которыя зачастую слегка засоряютъ посѣвы культурныхъ растеній, разводимыхъ нашимъ крестьянствомъ, повредить-же серьезно по труду пахаря эти растенія не могутъ. Но, вѣдь, вся жизнь пахаря — трудъ; трудится „эта сила могучая“ и при обработкѣ поля, и при засѣваніи его, трудится пахарь и при „отвѣваніи зерна добраго отъ плевелъ“ ...

Въ народномъ представительствѣ—увы!—имѣется... черезполосица. А если есть черезполосица, то должны быть и минусы ея—плевели до чертополоха включительно.

Черезполосица государственнаго поля—крайнія партіи. Чертополохъ (ну, буду деликатенъ, „плевели“)—гг. Пуришкевичъ, Зурабовъ, Келеповскій, Алексинскій, Сазановичъ, Озоль и К^о... Ихъ много, этихъ враговъ парламентаризма, но гдѣ ихъ нѣтъ?..

Во всякомъ случаѣ ихъ бояться нечего, такъ какъ всѣ они, вмѣстѣ взятые, недостойны пяты покойнаго убѣжденнаго врага такового К. П. Побѣдоносцева („мертвой силы“); послѣдній по культурѣ и сознательности былъ выше ихъ, но и его смысла волна освободительнаго движенія, которая, являясь с п л о й, гораздо, да что „гораздо“ , въ милліоны разъ превосходитъ жалкую индивидуальность гг. Пуришкевичей и Алексинскихъ *).

Благо вамъ, великіе защитники народа (пожать руку которымъ не отказался-бы, а счелъ за честь и „Аристотель“ русской свободы А. И. Герценъ), друзья народа—спокойные депутаты. Благо вамъ, что къ „провокаторамъ идеи“ вы относитесь такъ, однако, какъ они того заслуживаютъ. Тяжело вамъ, труженики народной свободы, работать подъ арлекинаду гг. „правыхъ спасителей“ ... и гг. „лѣвыхъ радѣтелей“ .

Я—не поэтъ, а то-бы всѣ силы таланта употребилъ на то, чтобы въ дивныхъ созвучіяхъ воспѣть хвалу той части думы, которая 7-го мая (сего года) съ честью вышла изъ борьбы, нѣтъ, тутъ необходимо другое слово, изъ... или нашла въ себѣ исполненное высокаго достоинства... рѣдкое присутствіе духа, чтобы не... поддаться (буду опять - таки деликатенъ) „тактикѣ“ гг. лѣвыхъ...

Ахъ, эта тактика! Пишущій эти строки никогда не былъ тѣмъ, что нынѣ опредѣляется словомъ „черносотенецъ“ ; но если я—не поэтъ, то во всякомъ случаѣ и не прозаикъ, не „лакѣй чужой мысли или идеи“ , какими являются тѣ гг. лѣвые нашей думы, которые думаютъ, что „муравей, несущій ношу, превосходящую его ростъ и вѣсъ, есть сила“ . Они ошибаются, какъ ошиблись и тѣ, кто, думая 7-го мая „сорвать думу“ , помогъ лишь... ей корректно выйти изъ сраженія, неожиданно объявленнаго народному представительству гг. лѣвыми и „коекѣмъ“ изъ гг. представителей правительства...

Г. депутатъ Хвостъ и г. министръ Щегловитовъ—оба до

*) Авторъ беретъ на себя смѣлость сопоставить эти двѣ, повидимому, противоположныя личности. Н. А.

казали или, вѣрнѣе, обнаружили несостоятельность всего искусственного. Г. Хвосту, положимъ, простительна его „неудалая выходка“, а г. Щегловитову, какъ-будто и не къ лицу вносить диссонансъ, можетъ быть, и въ не особенно талантливую, но до сихъ поръ гармоничную „сыровку“ правительственного оркестра.

Но все, что касается „права“ и „лѣва“, — дѣло отдѣльныхъ участниковъ великаго государственнаго оркестра, каковымъ является народное представительство, и къ чести послѣдняго, какъ и его „капельмейстера“ г. Головина, надо отнести, что, несмотря на диссонансы, до сихъ поръ не произошло „какофоніи“ или провала думскаго оркестра. Великое испытаніе для народныхъ представителей... изъ котораго они вышли съ честью.

Но все еще положеніе думы и связанныхъ съ нею судебъ нашей родины находится подъ страхомъ крайней опасности, такъ что невольно, думая о думѣ, припоминаешь слова поэта-освободителя: „грядущее рисуется темно“ ... Несмотря на весь мракъ современности, мы все-таки вѣримъ въ свѣтлое будущее, основывая свою вѣру и надежду на тактикѣ... дѣйствительно сознательныхъ членовъ думы...

Берегите думу!

«Берегите думу! — слышенъ крикъ тревожный, —
На дитя Россіи точить зубы врагъ —
Врагъ трусливый, хитрый, лисьи осторожный
Стережетъ безсмѣнно каждый думы шагъ.
Берегите думу! то — дитя народа,
Изъ-подъ злого гнета родилась она,
Въ ней таятся счастье, благо и свобода,
Обновленной жизни всходятъ сѣмена.
Берегите думу! Думѣ справа, слѣва
Угрожаетъ всюду множество невзгодъ.
Горечь-ли страданья, или вспышку гнѣва —
Всѣ въ вину ей ставятъ, позабывъ народъ.
Берегите думу! Пронесется время,
Всходы поокрѣпнуть, принесутъ плоды,
Прошлаго страданья свалится все бремя
И исчезнетъ призракъ горя и бѣды!»

Ив. Юрченко.

Въ государственномъ совѣтѣ.

Пасхальные каникулы государственный совѣтъ началъ позже, чѣмъ начала ихъ государственная дума. 19-го апрѣля въ ускоренномъ порядкѣ было созвано засѣданіе государственнаго совѣта для обсужденія рѣшенныхъ гос. думою 17-го апрѣля дѣлъ о величинѣ контингента новобранцевъ въ призывѣ 1907 г. и о расходахъ по продовольственной кампаніи 1906—1907 г. и потребныхъ для завершения ся кредитахъ. Какъ и въ государственной думѣ, первое дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, но только не такъ долго занимался съ нимъ совѣтъ. Черезъ 50 минутъ послѣ принята закрытое засѣданіе окончилось, законопроектъ былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій.

Послѣ перерыва началось открытое засѣданіе, въ которомъ было приступлено къ разсмотрѣнію второго вопроса. Законопроектъ думы, несмотря на краткость времени, предварительно засѣданія успѣла разсмотрѣть финансовая комиссія государственнаго совѣта, которая представила весьма обстоятельный докладъ съ критикой постановленія г. думы. Финансовая комиссія нашла, что цѣлесообразно было-бы удовлетворить въ полной мѣрѣ представленіе правительства объ ассигнованіи 22.500.000 р. на продовольственные и сѣменные нужды населенія. Въ такую сумму былъ исчисленъ экстренный расходъ на завершеніе продовольственной кампаніи. Этотъ расходъ слагается изъ платежей по заключеннымъ уже договорамъ съ поставщиками на сѣменные нужды населенія и изъ ассигнованій на врачебно-лѣкарскую и благотворительную помощь населенію. На вторую цѣль правительство ходатайствовало объ отпускѣ 5 миллон. р.; г. дума, какъ извѣстно, повысила эту сумму до 6 мил. Финансовая комиссія крайне отрицательно отнеслась къ этому повышенію кредита, отрицательно потому, что находила кредитъ въ 5 мил. руб. вполне достаточнымъ, а въ силу чисто-принципіальныхъ соображеній. По мнѣнію комиссії, г. дума не имѣетъ возможности руководиться какими-либо точными, проверенными данными для того, чтобы въ данномъ случаѣ увеличивать кредитъ; такое увеличеніе является совершенно произвольнымъ актомъ. Точно такъ-же неосновательнымъ нашла комиссія и отклоненіе г. думой кредитовъ на завершеніе продовольственной кампаніи; платежи по счетамъ поставщиковъ, вѣдь, все равно должны будутъ удовлетворяться и задержка этихъ платежей можетъ вредно отразиться лишь на интересахъ казны и самого нуждающагося населенія. Несмотря на всѣ такого рода возраженія, комиссія, тѣмъ не менѣе, предлагала г. совѣту принять законопроектъ г. думы въ полномъ его объемѣ, такъ какъ оказаніе благотворительной помощи населенію является дѣломъ совершенно

неотложнымъ, особенно теперь, когда частная благотворительность въ этомъ направленіи значительно упала.

Критикъ въ коммисіонномъ духѣ законопроекта думы и было посвящено все собраніе. Первымъ выступилъ министръ финансовъ г. Коковцевъ и, заявивъ, что мнѣніе коммисіи совпало съ его собственнымъ мнѣніемъ, пожаловался, что дума рѣшила вопросъ въ экстренномъ засѣданіи въ отсутствіе министровъ, но все-же, ввиду неотложности помощи населенію, ходатайствовалъ объ одобреніи представленнаго законопроекта. Затѣмъ говорили гг. Ермоловъ и Череванскій и все такъ-же опять повторяли то, что было высказано коммисіей. Нѣчто особенное представило выступленіе кн. Касаткина. Маститый старецъ потрясая костылемъ, внесъ новое предложеніе, независимо отъ гос. думы и вопреки ея постановленію, ассигновать правительству дополнительный кредитъ въ 17½ мил. руб. Однако, расходившагося старца остановилъ предѣдатель, заявивъ, что предложеніе кн. Касаткина касается законодательной инициативы гос. совѣта и должно быть сдѣлано не иначе, какъ за подписью 30-ти членовъ. Кн. Касаткинъ-Ростовскій пробовалъ возражать, но предѣдатель весьма энергично и категорически объявилъ вопросъ исчерпаннымъ.

Столь-же категорически предѣдатель снялъ и не допустилъ до обсуждения и предложеніе кн. А. Д. Оболенскаго, чтобы, принявъ законопроектъ, выяснить, согласно заключенію финансовой коммисіи, мотивы, по которымъ г. совѣтъ нашелъ себя вынужденнымъ согласиться на принятіе. «Отношеніе г. совѣта достаточно выяснено тѣмъ, что никто не возражалъ противъ заключенія финансовой коммисіи», — заявилъ предѣдатель и дальнѣйшихъ прещій не допустилъ.

Законопроектъ былъ поставленъ на баллотировку и принять единогласно.

По предложенію предѣдателя, В. П. Череванскому и членамъ финансовой коммисіи выражена благодарность за слѣдшій и усиленный трудъ, благодаря которому явилась возможность рассмотреть срочный законопроектъ въ столь короткій срокъ.

* * *

Слѣдующее засѣданіе происходило 2-го мая и началось съ сообщенія предѣдателя о томъ, что имъ наканунѣ праздника Св. Пасхи была послана въ Каннъ, отъ имени гг. членовъ г. совѣта, поздравительная телеграмма почетному предѣдателю г. совѣта его императорскому высочеству великому князю Михаилу Николаевичу и что 21 минуваго апрѣля, по телеграфу, полученъ отъ его высочества слѣдующій отвѣтъ: «Сердечно благодарю васъ и членовъ г. совѣта за поздравленіе. Михайлъ».

Затѣмъ государственный секретарь доложилъ, что 20-го апрѣля удостоены Высочайшаго утвержденія одобренные г. совѣтомъ и г. думою законопроекты: 1) о величинѣ контингента новобранцевъ въ призывъ 1907 года и 2) объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 6.000.000 р. на расходы по оказанію населенію врачебно-питательной и благотворительной помощи въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ.

Почти все засѣданіе прошло въ обсужденіи доклада комиссіи личнаго состава ивнутренняго распорядка о встрѣченнѣхъ первымъ департаментомъ сената затрудненіяхъ къ опубликоваванію наказа г. совѣта ввиду непризнанія сенатомъ за гос. совѣтомъ права приглашать къ работамъ совѣта свѣдущихъ лицъ, не членовъ совѣта, и требовать извѣстнаго срока для представленія законопроектовъ министрами. Комиссія пришла къ тому заключенію, что г. совѣтъ долженъ подчиниться опредѣленію сената и устранить изъ наказа статьи 44 и 85, найденныя сенатомъ не соответствующими закону. Такое заключеніе комиссіи вызвало сильную оппозицію со стороны членовъ г. совѣта самыхъ разнообразныхъ партій.

Даже тѣ ораторы, которые выступали въ защиту предложенія комиссіи, всѣ находили, что сенатъ совершенно невѣрно понялъ свою роль и совершенно неправильно нашелъ несоответствіе закона съ статьями наказа.

Противъ правосената «разъяснить» дѣйствія государственнаго совѣта высказывался даже П. Н. Дурново. Онъ находилъ, что законъ не даетъ права сенату входить въ какія-бы то ни было сужденія относительно представляемаго ему для опубликованія наказа. Въ учрежденіи г. совѣта совершенно опредѣленно говорится, что наказъ составляется и издается г. совѣтомъ и представляется для опубликованія въ сенатъ. Это выраженіе, что наказъ «издается г. совѣтомъ», не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что на долю сената остается лишь чисто механическая обязанность опубликованія его въ надлежащемъ порядкѣ. Поэтому П. Н. Дурново предлагалъ, не считаясь съ опредѣленіемъ сената, издать наказъ черезъ государственную типографію, возбудивъ въ то-же время вопросъ о мѣрахъ къ опубликованію его черезъ сенатъ.

Самымъ рѣшительнымъ защитникомъ опредѣленія сената выступилъ А. А. Сауровъ, который находилъ, что г. совѣтъ обязанъ подчиняться опредѣленіямъ сената.

Остроумное мнѣніе высказано было г. Корвинъ-Милевскимъ. Онъ не придавалъ никакого практическаго значенія опредѣленію сената. Безъ свѣдущихъ лицъ все равно не обойтись. На практикѣ все свелось-бы къ тому, что комиссія стала-бы засѣдать не въ Маринскомъ дворцѣ, а гдѣ-нибудь въ частной квартирѣ. Нѣкоторые члены, говорилъ онъ, находили, что для сената оскорбительно мнѣніе, что на немъ лежитъ только механическая обязанность опубликовывать наказъ, ну, а развѣ они своимъ негодованіемъ за сенатъ не возлагаютъ на гос. совѣтъ тоже механической обязанности подчиняться опредѣленіямъ сената? Въ законѣ ясно сказано: «сенатъ публикуетъ», ну, а если публикуетъ, то публикуетъ безъ всякихъ разговоровъ.

Выступалъ и министръ юстиціи г. Щегловитовъ. Онъ находилъ, что сенатъ поступилъ правильно. По его мнѣнію, вопросъ въ сущности крайне простъ и исполнѣ разрѣшается четырьмя словами: «опубликовывается черезъ правительствующій сенатъ». Сенатъ исторически является хранителемъ законовъ и все несоответствующее закону должно быть отвергаемо. Опубликованіе-же сенатомъ есть гарантія закономѣрности того, что опубликовано. Что касается существа вопроса, то сенатъ,

не признавая законности ст. 44 и 85 наказа, совершенно правъ, такъ какъ нигдѣ въ законѣ не говорится ни о правѣ приглашать экспертовъ, ни назначать сроковъ министрамъ и главноуправляющимъ. Затѣмъ вопросъ объ экспертахъ затронуть отчасти ст. 37 гос. учрежд., въ которой говорится, что министры и главноуправляющіе, при дачѣ объясненій по какимъ-либо законопроектамъ, могутъ поручать дѣлать эти объясненія отдѣльнымъ лицамъ, которымъ они найдутъ нужнымъ.

Вторая часть рѣчи министра юстиціи была обращена по адресу Корвинъ-Милевскаго. «Конечно, г. Корвинъ-Милевскій,—говорилъ министр,—союзника во мнѣ, вопреки выраженныхъ имъ надеждамъ, не нашелъ. Я ожидалъ встрѣтить со стороны члена г. совѣта, настаивающаго на законопроектѣ пересмотра положенія сената, совершенно обратное мнѣніе. Я думалъ, что онъ будетъ поддерживать авторитетъ сената, а не умалять его независимость и самостоятельность».

Министру кратко, но выразительно отвѣтилъ С. С. Манухинъ. Онъ указалъ, что приведенная министромъ 37-ая статья абсолютно ни о какихъ экспертахъ не говоритъ, а даетъ только право министру давать объясненія по специальнымъ вопросамъ черезъ чиновниковъ его-же министерства, что ничего общаго не имѣетъ съ тѣми экспертами, которыхъ предполагалось приглашать въ комиссію.

Какъ ни убѣдительно были доводы многихъ, что государственный совѣтъ долженъ быть выше сената и не подлежитъ «разъясненіямъ» послѣдняго, все-же при баллотировкѣ принято было, громаднымъ большинствомъ противъ 9-ти, мнѣніе комиссіи, предлагавшей подчиниться рѣшенію сената.

Покончивъ съ сенатскими «разъясненіями», гос. совѣтъ перешелъ къ обсужденію законопроекта объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ и о передачѣ въ гражданскіе суды дѣлъ, заслушанныхъ уже полевыми судами,—одобреннаго гос. думою 17-го апрѣля и препровожденнаго ею гос. совѣту.

Своеобразно взглянулъ совѣтъ на одобренный думою законопроектъ и обсужденіе его было очень интереснымъ.

Первымъ ораторомъ по вопросу выступилъ опять министр юстиціи. Онъ доказывалъ, что законопроектъ и по формальнымъ своимъ свойствамъ, и по существу долженъ быть отклоненъ. Гос. дума при проведеніи этого законопроекта не выполнила требованій ст. 56 и 57 учрежденія гос. думы. Первая говоритъ объ извѣщеніи министровъ не позднѣе мѣсяца до дня разсмотрѣнія, а вторая—о томъ, что гос. дума выработываетъ законопроектъ самостоятельно въ своей комиссіи только въ томъ случаѣ, если подлежащій министръ отказался отъ разработки предложеннаго ему гос. думой соответствующаго законопроекта. Оба эти правила въ данномъ случаѣ не были соблюдены. Министры не были извѣщены о проектѣ передачи въ гражданскіе суды дѣлъ, заслушанныхъ уже полевыми судами. Имъ не было сдѣлано особаго извѣщенія о заслушаніи вопроса именно 17-го апрѣля и они отсутствовали во время обсужденія законопроекта.

Это—формальная сторона. По существу министръ высказалъ такіа положенія. Во-первыхъ, отмѣняемо можетъ быть только дѣйствующее или существующее учрежденіе. Полевые-же

суды уже не существуютъ. А во-вторыхъ, временныя постановленія, вошедшія въ силу по 87 ст., не подлежатъ отмѣнѣ учрежденіями законодательными. Порядокъ ихъ введенія и прекращенія дѣйствій строго опредѣленъ. Что касается 2-й ч. законопроекта, о передачѣ дѣлъ, уже рѣшенныхъ полевыми судами, въ общіе гражданскіе суды, то это можетъ имѣть мѣсто только при отмѣнѣ приговоровъ. Но кто-же можетъ отмѣнить эти приговоры? вѣдь, законодательная власть не можетъ отмѣнять приговоры судовъ. Приговоры могутъ отмѣняться только въ исключительныхъ случаяхъ, при наличіи какихъ-либо злоупотребленій, допущенныхъ судомъ, или судебной ошибки. Такія ошибки были и у военно-полевыхъ судовъ и приговоры ихъ отмѣнялись главнымъ военнымъ судомъ, напр., приговоръ по дѣлу Леона Скавронскаго въ г. Лодзи отъ 16-го ноября 1906 г. Такимъ образомъ, по мнѣнію министра, законопроектъ во всѣхъ отношеніяхъ не выдерживалъ критики и долженъ былъ быть отклоненъ.

Предложеніе С. С. Манухина, сдѣланное послѣ рѣчи министра, передать, на основаніи 98 ст. наказа, законопроектъ на обсужденіе комиссіи законодательныхъ предложеній было отвергнуто большинствомъ.

Большинство ораторовъ затѣмъ повторяло то, что сказалъ уже министръ: «Не слѣдуетъ принимать законопроектъ, не имѣющій качествъ закона». Только В. И. Сергѣевичъ указалъ на то, что гос. совѣту не слѣдовало-бы входить въ разсмотрѣніе, правильно или неправильно происходило обсужденіе законопроекта въ гос. думѣ, и мотивировать этимъ свое рѣшеніе. Какъ происходило это обсужденіе, гос. совѣту собственно нѣтъ дѣла; вмѣшиваясь въ эту сторону дѣла, можно въ будущемъ породить большія и нежелательныя пререканія, но и онъ нашель, что законопроектъ принимать не слѣдуетъ.

Д. Н. Шиповъ подалъ заявленіе, что группа лицъ въ 10 человекъ, въ случаѣ голосованія о принятіи или отклоненіи законопроекта, уклонится отъ баллотировки. Мотивировалъ онъ это уклоненіе тѣмъ, что эта группа членовъ по существу раздѣляетъ мысль, заключенную во второмъ пунктѣ законопроекта. Военно-полевые суды были обставлены такъ, что мало обезпечивали правосудіе. Возможно масса ошибокъ не обнаруженныхъ. Наконецъ, размѣры наказаній по приговорамъ полевыхъ судовъ превышаютъ размѣры обычныхъ наказаній. Но съ юридической стороны этотъ вопросъ въ законопроектѣ совершенно не основанъ, почему они и думали, что его передадутъ на всестороннее обсужденіе въ комиссію.

Баллотировкой большинствомъ голосовъ законопроектъ былъ отклоненъ.

Предсѣдатель затѣмъ объявилъ, что желаетъ дать г. совѣту какія-то объясненія, но при закрытыхъ дверяхъ. Залъ былъ послѣ этого очищенъ отъ публики и представителей печати и окончилось засѣданіе уже негласно.

* * *

7-го мая было созвано экстренное засѣданіе государственнаго совѣта по поводу распубликованнаго въ этотъ день правительственнаго сообщенія о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь

Государя Императора, великаго князя Николая Николаевича и председателя совѣта министровъ П. А. Столыпина и на совершение государственнаго переворота.

Засѣданіе началось при полномъ залѣ членовъ и при заполненныхъ министерскихъ скамьяхъ. Открылъ засѣданіе вице-председатель гос. совѣта П. Я. Голубевъ предложеніемъ государственному секретарю прочесть сообщеніе правительства объ этомъ покушеніи. (Въ гос. думѣ сообщеніе прочиталъ П. А. Столыпинъ, но въ совѣтъ онъ не могъ явиться изъ-за нездоровья.)

Баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ огласилъ правительственное сообщеніе, послѣ чего П. Я. Голубевъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Въ послѣдній годъ каждый изъ насъ возмущенъ проявленіемъ политической, экономической и классовой борьбы путемъ убійствъ, грабежей, взрывовъ, мятежныхъ подстрекательствъ юношей и войска и всяческихъ преступныхъ насилій. Нынѣ мы узнали, что образовалось сообщество для насильственнаго измѣненія образа правленія, для злодѣйскихъ покушеній на представителя исполнительной власти и на члена Императорскаго Дома и даже для дерзновеннаго посягательства на священную особу Государя Императора. Я буду выразителемъ воодушевляющихъ членовъ государственнаго совѣта чувствъ, сказавъ, что готовишіяся злодѣянія вызываютъ глубочайшее негодованіе. Мы пренесолнены безиредѣльной радости, что они были предупреждены и осталась безуспѣшной даже попытка злодѣевъ приблизиться къ священной особѣ Государя Императора. Да пребудетъ всегда Всемилостивѣйшій Государь Императоръ Николай Александровичъ подъ святымъ покровомъ Всевышняго и да продлится на многіе годы Его царствованіе для счастья дорогой Россіи».

Въ отвѣтъ на эти слова раздались единодушные крики «ура» и затѣмъ собраніемъ прочувствованно пропѣтъ былъ гимнъ, покрытый опять криками «ура». По предложенію вице-председателя, было рѣшено послѣ этого послать Государю Императору привѣтственную телеграмму. Для составленія ея текста председателемъ были приглашены члены совѣта С. С. Гончаровъ, баронъ Н. Л. Корфъ, князь Касаткинъ-Ростовскій, С. С. Манухинъ и Д. Д. Гриммъ. Былъ объявленъ перерывъ на ¼ часа, но только черезъ часъ былъ оглашенъ слѣдующій текстъ всеподданнѣйшей телеграммы:

«Государственный совѣтъ въ чрезвычайномъ общемъ собраніи, выслушавъ правительственное сообщеніе о предупрежденномъ гнусномъ замыслѣ, направленномъ противъ священной особы Вашего Императорскаго Величества и государственнаго нашего строя повергаетъ предъ Вами, Государь, преисполняющій его чувства безиредѣльной радости. Государственный совѣтъ до глубины души возмущается развитіемъ насилій и злодѣяній, не останавливающимися даже предъ посягательствомъ на носителя чести и величія Россіи. Да сохранитъ Всевышній всемогущей десницей Своею на многія лѣта самоотверженнаго и великодушнаго преобразователя отечества!»

Телеграмма была встрѣчена долго не смолкавшими привѣтственными кликами и затѣмъ съ собраніемъ было закрыто.

Жизнь и дѣятельность партій.

Партійные съѣзды—это не только выработка условій будущей дѣятельности, но и, такъ сказать, экзамень, провѣрка дѣятельности предшествующей и успѣховъ этой прошлой дѣятельности. Вотъ почему истекшія послѣднія недѣли, въ теченіе которыхъ происходили цѣлыхъ три партійныхъ съѣзда разныхъ партій, должны быть отмѣчены особенно въ лѣтописяхъ партійной жизни и вообще для публики, даже не принадлежащей къ партіямъ, должны представлять особый интересъ.

Въ особенности интереснымъ; именно въ отношеніи провѣрки прежней дѣятельности и достигнутыхъ успѣховъ, вышелъ съѣздъ «истинно-русскихъ» людей, происходившій въ Москвѣ съ 26-го апрѣля по 1-ое мая. Сколько было крика и шума объ этомъ съѣздѣ, когда онъ только еще предполагался! Сами «истинно-русские» люди говорили, что они явятъ на этомъ съѣздѣ нѣчто небывалое, что они покажутъ, до чего, при помощи ихъ союза, выросъ и окрѣпъ «истинно-русскій» патріотизмъ. Увы! недаромъ говорится: «не хвались, ѣдучи на рать» и т. д.

Съѣздъ выяснилъ, что не только не выросъ и не окрѣпъ «истинно-русскій» духъ въ кавычкахъ, а, напротивъ, всѣ здраво-мыслящіе настояще истинно-русскіе люди—безъ кавычекъ—относятся съ гадливостью къ дѣятельности союзниковъ.

Главнымъ образомъ, союзники рассчитывали на блестящее торжество и открытіе съѣзда. Всѣ 900 отдѣловъ союза должны были участвовать въ шествіи со своими знаменами. Конечно, по предположеніямъ союзниковъ, шествіе должно было состояться при участіи десятковъ тысячъ народа.

Увы! все разсѣялось, какъ дымъ. Въмѣсто 900 только 320 хоругвей, никакихъ десятковъ тысячъ народа, а едва-ли не одни только носители знаменъ да московское духовенство, во главѣ съ митрополитомъ Владиміромъ.

Удивленіе публики вызывалъ видъ извѣстнаго со дня убійства Юлоса председателя общества активной борьбы съ революціей Торопова. На него была возложена роль оберъ-церемоніймейстера, и онъ парадировалъ съ какимъ-то фантастическимъ жезломъ съ серебряными шнурами и украшеннымъ разноцвѣтными лентами, надѣтымъ черезъ плечо. Ассистентами при г. Тороповѣ состояли студенты Катковскаго лицея, также изукрашенные лентами.

Процессія направилась изъ епархіальнаго дома въ Лихомъ переулкѣ по Петровкѣ въ Кремль, въ Большой Успенскій соборъ, гдѣ московскимъ митрополитомъ Владиміромъ были совершены литургія, молебствіе и освященіе иконы Покрова Пресвятыя Богородицы. Протоіерей Восторговъ произнесъ рѣчь. Въ соборѣ на богослуженіи присутствовали всѣ лидеры монархическихъ организацій: Грингмутъ, Крушеванъ, Пуришкевичъ,

мопахъ Плиодоръ, графъ Коновницынъ, Дубровинъ, прѣхавшіе изъ Петербурга сенаторъ Чемодуровъ и князь Шаховской, изъ Харькова—профессоръ Вязигинъ, изъ Казани—проф. Задѣсскій.

По окончаніи богослуженія всѣ начали строиться для дальнѣйшаго шествія по Москвѣ крестнымъ ходомъ. Образъ Покрова Богородицы несъ предсѣдатель московскаго отдѣла союза русскаго народа князь Щербатовъ; впереди шествовалъ при стягѣ монархической партіи ея предсѣдатель, Грингмутъ. Въ процессіи принимали участіе митрополитъ Владиміръ и все многочисленное духовенство. На Красной площади у памятника Минину и Пожарскому была отслужена заукокойная литія и пропѣта «вѣчная память». Затѣмъ процессія направилась къ часовнѣ Иверской Божьей Матери, гдѣ также совершено было краткое молитвословіе, послѣ котораго митрополитъ отбылъ, а процессія послѣдовала дальше по Тверской и остановилась у дома московскаго генераль-губернатора.

«Истинно-русскій» генераль-лейтенантъ Гершельманъ напелъ необходимымъ выйти на балконъ съ членами своего семейства, и началось молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю и Его Семейству и всѣмъ «истинно-русскимъ» людямъ. По окончаніи молебствія, на генераль-губернаторскій балконъ, въ качествѣ делегатовъ отъ всего объединеннаго «истинно-русскаго» народа, отправились Грингмутъ и князь Щербатовъ, которые и просили генераль-губернатора повергнуть къ стопамъ Его Величества вѣрноподданническія чувства. Генераль Гершельманъ провозгласилъ здравіе Ихъ Величествамъ и на площади раздались «ура», пѣніе «Боже, царя храни», «Спаси, Господи, люди твоя» и пр.

Послѣ этого процессія возвратилась въ епархіальный домъ.

Вечеромъ было устроено концертно-литературное собраніе, разумѣется, со специфической программой, которая явилась, такъ сказать, прелюдией къ сѣзду.

Если торжество открытія доставило горькія разочарованія «истинно-русскимъ» людямъ, то самый сѣздъ принесъ не только разочарованія, но и огорченія. Впрочемъ, предоставимъ самимъ «истинно-русскимъ» людямъ рассказать объ этомъ.

Въ Русскомъ собраніи въ С.-Петербургѣ, 4-го мая, предсѣдатель князь Шаховской дѣлалъ сообщеніе о московскомъ IV всероссійскомъ сѣздѣ объединеннаго русскаго народа. Князь указалъ на тѣ препятствія, которыя московскій сѣздъ встрѣтилъ въ поискахъ себѣ помѣщенія. Охотничій клубъ, отдававшій помѣщеніе на 1-й недѣлѣ поста, на Страстной, предъ самымъ началомъ сѣзда, взялъ его обратно и возвратилъ устроителямъ задатокъ; всѣхъ владѣльцевъ большіхъ залъ зашугивали; всюду разослана была масса анонимныхъ писемъ, грозящихъ разрушеніемъ домовъ тѣмъ, кто дастъ пріютъ сѣзду. Наконецъ, нашли залъ Благороднаго собранія за 500 руб. въ вечеръ, но подъ условіемъ концертныхъ вечеровъ, такъ какъ для чисто политическихъ собраній залъ не отдавался; пришлось вести сѣздъ подъ флагомъ музыкальныхъ вечеровъ; нанимать хоръ и музыкантовъ; для делегатскихъ собраній взять былъ залъ въ отелѣ «Континенталъ» за 200 руб. Администрація не была на сторонѣ сѣзда, московскій градоначальникъ ген. Рейнботъ

давно измѣнилъ свой курсъ; на просьбу съѣзда идти въ шествіи съ знаменами отдѣловъ отвѣчено, что знамя есть только одно государственное; пришлось писать вторую бумагу и просить разрѣшенія идти «съ хоругвями»—это было разрѣшено. 26-го апрѣля съѣздъ открылся. Князь разсказалъ про торжественное шествіе изъ епархіального дома къ Успенскому собору. Здѣсь докладчику пришлось, къ сожалѣнію, отмѣтить явленіе, много помѣшавшее престижу съѣзда. Это явленіе была необузданная пылкость одного изъ членовъ съѣзда, іеромонаха Іліодора, обратившаго церковь въ митингъ тотчасъ послѣ молебна. Еще большую неприятность доставилъ о. Іліодоръ съѣзду на второмъ его засѣданіи. Съѣздъ разрушилъ введенную кievскимъ съѣздомъ и еще не успѣвшую осуществиться организацию управленія монархическихъ партій, рѣшено было оставить только губернскія управы и предоставить организаціямъ извѣщать другъ друга о важнѣйшихъ рѣшеніяхъ. Съѣздъ постановилъ признать, что необходима самая сильная борьба съ революціей, необходимо учредить генераль-губернаторства, возстановить военно-полевые суды, имѣть сильную власть, но было высказано, что понятіе о диктатурѣ несовмѣстимо съ самодержавіемъ и собственно вопросъ о диктатурѣ не вошелъ даже въ резолюцію съѣзда. При дебатахъ о. Іліодоръ произнесъ очень рѣзкую рѣчь, сравнивая правительство съ Анной и Каиафой, «измѣнниками». Предсѣдатель съѣзда князь Щербатовъ объяснялся по поводу ея съ генераль-губернаторомъ и поручился за о. Іліодора, что онъ не будетъ больше говорить невоздержныхъ рѣчей; но, пока шло объясненіе, шло и засѣданіе, и въ это время о. Іліодоръ успѣлъ уже произнести 3-ю, еще болѣе рѣзкую рѣчь. Докладчикъ выразилъ сожалѣніе, что такіе эксцессы одного изъ членовъ много повредили впечатлѣнію серьезности съѣзда.

Князь сообщилъ также и о бывшемъ одновременно съѣздѣ союза правой печати, который рѣшилъ учредить освѣдомительное бюро, организовать фондъ для правой печати и тутъ-же, подъ предсѣдательствомъ преосв. Серафима, еписк. орловскаго, выработался союзъ православнаго христіанскаго братства.

Сообщеніе объ этомъ союзѣ сдѣлалъ одинъ изъ его участниковъ, свящ. Левашевъ, высказавшій, что духовенство не можетъ оставаться въ сторонѣ, что оно, связанное съ народомъ исторіею и бытомъ, самою жизнью призывается къ участію въ политическомъ движеніи.

Говорилъ еще членъ г. думы г. Пуришкевичъ, въ этотъ день въ думѣ исключенный на 15 засѣданій. По этому случаю ему была устроена шумная овація. Г. Пуришкевичъ дѣлалъ сообщеніе также по поводу московскаго съѣзда, взявъ темой сопоставленіе III кievскаго и IV московскаго съѣздовъ. Онъ охарактеризовалъ кievскій съѣздъ, какъ образецъ порядка, внѣшняго великолѣпія и какъ первый выходъ русскаго народа и вызовъ его лѣвыми революціоннымъ партіямъ; московскій съѣздъ по внѣшности обстановки былъ слабѣе кievскаго, на немъ была единственная демонстрація, въ которой было 320 хоругвей. Докладчикъ разсказалъ, какъ лѣвые дѣлали все, что можно, чтобы испортить съѣздъ, но все-таки это имъ не удалось, онъ состоялся и по результатамъ внутренней работы превзошелъ и кievскій;

при этомъ на московскомъ сѣздѣ участвовала масса крестьянъ. Ораторъ, по словамъ «Н. Вр.», такъ-же, какъ и князь Шаховской, провелъ ту мысль, что сѣзду вредили не столько враги его, сколько неумѣренные друзья, какъ о. Иліодоръ, который даже проклиналъ всякаго не согласнаго съ его мнѣніемъ.

Насколько возмутительны были рѣчи изступленнаго Іліодора, показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ его говореній который удалось добыть сотруднику газеты «Голосъ Москвы» Вотъ онъ во всей своей неприкосновенной краскѣ.

«Государственная дума не представляетъ собой истиннаго народнаго представительства. Долженъ быть созданъ земскій соборъ, который долженъ собираться изъ русскихъ людей, выбранныхъ по приходамъ изъ истинно вѣрующихъ и преданныхъ родинѣ и Царю. О каждомъ выборномъ въ приходѣ священникъ долженъ дать удостовѣреніе, что онъ бывалъ у исповѣди, что онъ—русскій человекъ по совѣсти и духу, а если священники изъ «ка-детъ» дадутъ ложное удостовѣреніе, то съ нихъ должна быть сорвана ряса и архіерей должны за этимъ строго наблюдать. Встѣ гдѣ спасеніе Россіи. Я стою за отвѣтственность министровъ, за полный контроль общества, но я стою также за самодержавіе Государя. Я присягалъ самодержавному Государю и могу служить только Ему, а если Онъ отказался, то не самодержавному Государю я служить не буду. Пусть Онъ скажетъ депутаціи русскихъ людей, что самодержавіе Его, дѣйствительно, осталось—и они подтвердятъ тогда это пославшимъ ихъ, но если Онъ не станетъ говорить съ депутаціей, то русскіе люди и объ этомъ скажутъ своему народу».

Кн. Щербатовъ въ своемъ докладѣ Русскому собранію, говоря о диктатурѣ, сообщилъ, что сѣздомъ не сдѣлано по этому поводу никакихъ постановленій, но, кажется, достаточно и того, что этотъ вопросъ все-же обсуждался на сѣздѣ монархистовъ, которымъ совѣтъ ужъ не пристало разсуждать объ институтѣ, уничтожающемъ власть Монарха. Допущеніе на сѣздѣ обсуждения этого вопроса въ сущности и повлекло къ объясненіямъ предсѣдателя союза съ ген.-губернаторомъ.

На первую привѣтственную телеграмму сѣзда Государю Императору благоугодно было отвѣтить черезъ генералъ-губернатора слѣдующее:

«Искренне благодарю членовъ IV всероссійскаго сѣзда русскихъ людей за горячее чувство любви и преданности. Желаю имъ мирной и плодотворной работы на пользу нашей дорогой многострадальной родины. Николай».

Эта телеграмма была получена въ отвѣтъ на посланную Государю Императору 26-го апрѣля генералъ-губернаторомъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Собравшійся въ Москвѣ IV сѣздъ русскихъ людей проситъ меня повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества одушевляющія всѣхъ членовъ сѣзда горячія вѣроподданническія чувства и свидѣтельство готовности ихъ служить всегда и во всемъ до послѣдней капли крови обожаемому Монарху».

По поводу этой телеграммы «Б. В.» справедливо замѣтили:
«Мы не забудемъ случая, когда-бы всеподданнѣйшія при-

вѣтствія Государю Императору отъ общественныхъ организацій или отдѣльныхъ группъ населенія оставлялись безъ вниманія, если въ нихъ, въ этихъ заявленіяхъ вѣрнопреданности, не заключалось ничего, кромѣ засвидѣтельствованія воодушевляющихъ отправителей чувствъ. Не составляетъ поэтому съ вѣнцовой стороны какого-либо исключенія и всемілостивѣйшая телеграмма Государя Императора на имя московскаго генерал-губернатора, служащая отвѣтомъ на переданную черезъ это-же административное лицо вѣрноподданическое привѣтствіе съѣзда «истинно-русскихъ» людей. Но изъ сопоставленія текстовъ телеграммъ Его Императорскаго Величества и членовъ съѣзда видно, что Монарху угодно было въ весьма ясной формѣ указать, какого рода дѣятельность союза русскаго народа можетъ быть желательной. Дешпа съѣзда гласитъ о готовности участниковъ его «служить всегда и во всемъ до послѣдней капли крови обожаемому Монарху». Отвѣтъ Его Величества, кромѣ благодарности за горячее чувство любви и преданности, текстуально гласитъ слѣдующее: «Желаю имъ мирной и плодотворной работы на пользу нашей дорогой многотрадной родины».

«Мы знаемъ, какія необузданныя революціонныя рѣчи съ незамаскированнымъ стремленіемъ къ государственному перевороту для возвращенія къ строю, уже осужденному народомъ и Престоломъ, раздавались на московскомъ съѣздѣ. Все то, что только теперь начинается получать многотрадная родина, ослевывается «истинно-русскими» людьми. Въ своей дешпѣ они говорятъ о службѣ «до послѣдней капли крови». Въ связи со всею дѣятельностью союза русскаго народа и его вдохновителей эти слова получаютъ особо важное значеніе; въ нихъ не только экстазъ вѣрноподданическаго чувства, но и подтвержденіе той революціонной программы, которая ежедневно, изо дня въ день, проводится на столбцахъ черносотенныхъ органовъ».

«Вотъ почему общественная мысль придаетъ каждому слову отвѣтной телеграммы Монарха государственно-политическое значеніе, вотъ почему въ пожеланіи мирной работы нельзя не видѣть Высочайшаго предубаженія для будущей дѣятельности союза, до сихъ поръ будоражившаго страсти и вносящаго анархію въ едва складывающійся новый правовой строй Россіи. Мирной работы ждетъ Монархъ отъ союза русскаго народа, а не возбужденія умовъ, не возстановленія одной части населенія противъ другой, не погромовъ и проч.»

Но «истинно-русскіе» люди не оправдали надеждъ Монарха. Они не смогли своротить со своего излюбленнаго пути и говорили на съѣздѣ и о разгонѣ думы, и о диктатурѣ, и проч. Зато они и получили урокъ. Въ газетѣ «Слово» напечатано слѣдующее:

«Государю Императору благоугодно было отклонить ходатайство о приѣмѣ депутаціи отъ съѣзда людей, именующихъ себя монархистами, но все время строящихъ ковы противъ конституціонной монархіи. Съѣздъ къ тому-же и дерзнулъ не выполнять воли Монарха о мирной и плодотворной работѣ».

Участіе «истинно-русскаго» митрополита Владиміра въ политическихъ процессіяхъ съѣзда вызвало сужденіе объ этомъ въ синодѣ. Въ его особомъ присутствіи былъ возбужденъ вопросъ

о томъ, имѣютъ-ли право священнослужители участвовать въ патриотическихъ манифестаціяхъ, устраиваемыхъ союзомъ русскаго народа. Этотъ вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи. Въ настоящее время комиссія представила особому присутствію резолюцію слѣдующаго содержанія:

«Комиссія, разсмотрѣвъ переданный ей на обсужденіе вопросъ о правѣ священнослужителей участвовать въ манифестаціяхъ и шествіяхъ, устраиваемыхъ союзомъ русскаго народа и другими монархическими организаціями, полагаетъ, что на основаніи циркуляра, запрещающаго лицамъ духовнаго званія участвовать въ политическихъ организаціяхъ, этимъ лицамъ должно быть запрещено участие въ манифестаціяхъ и шествіяхъ, носящихъ политическій характеръ».

Съѣздъ «истинно-русскихъ» людей въ Москвѣ заставилъ вернуться отъ союза даже недавнихъ его друзей.

«Свѣтъ», который ни въ коемъ случаѣ нельзя упрекнуть въ тенденціяхъ обвинять «истинно-русскихъ», привѣтствуя открытіе въ Москвѣ IV-го всероссійскаго съѣзда объединеннаго русскаго народа, пришелъ въ ужасъ отъ того, что наряду съ выраженіями вѣрноподданическихъ чувствъ, на первомъ-же засѣданіи съѣзда послышались крамольныя рѣчи со стороны свѣтскихъ и духовныхъ членовъ съѣзда. Газета высказала:

«И не нашлось никого изъ главарей и руководителей съѣзда, почетнымъ предсѣдателемъ котораго избранъ князь Щербатовъ, а предсѣдателемъ г. Грингмутъ, чтобы остановить эти безумныя рѣчи и этимъ поддержать достоинство съѣзда, какъ серьезной политической партіи, какъ собранія русскихъ православныхъ людей и вѣрныхъ слугъ Царя».

«Такъ, членъ государственной думы Пуришкевичъ, когда уже былъ составленъ текстъ вѣрноподданической телеграммы Государю Императору, внесъ добавленіе, что пора разогнать крамольную думу, т. е., произвести государственный переворотъ. И съ такимъ обращеніемъ къ особѣ Царя, охранителя закона, осмѣливается обращаться членъ государственной думы! Собраніе вторило Пуришкевичу криками: «Пора! Долой думу!».

«Предсѣдатель собранія г. Грингмутъ, вмѣсто обязательнаго прекращенія незаконной рѣчи Пуришкевича и остановки вторившихъ послѣднему въ некоторыхъ крикуновъ, нашелъ возможнымъ заявить лишь, что добавленіе г. Пуришкевича можетъ быть текстомъ другой телеграммы?!. Хороша вѣрность!»

«Но еще лучше отличился іеромонахъ Иліодоръ, обозвавшій митрополита Антонія—лжеепископомъ, единолично лишившій его сана и званія первенствующаго члена св. синода. Предсѣдателя-же совѣта министровъ П. А. Столыпина о. Иліодоръ пока уподобилъ Пилату, который освободилъ разбойниковъ и распялъ Христа, т. е., по-современному—не разогналъ во второй разъ думы и отмѣнилъ военно-полевые суды».

«Конечно, ни митрополитъ Антоній, ни П. А. Столыпинъ не нуждаются въ чьей-либо защитѣ, но подобныя рѣчи въ вѣрноподданномъ и православномъ собраніи такъ-же дико звучатъ, какъ молитва Господня или народный гимнъ въ собраніи социал-демократовъ».

«Можемъ ручаться, что депутаты-товарищи — Алексинскій

и о Тихвинскій—заочно лобызаетъ о. Пліодора. Если послѣдній здоровъ, то продолжать свою политику ему возможно лишь въ качествѣ лже-монаха, а если онъ душевно боленъ, что болѣе всего вѣроятно, то настоящее мѣсто ему въ психиатрической больницѣ».

Съѣздъ «истинно-русскихъ» показалъ съ достаточной ясностью, что эта организація не только не крѣпнетъ, но, къ счастью Россіи, распадается и недалекъ и совершенный ея конецъ.

* * *

Почти одновременно съ съѣздомъ монархистовъ въ Англію происходили засѣданія съѣзда ихъ самыхъ крайнихъ противниковъ—русскихъ социаль-демократовъ. О немъ въ сущности пока ничего еще нельзя сказать, потому что засѣданія этого съѣзда, происходившія въ Англіи, были закрыты для постороннихъ и представителей печати, и, что тамъ говорилось, пока въ точности неизвѣстно, слухамъ-же, передаваемымъ изъ постороннихъ источниковъ, пока довѣрять не слѣдуетъ.

Интересны были поиски социаль-демократами мѣста, гдѣ-бы они могли устроить засѣданія своего съѣзда. Дѣло въ томъ, что въ Швеции, Норвегіи и Даніи имъ не только не разрѣшили устроить засѣданія, но одна датская пароходная компанія отказалась даже перевезти ихъ въ Англію. Пришлось зафрахтовать особый пароходъ. Въ Англію, наконецъ, имъ удалось устроиться.

Послѣдніе делегаты на конгрессъ русскихъ социаль-демократовъ, въ числѣ 29 человекъ, какъ сообщило «агентство Рейтера», прибыли въ Лондонъ 29-го апрѣля. На вокзалъ въ Ливерпульской улицѣ ихъ встрѣтили многочисленные соотечественники. Делегатовъ, среди которыхъ была одна женщина, отвезли въ польскій социалистическій клубъ въ Миль-Стретъ. Въ домъ, гдѣ помѣщается этотъ клубъ, въ тотъ-же вечеръ происходили засѣданія во всѣхъ трехъ этажахъ. Проѣздъ отъ вокзала до клуба превратился въ триумфальное шествіе для делегатовъ. Дѣло въ томъ, что въ мѣстности, гдѣ находится польскій клубъ, живетъ такъ много русскихъ и поляковъ, что ее давно уже окрестили «Малороссіей»; изъ оконъ домовъ женщины и дѣти привѣтствовали соотечественниковъ и бросали имъ букеты.

Въ залахъ клуба женщинъ было гораздо больше, чѣмъ мужчинъ. Собственно засѣданія конгресса, или, какъ выражались нѣкоторыя англійскія газеты, «засѣданія тайной думы» начались 29-го апрѣля. Организаторская часть была обставлена настолько искусно и съ такой таинственностью, что наиболѣе опытные англійскіе репортеры ничего не могли узнать о времени и мѣстѣ совѣщаній.

Одинъ изъ делегатовъ заявилъ сотруднику «Daily Chronicle», что совѣщанія конгресса будутъ имѣть весьма важное значеніе для развитія событій въ Россіи. Вопросъ идетъ о томъ, какую систему борьбы усвоятъ социаль-демократы въ ближайшемъ будущемъ: активную, террористическую или пассивную. Англійская тайная полиція тщательно наблюдала за делегатами.

Въ «Times» было напечатано сообщеніе, будто русскіе социаль-демократы собрались въ Лондонъ для закупки оружія

и бомбъ. Членъ конгресса, депутатъ Церетелли, категорически опровергъ это сообщеніе въ «Трибуна» и заявилъ, что цѣль конгресса—обсудить дѣятельность всѣхъ буржуазныхъ партій и тактику тѣхъ революціонныхъ кружковъ, которые ведутъ разлагающую революцію партизанскую войну.

Въ свою очередь, члены конгресса пользуются каждымъ случаемъ, чтобы отречься отъ солидарности съ анархистами. Одинъ изъ нихъ заявилъ сотруднику «Daily News» слѣдующее: «Мы совсѣмъ не такъ страшны, какъ увѣряютъ. Мы представляемъ собою прогрессивную часть русской социаль-демократіи и наша программа совершенно такая-же, какъ программа вашихъ англійскихъ социалистовъ-рабочихъ. Насъ всего 350 делегатовъ. Изъ нихъ: 60 представителей еврейскаго бунда, 30 поляковъ, 30 литовцевъ. Всѣ остальные изъ европейской Руси и Сибири».

Делегатами, въ числѣ другихъ, являются отъ Тифлиса—Плехановъ, отъ Петербурга—Хрусталева—Носарь, отъ Москвы—Ленинъ!

На съѣздѣ присутствовали и Максимъ Горькій, и членъ госуд. думы отъ Петербурга Алексинскій. Газеты сообщили, что послѣдній будто-бы о думѣ выразился, что отъ нея болѣе ждать нечего и слѣдуетъ стремиться къ ея роспуску.

Удивительно мизан солидарность обоихъ крайнихъ флаговъ!

* * *

О съѣздѣ союза 17-го октября, состоявшемся въ С.-Петербурѣ съ 6-го по 10-е мая будетъ, сообщено въ слѣдующемъ № 11 журнала «Кладъ».

Партіи.

Шумять «эсъ-эры», визжать «эсъ-деки»
И нѣтъ имъ дѣла, что крови рѣки,
И слезъ, и горя вездѣ струятся,
Что Русь не можетъ изъ бѣды подняться;
Что счастье скрыли опять завѣсы,
О томъ не помнятъ совсѣмъ «энь-эсы».
И въ сонмѣ этомъ злы, лицемѣрны,
Кликушекъ стая—«эръ-эсы», «серны»,
Въ нарядѣ не русской кой-какъ одѣты;
Имъ подпѣваютъ порой «ка-деты».
Бѣдны талантомъ и неказисты,
Совсѣмъ примолкли тутъ октябристы.
Всѣ лишь болтливы, всѣ—донь-кихоты,
Къ труду нѣтъ тѣни у всѣхъ охоты;
Въ водѣ рѣчей ихъ все дѣло тонеть,
А Русь, страдая, повсюду стонеть.

Легкомыслищій Петербурецъ.

О молочных рѣкахъ въ кисельныхъ берегахъ?

Статья П. Короткевича.

Если мы возьмемъ социализмъ, какъ философскую систему, то увидимъ, что каждое движеніе здѣсь человѣческой мысли направлено на увеличеніе средствъ общества и достиженіе равнаго довольства и счастья для всего человѣчества. Такимъ образомъ, въ смыслѣ философской теоріи, социализмъ не представляетъ собою никакого «жупела», а, напротивъ того, преслѣдуетъ цѣли, близкія всѣмъ и каждому, потому что кто-же не желаетъ хотя-бы только для себя жизни, лучшей, по крайней мѣрѣ въ будущемъ? Надежда на лучшее будущее и желаніе такого будущаго не только свойственны каждому человѣку, но и являются могучими двигателями прогресса, потому что все на землѣ мѣняется, потому что каждое новое поколѣніе обязательно раздвигаетъ, а иногда и суживаетъ, какъ это было въ Россіи, рамки бытія своего предшественника.

Если смотрѣть такъ на социализмъ, то ясно будетъ, что онъ существовалъ еще въ доисторическія времена, что первобытная орда превратилась въ теченіе вѣковъ въ стройныя государства потому, что человѣчество неудержимо стремилось къ лучшей жизни. Но дѣло-то въ томъ, что его стремленія были къ этому инстинктивными, попадало оно на свои пути лишь случайно и условія своего бытія вырабатывало не путемъ отвлеченныхъ мысленій, а путемъ практическимъ.

Въ первые годы минувшаго столѣтія были сдѣланы попытки направить эти инстинктивныя стремленія человѣчества на опредѣленные пути, и такимъ образомъ явилась теорія социализма и немедленно появились развѣтвленія его: христіанскій социализмъ, государственный, демократическій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, начались и попытки внѣдрить существовавшій лишь въ теоріи социализмъ въ практическую жизнь.

Такъ какъ апостолы социализма предлагали всѣмъ и каждому уже намѣченные и опредѣленные пути для инстинктивныхъ стремленій, а главное—показывали дѣйствительно

заманчивую ихъ цѣль, то социализмъ сдѣлалъ быстрыя завоеванія, увлекъ за собой массы, главнымъ образомъ, пролетаріата, но въ дѣйствительную жизнь онъ далеко еще не имѣетъ силы внѣдриться. Почему? Да потому, что, по общему состоянію человѣчества, социализмъ, точно такъ-же, какъ коммунизмъ, коллективизмъ, анархизмъ, не болѣе какъ утопія—красивая, но все-таки—увы!—мечта!.. Мечта—потому что полного благоденствія на землѣ никогда не будетъ, потому что бокъ-о-бокъ съ создавшимися новыми условіями благоденствія, одновременно съ ними, моментъ въ моментъ создадутся и отрицательныя ихъ стороны, потому что абсолютнаго нигдѣ ничего нѣтъ и если-бы явилось въ самомъ дѣлѣ Царствіе Божіе на землѣ, то это было-бы равносильно общей гибели, такъ какъ тогда прекратилась-бы борьба за существованіе, а вмѣстѣ съ нею и всякій прогрессъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы не ставимъ себѣ задачею говорить о томъ, какъ осуществляются теоріи социализма на практикѣ. Мы беремъ прямо конечную цѣль социалистическихъ стремленій, т. е., именно Царствіе Божіе на землѣ, и высказываемъ искреннее убѣжденіе, что такая цѣль недостижима. Стало быть, если цѣль недостижима, то всѣ изображенія ея суть не что иное, какъ утопія.

Но изъ нашихъ словъ вовсе не слѣдуетъ дѣлать выводъ, что стремленія къ лучшей жизни не нужны. Напротивъ того, они необходимы, только осуществленіе ихъ должно быть производимо не идеалистами-мечтателями, только воображающими жизнь, но рѣшительно не знающими ея, а здоровыми практиками, могучими борцами за существованіе. И такихъ «здоровыхъ практиковъ» должно быть не одинъ, не два, не сто тысячъ, а десятки поколѣній, изъ которыхъ каждое послѣдующее должно быть совершеннѣй предшественнаго. Чтобы измѣнить хотя немного условія массоваго существованія, нужна работа многихъ и многихъ поколѣній. Природа не терпитъ скачковъ.

И теперь эта работа совершается, и началась она, образно говоря, тогда, когда праотцы были изгнаны изъ эдема. Съ того самаго момента, когда они навсегда покончили съ Царствіемъ Божіимъ на землѣ, немедленно началась подготовительная работа къ будущему возвращенію этого «царствія», но конца этой работы даже въ отдаленіи не увидятъ праправнуки нашихъ праправнуковъ.

Приближеніе къ Царствію Божію на землѣ совершается

посредствомъ непрерывной, но медленной эволюціи. При этомъ гибнуть безъ остатка цѣлые народы, чтобы очистить мѣсто другимъ, но никогда ни малѣйшее измѣненіе въ условіяхъ существованія всего человѣчества не свершалось революціоннымъ путемъ. Революціи бывали, и часто весьма шумныя, не говоря уже о томъ, что кровавыя, но онѣ прежде всего распространялись на ничтожныя кучки человѣческой массы; затѣмъ, каждая революція, какъ всякое чрезмѣрное возбужденіе, имѣетъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ реакцію, т. е., если незначительныя группы человѣчества путемъ революціи выдвинулись на шагъ впередъ другихъ, то немедленно вслѣдъ затѣмъ, утомленные напряженіемъ, онѣ дѣлали шагъ, а иногда и болѣе назадъ.

Въ то-же время мы видимъ, что эволюція, т. е., постоянная перемѣна условій существованія или, точнѣе, постепенное приспособленіе формъ къ условіямъ внѣшней среды, никогда не совершалась по ранѣе намѣченному плану.

Будущее нѣтъ возможности предугадать. Въ 753 г. по основаніи Рима никто не предвидѣлъ, что въ этотъ годъ родится великій Арамить, Котораго всѣ будутъ называть Сыномъ Божіимъ и Который одинъ измѣнитъ до неузнаваемости всю мировую среду. А именно этотъ 753 годъ по основаніи Рима современное человѣчество считаетъ первымъ годомъ своей новой жизни. Но, съ другой стороны, если-бы то-же самое произошло не при Цезарѣ Августѣ, а, положимъ, при Тарквиніи Супербѣ, то еще большой вопросъ, было-бы христіанство или нѣтъ! Почему? Да потому, что предшествующія поколѣнія своею незамѣтною, но неустанною работою подготовили тогдашнюю мировую среду къ воспріятію новыхъ началъ бытія. Тѣ-же самыя истины раздавались и ранѣе, но онѣ даже не оставляли по себѣ впечатлѣнія, потому что среда, для которой онѣ предназначались, не была подготовлена къ воспріятію ихъ.

Однако, и христіанство, какъ таковое, не можетъ быть признано слишкомъ сильнымъ толчкомъ впередъ. Оно произвело революцію въ области не реального, а отвлеченнаго, и не захватило всего человѣчества, а лишь нѣкоторыя его группы. Дѣйствуя лишь на духовную сторону человѣка, оно вызвало сначала высочайшій подъемъ духа, но очень не долгий. Подъемъ очень быстро смѣнился величайшей реакціей Средневѣковья и человѣчество до сихъ поръ еще не избавилось отъ нея.

Но вотъ еще небольшой вопросъ, относящійся въ нашей темѣ.

Что было-бы теперь, если-бы въ 1492 г. Колумбъ не открылъ Америки? Думается, что и теперь еще у человѣчества не было-бы «въ услуженіи» ни пара, ни электричества, т. е., не было-бы ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, ни телеграфа, ни телефона, ни фабрикъ, ни заводовъ; если-же не было-бы послѣднихъ, то не было-бы пауперизма, отъ котораго и родился социализмъ. Почему? Да потому, что открытіе Америки было для всего безъ исключенія человѣчества сильнѣйшимъ толчкомъ впередъ и толчкомъ не въ области отвлеченнаго, а вполне реальнаго. Переселеніе массъ изъ Европы въ Америку повысило приспособляемость челоуѣка, заставило работать его мозгъ въ новыхъ направленіяхъ, побудило бороться съ пространствомъ и временемъ и побѣждать ихъ. Въ день открытія Америки началась величайшая революція и она, побѣдивъ реакцію Средневѣковья, вызвала къ жизни социализмъ.

Но христіанству понадобилось болѣе трехъ вѣковъ, чтобы завоевать себѣ болѣе прочное положеніе и изъ гонимаго стать господствующимъ. Америка открыта пятьсотъ лѣтъ назадъ; слово «социализмъ» раздалось только лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ. Что такое восемьдесятъ лѣтъ въ жизни народа, не говоря уже о всемъ челоуѣчествѣ? Моментъ! Нечего и надѣяться, чтобы немедленно осуществлялись и требованія этого момента. Если-же черезъ триста-четыреста лѣтъ рѣки потекутъ молокомъ въ кисельныхъ берегахъ и жаренныя колбасы, какъ въ одной нѣмецкой сказкѣ, будутъ летать по воздуху и сами прыгать въ ротъ каждому проголодавшемуся лежебоку, то намъ и нашимъ дѣтямъ отъ этого ни тепло, ни холодно, внуки-же, быть можетъ, устроятся куда лучше насъ, но эволюціоннымъ путемъ, который можетъ быть совершенно инымъ, чѣмъ рекомендуемый намъ современными теоретиками.

Поэтому будемъ мечтать о Царствіи Божіемъ на землѣ, но не будемъ забывать то, что лишь одинъ трудъ въ потѣ лица можетъ дать каждому изъ насъ полное счастье и безъ наличности молочныхъ рѣкъ въ кисельныхъ берегахъ...

Неоконченныя дѣла.

I.

Дѣло Гурко.

Снова, послѣ нѣкотораго перерыва, всплыло на поверхность моря житейскаго дѣло самаго яркаго изъ героевъ «Лидваляды» — товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. I. Гурко.

По сообщеніямъ почти вѣхъ газетъ, предварительное слѣдствіе по дѣлу д. ст. сов. Гурко и Литвинова, порученное сенатору тайн. сов. Варварину, окончилось слѣдствіемъ на Страстной недѣлѣ. Этимъ слѣдствіемъ, какъ сообщаютъ «Спб. Вѣд.», установлена полная виновность товарища министра внутреннихъ дѣлъ д. ст. сов. Гурко и на основаніи добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ признано необходимымъ привлечь камергера Гурко, какъ товарища министра, къ уголовной отвѣтственности по ст. ст. 338, 341 и 411 уголовн. судопроизводства. Что касается д. ст. сов. Литвинова, то слѣдствіе не нашло въ его дѣйствіяхъ какихъ-либо данныхъ къ привлеченію его къ отвѣтственности и всѣ его дѣйствія въ извѣстномъ продовольственномъ дѣлѣ признаны слѣдствіемъ не выходящими изъ предѣловъ законности. Затѣмъ, что касается оставленія до настоящаго времени д. ст. сов. Гурко въ должности товарища министра, то его просьба объ отставкѣ не была принята ввиду того, что камергера Гурко слѣдствіе не нашло возможнымъ освободить до суда отъ должности товарища министра, такъ какъ рѣшено привлечь его къ суду, какъ товарища министра. О такомъ постановленіи слѣдствія надъ д. ст. сов. Гурко и Литвиновымъ до начала судебного разбора будетъ доведено до усмотрѣнія Высочайшей воли. Начало-же судебного разбирательства, въ случаѣ, если послѣдуетъ на то Высочайшее соизволеніе, предположено, по слухамъ, въ концѣ мая мѣсяца.

Относительно того, какъ будутъ судить г. Гурко, «Пет. Газ.» сообщаетъ, что ввиду того, что въ дѣлѣ Лидваля В. I. Гурко дѣйствовалъ самостоятельно «за министра», его, согласно 1076 ст. уст. уг. суд., будетъ судить верховный уголовный судъ. Этотъ судъ, согласно 1062 ст. уст. угол. суд., учреждается каждый разъ по особому Высочайшему указу и составляетъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя государственнаго совѣта изъ предсѣдателей департаментовъ совѣта и первоприсутствующихъ въ кассационныхъ департаментахъ правительствующаго сената и въ общемъ ихъ собраніи. Прокурорскія обязанности исполняетъ министръ юстиціи. Подсудимому предоставляются установленныя законами средства судебной защиты, но защитниками по этимъ дѣламъ могутъ быть назначаемы только лица, удостоенныя званія присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 1064 уст. уг. додж.).

Въ случаѣ Высочайшаго соизволенія суду надъ В. І. Гурко представится широкое поле для квалификаціи его преступленія. Съ одной стороны, ст. 338 ул. о нак. гласитъ: «Чиновникъ или иное должностное лицо признается превысившимъ власть, ему ввѣренную, когда, выстунивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій, которые предписаны ему по его званію, должности, мѣсту или особенному порученію, учинить что-либо въ отнѣну или-же вопреки существующихъ узаконеній, учреждений, уставовъ или данныхъ ему наставленій; или-же вопреки установленному порядку предпишетъ или приметъ такую мѣру, которая не иначе можетъ быть принята, какъ на основаніи новаго закона; или, присвоивъ себѣ право, ему не принадлежащее, самовольно рѣшить какое-либо дѣло; или-же дозволить себѣ какое-либо дѣйствіе или распоряженіе, на которое нужно было разрѣшеніе высшаго начальства, не испросивъ онаго надлежащимъ образомъ».

Согласно 341 ст. улож. о нак., виновный въ этомъ превышеніи власти подвергается, смотря по важности дѣла и сопряженнымъ оное обстоятельствомъ: или отрѣшенію отъ должности, или исключенію изъ службы, или-же заключенію въ крѣпости на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ; въ случаяхъ, не особенно важныхъ, къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, по четвертой степени статьи 31 уложенія о наказаніяхъ. Съ другой стороны, ст. 411 уложенія о наказаніяхъ говоритъ: «Въ случаѣ важныхъ со стороны чиновника упущеній и когда отъ нерадѣнія его или медленности въ отправленіи должности произошли видимые беспорядки или запущенія въ дѣлахъ, онъ можетъ быть немедленно преданъ суду, который въ правѣ его приговорить: къ выговору, съ внесеніемъ онаго въ послужной списокъ, или къ вычету изъ времени службы его отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, или къ удаленію отъ должности».

Однако, «Петербург. Лист.» къ тому-же вопросу приводитъ нѣсколько иныя свѣдѣнія и рассказываетъ, что сенаторъ В. Н. Варваринъ, закончившій на-дняхъ слѣдствіе по дѣлу «знаменитаго» камергера В. І. Гурко, далъ свое заключеніе, что провинившагося сановника слѣдуетъ, при Высочайшемъ соизволеніи, предать верховному уголовному суду. Созываемый въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, имѣвшій мѣсто всего два раза при императорѣ Александрѣ II, разсматривающій лишь тягчайшія государственныя преступленія, — подобный судъ, несомнѣнно, воздалъ-бы подсудимому достойно, «по заслугамъ». Но, какъ выяснилось на-дняхъ, В. І. Гурко верховному уголовному суду преданъ не будетъ. Въ первомъ департаментѣ государственнаго совѣта, куда, согласно закону, было передано далѣе дѣло злополучнаго для Россіи «продовольственнаго» товарища министра, оно получило иной оборотъ. Вопреки мнѣнію сенатора В. Н. Варварина, полагавшаго, что В. І. Гурко дѣйствовалъ на правахъ министра и долженъ быть судимъ, какъ таковой, сановные юристы первого департамента отыскали постановленіе комитета министровъ отъ 1905 г., по которому предсѣдателемъ продовольственнаго совѣщанія состоитъ не министръ внутреннихъ

дѣлъ, а его товарищъ. Въ силу этого камергера В. І. Гурко будутъ судить не на правахъ министра, а просто какъ «особу IV класса». А такую особу полагается судить уже не верховному суду, а первому (административному) департаменту прavitельствующаго сената. Насколько можно судить о дальнѣйшемъ, первый департаментъ государственнаго совѣта, который, ввиду серьезнаго обвинительнаго матеріала, собраннаго противъ В. І. Гурко слѣдствіемъ, наврядъ-ли сможетъ высказаться за прекращеніе дѣла, предать суду, т. е., сенату, прославившагося товарища министра внутреннихъ дѣлъ съ довольно легкимъ сердцемъ. Такимъ рѣшеніемъ симпатичный бюрократическимъ сферамъ камергеръ попадетъ подъ судъ «своихъ» — въ административный департаментъ правительствующаго сената, тотъ самый департаментъ сената, который хотятъ преобразовать даже члены государственнаго совѣта.

Послѣ появленія вышеприведенныхъ газетныхъ извѣстій, изъ оффиціозныхъ данныхъ выяснилось, что дѣло г. Гурко находится въ настоящее время въ такомъ положеніи.

4-го мая первый департаментъ г. совѣта, подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря А. А. Сабурова, въ составѣ членовъ: д. т. с. Н. С. Таганцева, д. т. с. И. Е. Шевича, д. т. с. Н. А. Зиновьева, егермейстера графа С. А. Толя, гофмейстера Е. О. Турау, т. с. С. О. Платонова, т. с. Н. Э. Шмемана, т. с. П. А. Харитонова, т. с. М. Г. Акимова, т. с. С. С. Манухина и т. с. Н. Д. Сергѣевского, обсуждалъ представленный на его заключеніе докладъ оберъ-прокурора кассационнаго департамента Кемпе по дѣлу товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. І. Гурко. Оберъ-прокуроръ въ своемъ заключеніи призналъ г. Гурко виновнымъ въ превышеніи и противозаконномъ бездѣйствіи власти. Этотъ актъ выразился въ томъ, что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко сдалъ фирмѣ Лидваль поставку 10 милльоновъ пудовъ хлѣба для населенія губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, выдавъ фирмѣ Лидваль авансъ въ 800 тысячъ рублей собственной властью, безъ одобренія особаго притодовольственнаго совѣщанія и санкціи высшей инстанціи. Сдача такого крупнаго подряда, сопровождаемаго выдачей аванса, была произведена вопреки правилъ и закона. Во-первыхъ, Гурко, отдавая поставку хлѣба, не собралъ справокъ о торговой способностн фирмы, о ея прошлой и специальной дѣятельности и вообще о значеніи фирмы въ торговомъ мѣрѣ. Во-вторыхъ, отдавая поставку, Гурко не обезпечилъ чѣмъ-либо интересовъ казны, ни правильности выполненія поставки, ни ея срочности, какъ-бы это слѣдовало сдѣлать. Исходя изъ такихъ соображеній, оберъ-прокуроръ кассационнаго департамента полагаетъ виновность г. Гурко слѣдствіемъ доказанной и на основаніи этого г. Гурко подлежитъ преданію суду уголовнаго кассационнаго департамента сената по 341 статьѣ уголовнаго уложенія.

Докладчикомъ по дѣлу Гурко въ первомъ департаментѣ г. совѣта выступилъ т. с. П. А. Харитоновъ. Основываясь на слѣдственномъ матеріалѣ и заключеніи оберъ-прокурора, докладчикъ изложилъ заглавною мыслью роль Гурко въ дѣлѣ сдачи поставки хлѣба фирмѣ Лидваль. Выводомъ докладника волучились не въ пользу товарища министра внутреннихъ дѣлъ. При

этомъ доки диктъ, разбираи отзывъ и объясненіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ Гурко, доказывавль несостоятельность этого и другого. По мнѣнію докладчика, выдача аванса не вызывалась тѣми соображеніями, какіи высказалъ Гурко. Дѣйствительно, повсерный неурожай, какъ народное бѣдствіе, требоваль принятія чрезвычайныхъ мѣръ, но не въ такой формѣ, какъ это было сдѣлано г. Гурко, тѣмъ болѣе, что предложепія поставки хлѣба въ то время уже имѣлись и отъ другихъ фирмъ, не требовавшихъ авансовъ. Даже съ коммерческой точки зрѣнія, дѣйствіе Гурко не имѣеть никакихъ оправданій, ибо еще на первомъ продовольственномъ совѣщаніи въ августѣ прошлаго года были установлены районы, въ которыхъ долженъ былъ покушаться хлѣбъ для каждой губерніи. Въ этихъ покупкахъ губернскаго присутствія должны были принять видное участіе. Между тѣмъ, Гурко запретилъ губернскимъ присутствіямъ вести хлѣбныя операціи, отдавъ большую часть поставки хлѣба въ однѣ руки, фирмѣ Лидваль, и въ то-же время не принявъ никакихъ мѣръ къ обезпеченію договора со стороны поставщика. Въ заключеніе докладчикъ, резюмируя слѣдственный матеріалъ и выводы оберъ-прокурора Кемпе, высказался за преданіе суду Гурко по обвиненію въ превышеніи власти по ст. 341 угол. ул. Докладъ вызвалъ пренія, но такъ какъ члены департамента были хорошо ознакомлены съ дѣломъ то пренія касались лишь выясненія нѣкоторыхъ деталей, вытекающихъ непосредственно изъ дѣла. Затѣмъ былъ поставленъ на баллотировку вопросъ о виновности Гурко и о преданіи его суду по статьѣ 341 уголовного уложенія. Всѣ члены перваго департамента единогласно высказались за преданіе Гурко суду. Засѣданіе перваго департамента началось въ 2 часа дня и окончилось въ 5 ч. пополудни. Послѣ подписанія журнала, послѣдній будетъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе.

Судить Гурко будетъ первый департаментъ сената.

Журналъ засѣданія 1-го департамента гос. совѣта по дѣлу Гурко подписанъ всѣми участвовавшими въ засѣданіи членами безъ какихъ-либо замѣчаній и особыхъ мнѣній. Такимъ образомъ, постановленіе департамента о преданіи Гурко суду перваго уголовного департамента сената по пункту 2-му ст. 341 угол. уложенія, карающей исключеніемъ изъ службы, входить въ законную силу. На основаніи постановленія гос. совѣта, до преданія суду г. Гурко отрѣшенъ отъ должности и лишенъ права подписывать бумаги, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Мотивированное постановленіе 1-го департамента гос. совѣта представляется на Высочайшее усмотрѣніе.

Б. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, камергеръ В. І. Гурко преданъ суду 1-го департамента правительствующаго сената по 2-й ч. 341 и 411 ст. у. о нак. Значеніе этихъ статей выяснено въ началѣ настоящей замѣтки. Наказаніемъ является ссылка по 4-й степ. ст. 31 улож. о наказ., т. е., ссылка на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую съ заключеніемъ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ или-же о работахъ въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи на время отъ полутора года до двухъ съ половиною лѣтъ. Но ввиду отмѣны института ссылки остаются только арестантскія роты.

Интересно отмѣтить, что при наличности обвиненія, угрожающаго лишеніемъ правъ, у обвиняемаго не отнято сейчасъ придворное званіе камергера.

Изъ производимаго съ фирмою Лидваль, по сообщенію «Нов. Вр.», расчета выясняется, что выданный авансъ не окупаетъ стоимости поставленнаго фирмою хлѣба. По расчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Лидваль долженъ уплатить казнѣ 350 тысячъ рублей.

II.

Дѣло генерала Стесселя.

Всплываетъ также на поверхность моря житейскаго совѣмъ было замолкшее дѣло генерала Стесселя. «Русь» сообщаетъ объ этомъ дѣлѣ, что въ настоящее время всѣ слѣдственные комиссіи разборъ матеріаловъ для обвиненія и оправданія закончили и пришли къ совершенно одинаковому заключенію: предъявленіе обвиненія по 251 ст. воен. уст. Къ такому заключенію пришла комиссія генерала Роона и слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Быкова. 251-я статья гласитъ: «Смертная казнь черезъ повѣшеніе» (1-я степенъ). «Смертная казнь черезъ разстрѣляніе» (2-я степенъ). Военный совѣтъ, разсматривавшій это дѣло, хотя пришелъ къ тому заключенію, но ввиду раздѣленія голосовъ рѣшилъ представить всѣ собранные матеріалы и рѣшенія на усмотрѣніе Государя.

По поводу того-же «Освѣдомительное бюро» говоритъ, что ввиду послѣдовавшаго, по всеподданнѣйшему докладу частнаго присутствія военнаго совѣта по дѣлу о сдачѣ японцамъ крѣпости Портъ-Артура, Высочайшаго повелѣнія о преданіи верховному военно-уголовному суду генераль-лейтенантовъ Стесселя (въ отставку), Фока и Смирнова и генераль-маіора Рейса, находящіяся въ дѣлѣ матеріалы передаются въ распоряженіе главнаго военнаго прокурора для составленія обвинительнаго акта. Изъ состава главнаго военнаго суда въ верховный военно-уголовный судъ войдутъ—за отводомъ членовъ, принимавшихъ участіе въ слѣдственномъ дѣлѣ—всѣ наличные члены: генераль-лейтенанты—Аникѣевъ, баронъ Остенъ-Сакенъ и Щербовичъ-Вечоръ.

О перипетіяхъ дѣла и о возможномъ его исходѣ сотрудникъ «Петерб. Газеты» бесѣдовалъ съ защитникомъ ген. Стесселя, перешедшимъ въ адвокатуру бывшимъ помощникомъ военнаго прокурора г. Сыртлановымъ. Послѣдній сообщилъ ему, что дѣло началось съ того, что было передано въ комиссію генерала Роона. Комиссія работала усердно и долго, собирая всевозможныя свѣдѣнія. Бумаги накопилась такая кipa, что разобраться въ ней стало почти невозможно. Неизвѣстно, къ какимъ-бы результатамъ пришла комиссія, но ей въ помощь дали въ качествѣ снабженнаго особыми полномочіями т. с. С. А. Быкова.

С. А. Быковъ извѣстенъ въ качествѣ серьезнаго юриста. Къ тому-же это—человѣкъ огромнаго ума и необыкновенной порядочности. Онъ быстро раскусилъ и постигъ все это дѣло.

Главное, онъ его упростилъ. Прежде всего, онъ привлекъ генераловъ къ слѣдствію и предъявилъ имъ точно обоснованное обвиненіе. Послѣ опроса обвиняемыхъ и производства слѣдствія, дѣло было передано генералу Гурскому, помощнику главнаго военнаго прокурора. Составленное имъ заключеніе было направлено въ частное присутствіе военнаго совѣта. Здѣсь, послѣ очень продолжительнаго обсужденія, состоялось постановленіе о привлеченіи къ суду всѣхъ четырехъ генераловъ. Интересно, что главное судное управленіе хотѣло совершенно устранить генерала Смирнова отъ отвѣтственности. Но совѣщаніе военнаго совѣта докончилось, какова была въ дѣлѣ роль генерала Смирнова, и пригвоздило его къ дѣлу. Послѣ того дѣло, съ заключеніемъ главнаго военнаго прокурора, было повергнуто на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Теперь, въ силу послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія о преданіи верховному военно-уголовному суду всѣхъ четырехъ генераловъ, все это дѣло передано главному военному прокурору для составленія обвинительнаго акта. По изготовленіи обвинительнаго акта, будетъ составленъ верховный военно-уголовный судъ. Составлять его будутъ наличные члены военнаго совѣта, не принимавшіе участія въ этомъ дѣлѣ, и изъ состава главнаго военнаго суда генералы Аникѣевъ, бар. Остенъ-Сакенъ и Щербовичъ-Вечоръ, какъ не участвовавшіе въ слѣдственномъ дѣлѣ. Предсѣдательствовать будетъ одинъ изъ членовъ военнаго совѣта. Рѣшенія верховнаго суда обжалованію не подлежатъ и являются окончательными. Защитниками подсудимыми приглашены: генераломъ Фокомъ—генералъ Домбровский, генераломъ Смирновымъ—прис. пов. Булацель, генералъ Рейсъ пока не избралъ себѣ защитника.

Генерала Стесселя, какъ личность, будетъ защищать подп. Вельяминовъ, техническую и полемическую часть беретъ на себя Сыртлановъ.

Объ исходѣ процесса говорить пока преждевременно, такъ какъ, за отсутствіемъ обвинительнаго акта, неизвѣстно въ точности, въ какихъ преступленіяхъ обвиняются привлеченные. Дѣло пойдетъ теперь ускореннымъ темпомъ, такъ что начала судебного процесса нужно ждать не позднѣ середины іюня.

Въ число судей, какъ выше сказано, войдутъ генералы Аникѣевъ, бар. Остенъ-Сакенъ и Щербовичъ-Вечоръ.

Ген.-лейт. Петръ Никаноровичъ Аникѣевъ родился 26-го января 1844 г., получилъ общее образованіе въ орловскомъ кадетскомъ корпусѣ, военное — во второмъ военномъ Константиновскомъ училищѣ, а юридическое—въ военно-юридической академіи. Большую часть своей службы онъ посвятилъ юридической дѣятельности. Такъ, въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ онъ занимался пятнадцать лѣтъ, затѣмъ три года — въ кievскомъ и семь лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ московскаго окружнаго суда. П. Н. имѣеть, по слов. «Петерб. Газеты», много наградъ.

Баронъ Эрнестъ Рудольфовичъ Остенъ-Сакенъ родился въ 1846 году, образованіе получилъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ и въ военно-юридической академіи. Баронъ Остенъ-Сакенъ всю свою карьеру началъ и продолжаетъ также на юри-

дическомъ поприщѣ, былъ прокуроромъ въ кievскомъ, вiденскомъ и петербургскомъ военно-окружныхъ судахъ, былъ также и предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда.

Ольгердъ Карловичъ Щербовичъ-Вечоръ—также военный юристъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, а специальное—въ военно-юридической академіи. Онъ былъ помощникомъ воен. прокурора московскаго в.-окружнаго суда около пяти лѣтъ, затѣмъ прокурорствовалъ въ кievскомъ и кавказскомъ военно-окружныхъ судахъ до 1901 года и былъ назначенъ въ томъ-же году предсѣдателемъ сибирскаго военно-окружнаго суда. О. К. имѣетъ много наградныхъ знаковъ.

III.

Небогатовцы.

Пока собираются судить Стесселя, смутившаго міръ самовосхвалительными телеграммами, дѣйствительныя жертвы и козлища отпущенія военной бюрократіи уже отбываютъ наказаніе. По словамъ газетъ, въ Петропавловской крѣпости съ 5 апрѣля отбываютъ наказаніе бывший вице-адмиралъ Н. И. Небогатовъ, командиры «Апраксина» и «Сенявина» капитаны I ранга Н. I. Лишинъ и С. И. Григорьевъ. Командиръ броненосца «Николай», В. В. Смирновъ заключенъ въ варшавскую крѣпость. Камеры заключенныхъ не отличаются ничѣмъ отъ остальныхъ. Умывальникъ вдѣланъ въ стѣну, изъ мебели имѣются узкая желѣзная кровать, столъ и стулъ. Свиданія ограничены. Одинъ разъ въ недѣлю допускается свиданіе въ пріемной комнатѣ. Сдѣлано небольшое исключеніе для жены Н. И. Небогатова, которой дозволено видѣться съ мужемъ въ его камерѣ два раза въ недѣлю. На продовольствіе заключенныхъ отпускалось по 35 к. въ день, теперь «паекъ» увеличенъ до 40 к.

Указомъ отъ 16-го апрѣля с. г. за № 3615 правительствующій сенатъ призналъ, что офицеры, оправданные судомъ по дѣлу о сдачѣ бывшимъ вице-адмираломъ Небогатовымъ отряда судовъ непріятелю, подлежатъ удовлетворенію денежнымъ довольствіемъ на точномъ основаніи ст. 125 кн. XIII св. мор. пост. Въ настоящее время морской министръ вошелъ въ правительствующій сенатъ съ рапортомъ о разъясненіи вопроса, надлежитъ-ли также 125 ст. примѣнить и къ бывшему вице-адмиралу Небогатову и 7 чинамъ его отряда, признаннымъ судомъ виновными въ сдачѣ.

IV.

О священникѣ Г. С. Петровѣ.

Очень близко время освобожденія любимѣйшаго проповѣдника Св. Евангелія свящ. Гр. Сп. Петрова. Предвидя этотъ моментъ, «консисторскіе отцы» зашевелились. Газеты сообщаютъ, что ввиду приближающагося срока освобожденія изъ ссылки о. Гр. Петрова въ духовныхъ сферахъ снова возникъ вопросъ о лишеніи духовнаго званія извѣстнаго пастыря-публициста. Какъ на главный поводъ въ такой дѣлѣ, указываютъ на два обстоятельства въ началѣ, послѣдующія въ послѣднее время, въ которыхъ

о. Петровъ якобы съ большимъ неуваженіемъ отзывается о духовной и свѣтской власти. Косвеннымъ образомъ въ это дѣло вмѣшались митрополиты кievскій и московскій, которые сильно стоятъ за «разжалованіе» опального священника; что-же касается митрополита Антонія, то онъ рѣшительно высказывается противъ лишенія сана о. Гр. Петрова.

Какъ живетъ «черемецкій заточникъ»?

Священ. М. Ѳ. Лубинскій, посѣтившій от. Г. С. Петрова, рассказываетъ въ «Петербургск. Листкѣ» слѣдующее:

«У станціи Луги занимаемъ ямщика.

«— Въ Черемонецъ!

«— А, къ от. Григорію!—весело улыбается возница.—Пожалуйте, у насъ туда цѣна уже положенная. Самъ от. Григорій вамъ скажетъ.

«Услыхавъ—«Черемонецъ», «от. Григорій», насъ окружаютъ станціонные сторожа и носильщики.

«— Къ от. Григорію ѣдете? Кланяйтесь ему. Пожелайте и отъ насъ ему Свѣтлаго праздника! Дай Богъ ему силъ выдти радостнымъ изъ неправедной ямы.

«— А васъ развѣ интересуесть судьба от. Григорія?—спросили мы.

«— Какъ-же! Мы, вѣдь, понимаемъ, за что его посадили въ монастырь. Знаемъ мы эту «святую» обитель очень хорошо. И отцовъ черемецкихъ навидались. И къ нимъ-то для вразумленія от. Григорія! По настоящему-то слѣдовало-бы, чтобы от. Григорій ихъ вразумлялъ, а не они его. Есть у от. Григорія книжечка «Долой пьянство». Очень полезно-бы братіи монастырской почитать эту книгу. Да и много чему слѣдовало-бы монахамъ поучиться у от. Григорія. А то, вишь, самъ игуменъ тамъ «черная сотня», читаетъ одинъ «Колоколь» да «Русское Знамя». Такому-то вразумлять от. Григорія! Знаемъ мы этого вразумителя! Понимаемъ, и за что от. Григорія къ такимъ вразумителямъ послали. Всѣ смиренные владыки все за «владыкъ» и тянутъ, за тѣхъ, кто владываютъ. Все сильнымъ кланяются да служатъ, ну, а от. Григорій за насъ, за маленькихъ людей, вступился, о нашемъ горькомъ житіи заболѣлъ сердцемъ. Не любятъ этого тѣ, кто въ золотыхъ шапкахъ. Они и послали от. Григорія въ Черемонецъ поучаться. Самое «святое» мѣсто! Тамъ «обучать»».

Наконецъ, путники прибыли въ монастырь и повстрѣчались съ от. Петровымъ.

От. Григорій замѣтно похудѣлъ, поблѣднѣлъ, на лицѣ явная усталость, но говорить бодро, обычнымъ спокойнымъ голосомъ, на губахъ то и дѣло мелькаетъ добродушная улыбка.

Шелъ онъ въ одной рясы, безъ нагруднаго креста (въ монастырѣ крестъ сняли), съ непокрытой головой.

О своемъ житіи-бытій от. Петровъ рассказалъ посѣтителямъ слѣдующее:

«Меня смущаетъ и даже тяготитъ, что я, въ сущности, самъ являюсь тяготю монастыря. Вѣдь другой серьезный священникъ на моемъ мѣстѣ, дѣло быдло-бы и крестомъ. И-же, конечно, бы, какъ-бы занозой, насильно вставляю въ монастырь, тянуть нехотю, а чувствовать больно.

«Были тутъ у меня друзья изъ писательской среды и спрашивали, какъ относятся въ монастырь ко мнѣ.

«Въ дѣйствительности относятся никакъ, но, зная, что писатели и въ печати выскажутъ свои впечатлѣнія, я, чтобы не огорчать своихъ невольныхъ хозяевъ, сказалъ, что относятся хорошо, сердечно. Этого было достаточно, чтобы настоятеля тотчасъ-же вызвали въ Петербургъ и въ освѣдомленныхъ газетахъ было сказано, что ему рѣзко пригрозили. Это за «хорошее ко мнѣ отношеніе!».

— Вотъ образецъ «христіанской» нравственности нашихъ духовныхъ властей!—восклицаетъ св. Лубинскій.—Настоятелю, обязанному быть духовнымъ вождемъ братіи, грозятъ суровыми карами за человѣческое отношеніе къ ссылкеному. Главное-же, не было для этихъ угрозъ и основаній. Ни послабленій, ни льготъ, по правдѣ говоря, никакихъ не было. Режимъ съ первыхъ-же дней былъ обычный.

Перыодокъ дня, оказывается, принятъ въ монастырь таковъ. Церковныя службы начинаются съ 5 ч. дня. Утренняя съ 5 до 7 $\frac{1}{2}$, 2 $\frac{1}{2}$ —2 $\frac{3}{4}$ часа. Съ 9, съ 9 $\frac{1}{2}$ часовъ обѣдня (или часы) до 12, до 12 $\frac{1}{2}$, иногда до 1 часу. Послѣ обѣдни въ общей трапезѣ обѣдь. На обѣдь щи или супъ, каша, винегреть, гороховый кисель, что-нибудь изъ этихъ кушаній. Въ посту на первой и Страстной недѣлѣ ничего варенаго и не разводилась даже печь на кухнѣ; были рѣдька, капуста, квасъ и хлѣбъ. То-же и на ужинѣ. Вечерняя служба отъ 5 ч. Подъ праздники отъ 5 до 8 $\frac{1}{2}$ и даже до 9 часовъ.

Для непривычнаго человѣка такія длинныя стоянія, конечно, не только утомительны, но и изнурительны. Тѣмъ не менѣе, от. Григорій обо всемъ говорилъ спокойно, добродушно.

— Тяжело было одно—раннія вставанія,—пояснялъ онъ.—Въ Петербургѣ я уже много лѣтъ привыкъ ложиться спать въ 2, въ 3, въ 4 ч. утра. Днемъ все время народъ,—то одинъ, то другой. Работать можно было только по ночамъ. Тутъ-же приходилось въ 4 ч. вставать. И вотъ заснешь въ 2, въ 2 $\frac{1}{2}$ ч., а въ 4, въ 4 $\frac{1}{2}$ вставай. При такомъ порядкѣ дня потомъ все время разбитый и не только читать, а въ свободные часы и на прогулку не хватало силъ. Теперь присноровился и вечерами, послѣ 6 ч., много и пишу.

— Судя по тому, что говорилъ от. Григорій,—говорить от. Лубинскій мы убѣждены, что синодъ едва-ли будетъ радъ и доволенъ назначенной имъ ссылкой от. Григорія въ монастырь. Это была вѣхъ большая ошибка. Все равно, что раскрыть тайныя синодскіе архивы предъ народомъ. Впрочемъ, поѣздки от. Григорія въ монастырь синодскіе судьи праведныя, конечно, не ждали. Это была не ошибка, а провокація. Они надѣялись, что гонимый не поѣдетъ и они тогда лишатъ его священства заслушаніе. Но онъ оказался мудрѣе своихъ судей и поѣхалъ... на бѣду синодскую.

Синодъ, видимо, и теперь выскиваетъ случай допечь от. Григорія. Сославъ въ монастырь и тѣмъ, казалось-бы, порѣшивъ дѣло, они, однако, снова разбирали его: нельзя-ли, дескать, еще новой вины выжать? Не удалось! Запрашивали Москву, цензурный комитетъ, прокурора, градоначальство: нельзя-ли

подвять дѣло о закрытіи газеты «Правды Божіей»? И тутъ нечего не вышло.

V.

Дѣло священника В. Торбаева.

Вообще «консисторскимъ отцамъ» при новомъ укладѣ русской жизни приходится пошевелиться. Ихъ такъ вотъ и попишываютъ со всѣхъ сторонъ. Дѣло бывшаго священника Іоанновскаго женскаго монастыря, на Карповкѣ, Владимира Торбаева грозитъ новымъ осложненіемъ. Торбаевъ, лишенный по постановленію духовнаго начальства священническаго сана и исключенный изъ духовнаго званія съ передачей въ распоряженіе губернскаго правленія, — по словамъ «Бирж. Вѣд.», — возбудилъ въ настоящее время дѣло о привлеченіи къ судебной ответственности нѣсколькихъ лицъ, давшихъ о немъ будто-бы ложныя показанія у духовныхъ слѣдователей. Само дѣло находится нынѣ у прокурора петербургскаго окружнаго суда, который потребовалъ на этихъ дняхъ подлинное консисторское производство о Торбаевѣ. Въ качествѣ «лжесвидѣтелей» Торбаевымъ, между прочимъ, указаны настоятель монастырскаго храма от. Іоаннъ Орнатскій, діаконовъ Дмитрій Солярскій, священникъ Коротаевъ, одна вдова генераль-лейтенанта, крестьянина Назаровъ и еще одна женщина. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ обвиняются бывшимъ священникомъ даже въ клятвенное преступленіе. Въ подтвержденіе лжесвидѣтельства обвиняемыхъ лицъ, Торбаевъ привелъ цѣлый рядъ свидѣтелей, всего до сорока человекъ. Въ ихъ числѣ, по словамъ хорошо освѣдомленнаго въ подобныхъ вопросахъ «Петерб. Лист.», значатся: кронштадтскій протоіерей от. Іоаннъ Сергіевъ, настоятельница монастыря игумения Ангелина, монастырская казначея, благочинная, бывшая послушница Марія Дубковская (фигурировавшая въ судебномъ процессѣ о немъ) и почти весь составъ монастырскихъ «сестеръ».

VI.

Арестъ Тополева.

Арестованъ, наконецъ, уже неизвѣстно по какому «недоразумѣнію» у себя на родинѣ одинъ изъ уличаемыхъ въ убійствѣ бывшаго депутата Герценштейна — Тополевъ, извѣстный подъ прозвищемъ Гамзѣя Гамзѣича, до того времени, несмотря «на розыски», свободно разгуливавшій на свободѣ. Арестованъ онъ у себя на родинѣ. По этому поводу «Бирж. Вѣдом.» говорятъ, что есть что-то стихійное именно въ томъ, что Тополевъ, зная, что слѣдовалъ приказъ о розыскѣ и арестѣ его, ухажалъ какъ разъ къ себѣ на родину, гдѣ его знаетъ весь городъ и гдѣ, слѣдовательно, онъ менѣе всего могъ рассчитывать на безопасность. Исторія г. Тополева чрезвычайно поучительна для нашего времени. Въ небольшомъ захолустномъ городѣ Пинскѣ онъ содержалъ на Базарной площади чайную и трактирное заведеніе. На базаръ съѣзжались съ окрестныхъ селъ крестьяне, бѣлоруссы и поляки, съ продуктами своихъ трудовъ и значительная доля вырученныхъ отъ продажи денегъ попадала въ руки

Гамзѣя Гамзѣича. Была, конечно, конкуренція со стороны евреевъ, но Гамзѣй Гамзѣичъ мирился съ этою сравнительно легко и жилъ беззаботно. Но вотъ появляются въ губерніи земскіе начальники и въ Пинскѣ назначенъ былъ г. К., привезшій съ собой свои взгляды на евреевъ. Этотъ К. сталъ творить въ городѣ всякія дѣла и столько ихъ натворилъ вплоть до растраты казенныхъ денегъ, что его вынуждены были административнымъ порядкомъ выслать изъ Минской губерніи. Случай столкнулъ Гамзѣя Гамзѣича съ этимъ К. и началась агитація сначала на базарѣ, а потомъ во всемъ городѣ противъ евреевъ.

На городъ напущенъ былъ страхъ: население держали подъ постоянной угрозой погромовъ и среди этой атмосферы бывшій земскій начальникъ безнаказанно обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Такъ мирный кабатчикъ Гамзѣй Гамзѣичъ сталъ политическимъ дѣятелемъ. Но, когда его патронъ былъ высланъ, онъ остался въ Пинскѣ безъ всякой опоры и даже подъ опасеніемъ, что на его долю также можетъ перепастъ кое-что изъ того, что по закону причиталось бывшему земскому начальнику. Наслышавшись много про г. Дубровина, г. Тополевъ уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ оказался желаннымъ гостемъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ уже организаціонный опытъ, пріобрѣтенный въ самой гущѣ черты осѣдлости евреевъ. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, на долю г. Тополева выпала уже видная политическая роль въ средѣ крайнихъ правыхъ.

Сотрудникъ той-же газеты по этому поводу имѣлъ случай побесѣдовать съ вновь назначеннымъ выборгскимъ губернаторомъ барономъ В. Г. Троилъ.

По поводу ареста Тополева баронъ сообщилъ:

— Мы официальнаго извѣщенія еще не получили и знаемъ объ арестѣ только изъ газетъ, но полагаю, что недѣли черезъ двѣ, послѣ выполнения обычныхъ формальностей, Тополевъ будетъ доставленъ въ Выборгъ.

— Какое-же направленіе можетъ получить теперь дѣло?

— Будетъ снова назначено судебное разбирательство и полагаю, что скоро. Мѣстныя судебныя власти чрезвычайно заинтересованы этимъ дѣломъ и, со своей стороны, дѣлаютъ всевозможное для скорѣйшаго разрѣшенія. Несомнѣнно, что медлить съ разборомъ дѣла не будутъ.

Изъ краткой бесѣды съ губернаторомъ можно вывести заключеніе, что перемена на посту губернатора не можетъ оказать никакого вліянія на ходъ дѣла: судебная власть въ Финляндіи совершенно независима отъ административной. Финляндскій судъ, несомнѣнно, и впредь будетъ продолжать дѣло въ строгомъ соответствіи съ законами страны и о возможности давления на него съ чьей-бы то ни было стороны не можетъ быть и рѣчи.

Наканунѣ нефтяного голода.

Въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ изобрѣтеній, когда все болѣе и болѣе развивается область практическаго примѣненія всевозможныхъ машинъ, насущнымъ изъ вопросовъ является вопросъ о топливѣ для этихъ двигателей современнаго прогресса, промышленности и торговли. Такимъ топливомъ является каменный уголь и въ послѣднее время стала быстро распространяться нефть. Паровозы, пароходы, многія машины на фабрикахъ и заводахъ питаются исключительно нефтью. Нефть въ видѣ керосина проникла всюду—даже въ семьи—и является необходимымъ условіемъ всякаго хозяйства. Россія въ отношеніи нефти поставлена въ наилучшія условія: на западномъ берегу Каспійскаго моря находятся неистощимые бассейны этого продукта и вдругъ при положительно сказочномъ его изобиліи нашему отечеству начинаетъ грозить нефтяной голодъ...

Въ Баку—въ этомъ царствѣ нефти—уже нѣсколько мѣсяцевъ длится разорительная забастовка.

Если кому-нибудь изъ нашихъ читателей случалось путешествовать по Волгѣ,—разсказываетъ г. Георгій Акатовъ въ «Словѣ»,—онъ, навѣрное, обращалъ вниманіе на странныя радужныя пятна, сверкающія на поверхности мутной волжской воды.

Эти пятна иногда сливаются въ одно громадное пятно, иногда разрываются на рядъ отдѣльныхъ участковъ, и тогда вся рѣка бываетъ похожа на огромную географическую карту, сияющую радужными переливами.

Если у волжскаго туриста имѣется хоть небольшой запасъ фантазій, то онъ легко можетъ отыскать на этой картѣ Каспійское море и уголокъ Кавказа съ нѣбольшимъ полуостровомъ и заливомъ... И это будетъ то самое мѣсто, гдѣ зарождается самая «карта» и гдѣ имѣютъ свой очагъ тѣ странныя перламутровыя пятна, изъ которыхъ она состоитъ.

Это мѣсто—Баку...

Странный сумрачный и невѣроятно унылый городъ—городъ, буквально захлебывающійся въ нефти и червонъ маслянистомъ мазутѣ, городъ, въ которомъ улицы поливаются не водою, а нефтью, и гдѣ, кажется, цѣтъ ни одной пяди земли, которая не состояла-бы въ самомъ сильномъ подозрѣніи; а что, если ковырнуть ее? вдругъ забьютъ фонтанъ? вдругъ польются изъ земли маслянистой струей жидкія деньги?..

Мы,—продолжаетъ г. Акатовъ,—не совѣшь правильно назвали Баку «сумрачнымъ» городомъ... Нѣтъ! Это—городъ радужныхъ сновъ... Это—городъ яркихъ денежныхъ мечтаній—такихъ-же яркихъ и радужныхъ, какъ тѣ радужныя пятна, которыя рас-

ходятся отсюда далеко-далеко на сѣверъ, достигая Твери, Рязани, Вятки и Перми...

Нынче въ этомъ радужно-маслянистомъ городѣ тревога и уныніе...

Земля родить нефть попрежнему изобильно. Попрежнему бьютъ черные фонтаны, попрежнему тонетъ въ нефтяной грязи бакинскій «Черный Городокъ» и угромо чернѣютъ безчисленные вышки... Но нѣтъ прежняго оживленія на рейдѣ, гдѣ въ прежнее время со стопами и пѣснями полуголые персы грузили шхуны и гдѣ ждали очереди, чтобы «налиться», сотни плавучихъ цистернъ-пароходовъ.

Рабочіе бастуютъ, пароходы стоятъ, нефть не плыветъ по Каспю и по Волгѣ... Радужныя пятна и радужныя мечтанія нефтепромышленниковъ не расплываются, какъ прежде, перламутровыми волнами по всему видимому пространству.

Забастовка моряковъ торговаго флота, — говоритъ корреспондентъ «Утра Свободы» г. Петровичъ, — привлекла исключительное вниманіе русскаго общества и попечительную энергію конституціоннаго кабинета, отрядившаго на сей случай если не карательную экспедицію, то во всякомъ случаѣ карательнаго генерала *). Русское общество врядъ-ли знакомо съ тѣмъ, какъ живутъ моряки, что послужило причиной грандіознаго движенія, и потому голосъ человѣка, на собственной спинѣ испытывающаго всѣ невзгоды труда этого рода, можетъ представлять нѣкоторый интересъ.

Достаточно посмотреть на тѣ условія, при которыхъ приходилось работать морякамъ, чтобы понять, какъ неизбежно подготавливалась эта забастовка.

На большинствѣ судовъ у служащихъ въ машинныхъ отдѣленіяхъ вахта по 12 час. въ сутки, при температурѣ 40—50 гр. по R, почти безвыходно. При такой температурѣ, кромѣ тщательнаго наблюденія за машинами и котлами, приходится во время хода ремонтировать различныя неисправности; число-же людей урѣзано до минимума. Работать по 12 час. приходится только въ морѣ; на стоянкѣ-же пароходовъ число рабочихъ часовъ достигаетъ 18-ти, въ кругломъ счетѣ — 15 часовъ. Условія работы матросовъ еще того хуже: во время плаванія приходится въ продолженіе 12-ти часовъ, не разгибая спины, чистить, скоблить палубу и ворочать рулевое колесо; во время выгрузки и нагрузки судна работаютъ съ 5 час. утра до 11—12 час. ночи.

И что-же получаютъ эти невольные каторжане за свой трудъ? 18—25 рублей въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи, при ежегодномъ возрастающей бакинскою дороговизнѣ жизни.

Подлюбуемся на жизненную обстановку въ свободные часы: живутъ въ каютахъ группами по 8—10 человѣкъ, гдѣ на каждого приходится только около 5 кубич. аршинъ воздуха. На берегу бываютъ всего 1 день въ 1½—2 мѣсяца, во время чистки

*) Былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, съ широкими полномочіями баронъ Таубе, имѣвшій цѣлью выяснить положеніе дѣла и способствовать благополучному разрѣшенію забастовки. Эта командировка послужила предметомъ запроса госуд. думы предсѣдателью совѣта министровъ.

котловъ. Зимой на 4 мѣсяца наливная флотилія становится на ремонтъ, тогда 50—70% служащихъ увольняютъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ жите-бытье каспійскихъ моряковъ.

Невозможныя условія жизни вызвали забастовку, а профессиональный союзъ, сплотивъ ее, сдѣлалъ дружной и стойкою.

Въ первый двѣ недѣли судовладельцы не шли ни на какія уступки, рассчитывая, повидимому, на скорый ея исходъ, но скоро увидѣли, что ошиблись. Пришлось пойти на маленькія уступки, такъ какъ забастовка грозила слишкомъ большимъ ущербомъ предпринимательскому карману. Нефтехранилища за зимній періодъ переполнены, а Волга—этотъ главный и дешевый путь для доставки нефти въ промышленные центры—ждетъ транспорта. Къ тому-же и срочные контракты грозятъ крупными неустойками.

Была для переговоровъ образована смѣшанная комисиія, не давшая предварительно никакихъ положительныхъ результатовъ. Свою неуступчивость пароходчики объясняютъ тѣмъ, что фрахтовые цѣны на предстоящую навигацію закрѣплены условіями и поэтому слишкомъ убыточнымъ являются требованія судовыхъ рабочихъ—уравнять заработную плату съ моряками Чернаго моря. Рабочіе стояли на своемъ и мирное соглашеніе не удалось.

Въ забастовкѣ каспійцевъ заинтересованы не одни каспійскіе судовладельцы—заинтересована большая часть всей русской промышленности, начиная съ нефтепромышленниковъ, волжскихъ судовладельцевъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и кончая частью желѣзныхъ дорогъ, пользующихся нефтью, какъ самымъ удобнымъ и дешевымъ топливомъ.

Предвидя затяжной характеръ забастовки, заинтересованныя промышленныя группы забили тревогу. Посынались въ Петербургъ петиціи, депутаціи отъ биржъ, съ требованіями усмирить каспійцевъ, и вотъ неизмѣнно отзывчивое къ промышленникамъ правительство отправило въ Баку генерала Таубе, несмотря на то, что Кавказъ больше года на военномъ положеніи и ввѣренъ неограниченной власти намѣстника. На почтовыхъ судахъ команда замѣнена солдатами и татарами.

Выбрасывая на улицу десятки тысячъ опытныхъ моряковъ и замѣняя ихъ совсѣмъ неопытными командами, судовладельцы ведутъ насъ къ черноморскимъ несчастьямъ.

Промышленный строй потерпѣть и того больше. Бакинская нефть, будучи почти единственнымъ источникомъ двигательной энергіи, необходима русской промышленности, и безъ того надорванной. Безработная армія увеличится на десятки тысячъ. Картина переживаемыхъ бѣдствій пріобрѣтетъ нѣсколько новыхъ тяжелыхъ красокъ.

О причинахъ каспійской забастовки г. Бахметевъ (Статистикъ) говорить въ «Н. В.»:

Въ октябрѣ прошлаго года въ Петербургъ, подъ предсѣдательствомъ министра торговли шталмейстера Философова, въ теченіе десяти или двѣнадцати дней засѣдало совѣщаніе по вопросу объ обезпеченіи промышленности топливомъ. Созыва-

лось это совѣщаніе вслѣдствіе того въ высшей степени тяжелаго для всѣхъ потребителей нефтянаго топлива кризиса, который является прямымъ послѣдствіемъ ненормальнаго положенія бакинской нефтяной промышленности, давно уже требующей коренной и всесторонней реформы.

Отъ совѣщанія ожидали очень многого. Къ сожалѣнію, ожиданія эти не оправдались: оно оказалось совершеннѣйшимъ пустошвѣтомъ, напрасной тратой времени и казенныхъ денегъ на печатаніе крайне жидкихъ матеріаловъ и безрезультатныхъ трудовъ совѣщанія. Но все-же совѣщаніе могло оказать нѣкоторую пользу, если-бы созывавшее его министерство обратило вниманіе на тѣ, хотя и очень немногочисленные заявленія, которыя среди всякаго рода словозверженій, кривотолковъ и ни на чемъ не основанныхъ домогательствъ представляли собой весьма важныя по существу своему сообщенія, указанія или предупрежденія. Среди нихъ въ переживаемые нами тревожные для всей Россіи дни забастовки судовыхъ командъ каспійскаго торговаго флота, лишаящей нашу промышленность, желѣзныя дороги и все волжское пароходство нефтянаго топлива, особеннаго вниманія заслуживаетъ поданная министру торговли докладная записка участвовавшего въ совѣщаніи члена бакинскаго биржеваго комитета Крыжановскаго. Вотъ дословное содержаніе этой записки:

«При разсмотрѣніи вопроса о мѣрахъ обезпеченія промышленности топливомъ совершенно упущенъ изъ вида вопросъ о положеніи судоходства на Каспіи и возможности забастовокъ среди моряковъ, а эти забастовки, правда, въ ограниченныхъ размѣрахъ, уже были какъ въ 1905, такъ и въ текущемъ году.

«Причины забастовокъ не только экономическія, но, пожалуй, главное мѣсто занимаетъ устарѣлое наше законодательство, касающееся мореходства и мореходцевъ.

«Не вдаваясь въ подробности, ибо ихъ слишкомъ много, да къ тому-же въ настоящемъ засѣданіи нѣтъ представителей отъ мореходцевъ, я позволяю себѣ обратить вниманіе совѣщанія на необходимость скорѣйшаго пересмотра существующаго законодательства. Въ то-же время было-бы крайне полезно составить особую комиссію для изученія вопроса о положеніи судоходства и моряковъ на Каспіи, причемъ къ работѣ въ этой комиссіи, помимо правительственныхъ членовъ, должны быть привлечены и представители какъ судовладельцевъ, такъ и моряковъ (судоводителей, матросовъ и машинной команды).

«Оставленіе настоящаго вопроса безъ принципиальнаго разрѣшенія или по крайней мѣрѣ безъ постановки на разрѣшеніе вселяетъ серьезные опасенія за то, что намѣченныя мѣропріятія въ области урегулированія отношеній между нефтепромышленниками и промысловыми рабочими сами по себѣ не обезпечатъ возможности правильнаго поступленія жидкаго топлива на внутренній рынокъ.»

Г. Крыжановскій—не только членъ бакинскаго биржеваго комитета, но и управленій самаго крупнаго на Каспійскомъ морѣ и Волгѣ судоходно-транспортнаго предпріятія—Восточнаго общества, до 1904 г. флотомъ котораго состоитъ изъ 30 паро-

ходовъ, 17 паровыхъ шхунъ, 20 желѣзныхъ и 102 деревянныхъ баржъ. Казалось-бы, что при такихъ условіяхъ его записка должна была-бы обратить на себя вниманіе если не пустоцвѣтнаго совѣщанія, то по крайней мѣрѣ министерства торговли, вѣдущаго дѣлами торговаго мореплаванія. Не тутъ-то было. Совѣщаніе ея вовсе не обсуждало. Что-же касается министерства, то и оно оставило ее безъ вниманія и едва-ли не впервые прочтеть ее теперь на страницахъ «Новаго Времени». А, между тѣмъ, въ истекшіе полгода можно было-бы сдѣлать очень многое для предотвращенія нынѣшней забастовки. О ней говорили задолго до открытія навигаціи, какъ о дѣлѣ неизбѣжномъ; говорили и въ Баку, и въ Астрахани, и во всемъ Поволжьи, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ говорили еще въ январѣ и въ февралѣ, и министерству стоило только разслѣдовать эти слухи, чтобы убѣдиться въ ихъ основательности и уяснить себѣ причины, вызывающія забастовку. Для этого ни особаго труда, ни особенной проницательности не требовалось. Не могъ-же входящій въ составъ министерства торговли отдѣлъ торговаго мореплаванія съ цѣлымъ штатомъ инспекторовъ не знать, что уже въ то время, когда добыча нефти въ Баку шла полнымъ ходомъ, когда тамъ добывалось свыше 600 мил. пуд. нефти и на Волгу вывозилось болѣе 400 мил. пуд. въ годъ, нѣкоторая часть каспійскаго наливнаго флота, преимущественно мелкія и среднія суда, оставалась безъ работы. Зная это, не трудно было предвидѣть, что безработица не могла не усилиться, а съ ней не могъ не понизиться и безъ того визкій фрахтъ съ того времени, когда годовая выработка бакинской нефти понизилась на цѣлую треть. Такимъ положеніемъ очень успѣшно воспользовались главные отправители на Волгу нефтяныхъ продуктовъ, мазута и нефти—товарищество братьевъ Нобель и ротшильдовское общество «Мазуть» для пониженія фрахтовъ. Имѣя своихъ собственныхъ 22 парохода съ соответствующимъ количествомъ баржъ, да притомъ еще самыхъ крупнѣхъ, они при такомъ значительномъ сокращеніи вывоза являются всесильными установителями фрахта, понижаютъ его, какъ хотятъ, и раздаютъ грузъ, какъ милость. Фрахтъ на нынѣшнюю навигацію и на Каспійскомъ морѣ, и на Волгѣ установленъ ими въ такомъ размѣрѣ, при которомъ судовладѣльцы вѣсти дѣло безъ убытка не могутъ. Даже крупные судовщики, чтобы окончательно не разориться, должны до послѣдней возможности сокращать свои расходы, выгадывать всякій грошъ. По условіямъ дѣла, чѣмъ мельче судно, тѣмъ дороже обходятся его владѣльцу расходы по перевозкѣ каждаго пуда груза; чѣмъ менѣе груза досталось доставщику для перевозки, чѣмъ менѣе рейсовъ онъ сдѣлалъ, тѣмъ дороже, убыточнѣе обойдется ему навигація. Самая крупная часть расходовъ—содержаніе команды и служащихъ. Отсюда понятно, на комъ прежде всѣхъ отражается вынужденная экономія. И нѣтъ ничего нефронтнаго въ недавнемъ сообщеніи «Торгово-Промышленной Газеты», что волжскіе пароходчики собираются понизить плату рабочимъ на 20%. Если это осуществится, то забастовка готова и въ Волгѣ. Вынужденъ своимъ коварствомъ и-судорожковъ чрезвычайнаго сокращенія фрахта, увеличивъ количество ихъ судовыхъ командъ и слугъ и т. д. Нобель и Ротшильдъ на сво-

ихъ судахъ обставляютъ своихъ рабочихъ болѣе чѣмъ удовлетворительными условиями, даютъ имъ повышенную плату, улучшенную пищу, заводятъ лишнія сѣмьи и т. п. Видя это, и остальные судовыя команды стремятся къ тому-же и, не получая того-же отъ своихъ хозяевъ, бастуютъ, а ихъ поддерживаютъ и вмѣстѣ съ нимъ вольно или невольно бастуютъ и рабочіе Нобеля, «Мазута», Восточн. общ. и «Кавказа и Меркурія».

Вотъ та лочва, на которой возникла и развилась нынѣшняя забастовка каспійскихъ судовыхъ командъ. Говорятъ о революціонной пропагандѣ, указываютъ, что эта забастовка—дѣло ея рукъ. Несомнѣнно, что революціонеры очень ловко и успешно использовали описанное положеніе въ своихъ цѣляхъ и видахъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря попустительству кавказскихъ властей, революціонный элементъ давно свиль себѣ гнѣздо въ Баку и прочно тамъ держится. Тѣмъ необходимѣе устранять все, что на руку революціонерамъ, и не давать имъ оружія въ руки. Теперь потребовалось внимательство власти въ лицѣ командированнаго въ Баку и облеченнаго чрезвычайными полномочіями бар. Таубе, чтобы склонить главнѣйшихъ грузоотправителей—Нобеля и Ротшильда—на уступки, на увеличение количества сдаваемого ими стороннимъ судовладѣльцамъ груза и увеличение фрахта и вообще для принятія мѣръ къ прекращенію забастовки. Дѣлая эти уступки, крупныя отправители нефтяныхъ продуктовъ въ накладѣ все-же не останутся. Не говоря уже о томъ, что забастовка дала имъ возможность распродать по крайне высокой цѣнѣ всѣ свои запасы, до послѣдняго пуда, на внутреннемъ рынкѣ и возможность вслѣдствіе пропущеннаго самаго лучшаго навигаціоннаго времени сократить вывозъ текущаго года на этотъ рынокъ и тѣмъ удержатъ высокія цѣны, а то и поднять ихъ еще выше на всю предстоящую годовую операцію, они и при повышенномъ тарифѣ въ убыткѣ не будутъ и возьмутъ, какъ и въ предыдущіе годы, на каждомъ пудѣ вывезеннаго на Волгу керосина не только его наивысшую биржевую стоимость въ Баку и всѣ расходы по перевозкѣ, уплатѣ акциза и храненію, еще сверхъ всего этого въ среднемъ не менѣе 25 к. на пудъ, что на потребляемое въ Россіи въ теченіе года количество керосина составитъ чистую прибыль въ 12 мил. руб. на одной только торговлѣ керосинномъ. Повторяю, это только на вывозѣ на внутренній рынокъ керосина и торговли имъ по оплатѣ уже наивысшей биржевой стоимости его въ Баку и не считая мазута, котораго въ Россіи потребляется въ 6—7 разъ больше, чѣмъ керосина. Есть изъ чего уступить, прибавить гроши на перевозку. Къ тому-же и эту прибавку въ концѣ концовъ заплатятъ потребители. Подѣйствуютъ-ли принятія бар. Таубе мѣры и скоро-ли прекратится забастовка, сказать трудно, но несомнѣнно, что, примись министерство торговли за урегулированіе судоходнаго дѣла раньше, полгода назадъ, а не обходи оно тогда этого вопроса, многое изъ того, что теперь происходитъ, не имѣло-бы мѣста.

О томъ, что такое нефть для Волги, рассказываетъ въ «Словѣ» вышеупомянутый г. Акатовъ.

Вы думаете, что перламутровыя пятна—это все, что она получаетъ изъ Баку?

А огромныя круглыя цистерны на берегу, безобразящя почти каждую пристань? А длинныя, черномазья баржи, на которыхъ стоятъ круглыя желѣзные порыжьлыя чаны съ шипящими и шелкающими локобилями, такъ наз. нефтянки.

И, если вы ѣдете на пароходѣ, визитъ къ такимъ нефтянкамъ—обычное дѣло.

Пароходъ приваливаетъ къ баржѣ бортъ о бортъ. Рабочіе въ грязныхъ, пропитанныхъ нефтью рубахахъ проворно ловятъ чалки и столь-же проворно вдвигаютъ съ баржи прямо въ пароходную утробу грязный длинный желобъ.

— Пускай!—командуетъ кто-то.

Черный холщевый рукавъ, соединяющій желобъ съ нефтянымъ бакомъ, вдругъ надувается и по желобу струится зелено-вато-черная мутная жидкость.

Это—мазуть. Это—ежедневная пища парохода. Волжскіе двухэтажные гиганты давнымъ-давно перешли на эту жидкую пищу. Она даетъ возможность лучше и легче регулировать нагнетаніе пара и занимаетъ въ пароходномъ чревѣ меньше мѣста, чѣмъ дрова или каменный уголь, и каменнаго угля и дровъ теперъ на Волгѣ и днемъ съ огнемъ на сыщешь.

— Новый насосъ поставили!—хвастается нефтяникъ,—здорово нефть хлебаетъ!

И вы видите, что нефть здѣсь такъ-же, какъ и въ Баку,—нѣчто колоссальное, нѣчто всеобъемлющее по своему значенію... Нефтью живутъ, о нефти только и говорятъ и, кажется, сами готовы, подобно новому насосу, хлебать ее...

И, дѣйствительно, безъ нефти теперъ невозможно представить волжское пароходство. Когда въ прошломъ году бакинцы устроили синдикатъ и сразу подняли цѣну на мазуть, пароходства прямо волкомъ взвыли. Многіе мелкіе буксирные пароходы совсѣмъ не выходили на работу. А крупныя пароходства подняли пассажирскій фрахтъ.

Что-же будетъ теперъ, когда нефть не то, что вздорожаетъ, но когда ей ни за какия деньги не купишь?

И исполнѣ понимаешь теперъ тревогу волгарей, которые уже давно забили набатъ по поводу бакинской забастовки. Если прекратится доставка на Волгу радужныхъ пятенъ и черно-зеленыхъ струй мазута—все огромное волжское дѣло сразу встанетъ на мель.

И тогда странно подумать, какіе результаты выйдутъ изъ этого... Получится такая колоссальная безработица, какой еще не бывало у насъ, на Руси.

Вотъ что такое нефть... Вотъ какая страшная экономическая и даже социальная власть у этихъ радужныхъ пятенъ, расплывающихся по Волгѣ!

Необходимо,—совѣтуетъ «Слово»,—какъ можно скорѣе уладить эту бакинскую передрагу и избавить волгарей отъ склонившагося къ нимъ страшнаго привидѣнія судоходной безработицы, привидѣнія, сверкающаго перламутровыми, радужными бликами и скалящаго голодные волчыя зубы

Апрѣльскія катастрофы.

Апрѣль мѣсяцъ въ Петербургѣ былъ мѣсяцемъ катастрофъ: громадныя пожары и почти всѣ съ человѣческими жертвами, перевозной пароходъ на Невѣ, перекувырнувшійся во время ледохода, какъ «небоготовская галоша», и увлекшій на дно рѣки болѣе ста жертвъ; убійства, грабежи, предупрежденные, къ счастью, ужаснѣйшія преступленія, результатомъ которыхъ было-бы кровопролитіе по всей потерявшей голову, обезумѣвшей Россіи—все это выпало какъ разъ на апрѣль 1907 г.

Среди апрѣльскихъ катастрофъ особенно взволновало общество самоубійство двухъ смолянокъ. Кулуары женскаго аристократическаго учебнаго заведенія съ его режимомъ и патріархальными началами создали такую атмосферу, которой не вынесли двѣ юныя дѣвочки. Онѣ обѣ находились, какъ разсказываетъ «Петербург. Листокъ», въ числѣ воспитанницъ 4 класса. Одна, уже умершая, Надежда Кондаурова, другая Ольга Савинкова. Обѣ находились уже около 3 лѣтъ въ стѣнахъ института. Кондаурова давно тяготилась обстановкой и режимомъ институтской жизни. Здѣсь ее во многомъ стѣсняли. Еще предъ рождественскими каникулами Кондаурову «уловили» съ дозволенными къ чтенію книгами. Онѣ не были преступнаго содержанія, но не входили въ программу института. Еще нѣсколько шалостей, выходящихъ изъ предѣловъ «режима», и Кондаурова стала считаться на плохомъ счету. Начальница института удивлялась поведенію рѣзвой дѣвочки. Въ результатѣ ей при 12-балльной системѣ отмѣтокъ поставили 2 балла за поведеніе. Не пользовалась симпатіями «начальства» и О. Савинкова. И вотъ Кондаурова стала писать трогательныя письма домой. У нея въ Петербургѣ мать, братья и сестры, изъ которыхъ старшія воспитанницы-смолянки. Въ своихъ полудѣтскихъ посланіяхъ она просила взять ее домой, такъ какъ живя въ институтѣ ея не удовлетворяла.

«Возьмите меня», — упрашивала она. Ей обѣщали, но не выполняли.

За 2 недѣли до роковаго дня дѣвочка написала старшей сестрѣ письмо, въ которомъ описывала институтскую жизнь, но объясняла, что она не жалуется, а просто хочетъ «вылить свою душу».

Маленькая трагедія назрѣвала.

Подруга ея Савинкова сочувствовала ей.

И вотъ онѣ вмѣстѣ рѣшили прикончить свои томленія.

Настала ночь на 13-е апрѣля. Къ 9-ти час. вечера, по обычаю, воспитанницъ развели по дортуарамъ. Обѣ подруги держались вмѣстѣ. Въ ихъ дортуарѣ находилось до 30 воспитанницъ. Кондаурова и Савинкова не спали. Онѣ о чемъ-то говорили. Настало 3 часа ночи. Утомленныя дѣти заснули... Кондаурова

и Савинкова тихо встали съ кровати. Первая стащила съ постели простыню. Она накинула ее себѣ на голову. Обѣ рѣшили выброситься изъ окна. Дортуаръ имѣетъ 4 большихъ окна, изъ которыхъ одно не закрыто для вентиляціи по «зимнему». Желѣзные рѣшетки съ широкимъ просвѣтомъ охраняютъ эти окна.

Тихо пробрались воспитанницы къ окну.

Ихъ товарики уже мирно спали... Окно открыто... Вышли сквозь рѣшетку... Кондаурова закрылась простыней и ринулась внизъ... Она ударилась головой объ асфальтовый полъ балкона, который ниже этажемъ протянулся подъ зданіемъ. За ней упала и Савинкова. Кондаурова разбила себѣ голову. Одна изъ воспитанницъ проснулась и подняла тревогу. Кондаурову увезли въ Маринскую больницу, гдѣ она и умерла. Савинкова находится на пути къ выздоровленію. Обѣ дѣвочки оставили письма роднымъ.

Письмо Савинковой было вручено судебному слѣдователю 20-го участка, который ведетъ все разслѣдованіе. Кондаурова переслала свое письмо домой. Она въ этомъ предсмертномъ письмѣ не затрагиваетъ институтскаго режима, но объясняетъ, что рѣшила умереть, потому что считаетъ себя скверной..

Кондаурова, по словамъ родныхъ, была здоровая, нормальная дѣвочка.

У нея страдали лишь легкія. Она была замѣчательно честной подругой, нѣсколько идеалистически настроенной.

Общество было возмущено безсердечнымъ отношеніемъ начальницы института кн. Ливенъ къ несчастнымъ дѣвочкамъ. Даже трупъ Кондауровой кн. Ливенъ не позволила внести въ институтъ, она же отказала несчастной въ немедленной медицинской помощи, когда первая дѣвочка, уже разбившаяся на смерть, умерла на плитахъ троттуара.

Случай въ Смольномъ институтѣ произвелъ потрясающее впечатлѣніе въ сферахъ, близко связанныхъ съ институтомъ. Благодаря вліянію высокопоставленныхъ лицъ, дочери которыхъ воспитываются въ этомъ институтѣ, разслѣдованіе передано судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ Гр. И. Обухъ-Взъятинскому.

Происшедшее въ Смольномъ институтѣ было доложено въ Гатчинѣ. По слухамъ, переданнымъ «Русью», среди начальствующихъ лицъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи ожидаютъ крупныя перемены: начальница института, какъ и инспекція, по всей вѣроятности, покинутъ занимаемыя должности.

По поводу драмы въ Смольномъ институтѣ Собственная Его Императорскаго Величества канцелярія по учреждениямъ Императрицы Маріи сообщаетъ слѣдующее:

1) Черезъ нѣсколько часовъ послѣ происшествія членъ совѣта института, почетный спекуль г. фмейстеръ де Карьеръ лично сошелъ градничать ику и с.о. поочинку во вѣхъ подробностяхъ о фактѣ покуш. или на самоубійство воспитанницъ Савинковой и Надежды Кондауровой (въ то время бывшей еще въ живыхъ).

2) Въ тотъ-же день распоряженіемъ главноуправляющаго

вѣдомствомъ былъ командированъ состоящій при немъ юрис-консультъ для выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла на мѣстѣ, а въ 8 ч. вечера въ институтъ прибылъ генераль-отъ-кавалеріи Оливъ.

3) Независимо отъ сихъ дѣйствій, предпринятыхъ главнымъ управленіемъ, 14-го сего апрѣля было сообщено о происшествіи прокурорскому надзору. Прибывшими вслѣдъ за симъ въ зданіе института прокуроромъ окружного суда Трегубовымъ и судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Обухъ-Волцатинскимъ было приступлено къ производству судебного слѣдствія.

4) Написанныя обѣими названными воспитанницами на имя родителей и другихъ лицъ письма переданы администраціей института судебной власти, а копія письма покойной Надежды Кондауровой на имя матери вручена ей по принадлежности.

Состояніе здоровья О. Савинковой, выбросившейся изъ окна вмѣстѣ съ скончавшейся Н. Кондауровой, по словамъ институтскаго начальства, не внушаетъ опасеній. Она находится въ институтскомъ лазаретѣ и къ ней не допускаютъ даже ея родныхъ.

О. Савинкова все время своего пребыванія въ Смольномъ (около 4 лѣтъ) вела дневникъ. Въ роковую ночь О. Савинкова позаботилась о томъ, чтобы послѣ ея смерти ея родные узнали истинную причину, заставившую ее и ея подругу рѣшиться на самоубійство. Она оставила на имя классной дамы г-жи Измалковой записку, въ которой умоляетъ послѣднюю передать веденный ею дневникъ ея матери, угрожая въ противномъ случаѣ проклятіемъ классной дамѣ въ загробномъ мірѣ. Дневникъ и письмо Савинковой переданы въ распоряженіе судебного слѣдователя.

Такой печальный случай оказывается вовсе не единичнымъ. «Русь» сообщаетъ слѣдующіе случаи покушенія на самоубійство институтокъ-смолянокъ. Въ 1906 г. воспитанница 1 кл. Фокъ выпила валеріановыя капли; ее спасли. Она была очень нервная, даже истеричная. Въ томъ-же году Булапель, къ которой очень придирались классныя дамы, поѣла зеленой краски. Ее вылечили; осталась въ институтѣ. Въ 1907 г. 4 кл. Косенко 11 апрѣля приняла сухіе духи; ей сдѣлали выкачиваніе желудка и спасли ее. Ея родители бѣдны, къ ней придиристо относилась княжна Лявель, начальница института. 13 апрѣля—Надя Кондаурова и Оля Савинкова.

Вскорѣ послѣ нихъ пытались выброситься, тоже по сговору, 4 класса Мюллеръ и Скупенская. Мюллеръ была очень шаловлива; ее успѣли вынуть изъ форточки. Родители Скупенской были бѣдны; ее исключили.

Семь покушеній, ставшихъ извѣстными! «Но мы знаемъ,—говорить «Русь»,—что ихъ было больше; къ сожалѣнію, не удалось узнать точныя данныя о другихъ».

Что-же это за «учрежденіе», гдѣ дѣти то и дѣло пытаются оборвать свою молодую жизнь?

Отвѣтъ на это даетъ московская газета «Утро Свободы»

сообщающая, что въ Смольномъ застѣнкѣ не пытаются тѣла, не бьютъ, не ломаютъ костей, тамъ калѣчатъ лишь душу.

Чуткія дѣвочки—Надя Кондаурова и Оля Савинова,—обѣ ученицы 4 кл., 14 л., обѣ очень хорошенкія, не по годамъ развитыя, обѣ любимицы дома и въ классѣ—не вынесли душевныхъ пытокъ режима Смольнаго института и выбросились въ окно съ 4 этажа.

Въ послѣднее время управления институтомъ свѣтл. княжной Ливень 7 такнхъ, съ виду довольныхъ и послушныхъ, «машерочекъ» дѣлали попытки къ самоубійству.

Смольнымъ институтомъ благородныхъ дѣвицъ правятъ почетные опекуны: Оливъ, Михайловъ, де Карьеръ, Ермоловъ.

Оливъ—главный, это—«Зевесъ», по прозванію институтокъ. Михайловъ—по хозяйственной части. Завѣдующій надзоромъ за воспитаніемъ—де Карьеръ. Когда взволнованныя институтки обступили его, послѣ трагическаго случая, съ разспросами, онъ просилъ «оставить его въ покоѣ», ибо онъ «самъ все знаетъ» и «кому нужно уже сообщилъ». А Ермоловъ на крики души товарилокъ погибшихъ не нашель ничего лучшаго, какъ заявить: «я по учебной части».

Чиновничье безразличіе даже у свѣжаго трупа юной жертвы!

Начальство черезъ классныхъ дамъ старалось внушить институткамъ, что ихъ несчастныя товарики—«дуры-дѣвочки», «психонатки», «истерички», «осрамили заведеніе», «оскорбили дворянскія традиціи»... Болѣе всего боится критики режима и порядковъ института. Но хотя воспитатели и учителя дѣлають все, чтобы, «избави Богъ», въ головы дѣвочекъ не проникла мысль и критическое отношеніе къ окружающему, и даже въ высшемъ (I) классѣ словесность доводятъ лишь до Гоголя и считаютъ опасной и крамольной «Анну Каренину» Л. Н. Толстого,—злоба къ институту всеобщая. Одну классную даму зовутъ «кочергой», другую—«шпіономъ»; про нихъ сочиняють, въ подражаніе Амфитеатрову, акаансты: «Радуйся, Софья московская, придется въ судный день заквакать». Свой институтскій садъ зовутъ «звѣринцемъ», уголь, образуемый зданіями института, и скрытый, отъ начальническихъ очей «берлогой», лужайку для игръ—«собачимъ лугомъ».

Характеристики учителей, записанныя со словъ многихъ институтокъ разныхъ классовъ, не менѣ свидѣтельствуютъ объ общей враждебности къ нимъ учащихся: учит. математики Зворуевъ объясняетъ хорошо, но самъ Молчаливъ; физикъ Будде читаетъ увлекательно, но больше своего предмета считаетъ со взглядами классныхъ дамъ. Преподаватель русскаго яз. Александровъ—«безобиденъ»; историкъ Бьлокопскій—измѣнникъ (вернулся въ институтъ въ 1905—6 гг., когда всѣ товарищи ушли), читаетъ по книжкѣ, любитъ «зубрить»; французъ Байль—независимъ и французскую литературу сумѣлъ поставить лучше русскою, но наглъ и фамильяренъ; нѣмцы: Прейссъ—все время до тошноты говорить о «справедливости», но дѣлаетъ лишь угодное начальству, другого—Купфера хвалять; законоучитель Егоровъ, прежній почитатель свящ. Петрова, теперь, послѣ опалы, чурается его; «въ думу пошелъ»—сокрушается

онъ. Совѣтъ институтокъ въ рейнвальдѣ общество св. Барбары. Это—институтскій «кавалеръ» всѣхъ классныхъ дамъ, «физикъ»—по отзывамъ учащихся.

Географъ Пундла—«сверхъ-натрѣтъ», выдумывающій изъ-за любви къ отечеству даже свою статистику. Ругаетъ евреевъ, сельскихъ учителей, революціонеровъ. Любушонцею собою фразеръ и фатъ. Педагога Куца—хвалить. Изъ классныхъ дамъ, какъ добрую, умную и справедливую наставницу, выдѣляютъ лишь Корущкую. Про остальныхъ (Колокольцеву, Соболеву, Рейнвальдтъ и др.)—неизмѣнно слышишь отзывы: «инквизиторъ», «горничная княжны», «дура», «ничтожество», «лягушка» и т. д.

Разумѣется, не всѣ отзывы институтокъ справедливы и точны, но они показываютъ настроенія ихъ и отношенія къ своимъ «учителямъ и наставникамъ», за которыхъ ихъ ежедневно заставляютъ молиться.

Зная связи княжны Ливенъ (начальницы) и предполагаемой ея замѣстительницы княжны Оболенской, институтки, не надѣются, чтобы порядки въ ихъ «застѣнкѣ» измѣнились.

«Мы—фабрика послушныхъ, наивныхъ, глухихъ и невѣжественныхъ женъ»,—говорятъ наиболѣе сознательныя.

Дворяне не находятъ ничего болѣе важнаго и нужнаго для своихъ дѣтей, какъ выучить ихъ «держаться въ обществѣ». Ихъ пониманіе задачъ жизни не ушло далѣе Готфрида Бульонскаго и средне-вѣковыхъ школъ инквизиціи.

Вотъ почему живъ и будетъ жить «Смольный застѣнокъ». Пока цѣлы и живы дворянскія привилегіи (пережитокъ лучшаго рыцарства), и особыя заведенія для иногороднихъ отпрысковъ, уродующія молодыя поколѣнія,—неизбѣжны.

Что дѣлается въ подобнаго рода «учебныхъ», съ позволенія сказать заведеніяхъ, лучше всего говорятъ недавніе факты, сообщаемые «Русью».

Пріѣзжаетъ съ юга мать, чтобы взять дѣвочку на Рождество (въ институтѣ эпидемія скарлатины); матери показалось, что у ребенка повышенная температура, проситъ, чтобы докторъ осмотрѣлъ, такъ какъ ѣхать придется три дня. Дѣвочку уводятъ въ лазаретъ; при возвращеніи къ матери фельдшерица заявляетъ, что температура нормальная—дѣвочка здорова. Въ тотъ же вечеръ садятся на поѣздъ: ночью (къ утру) у ребенка бредъ, жаръ и сыпь. Остановливаются въ первомъ попавшемся городѣ, въ гостиницѣ, удобствъ никакихъ. Въ результатѣ искалѣченный на всю жизнь глухотой человекъ.

Другой случай: беретъ мать на Рождество дѣвочку (10 л.), къ вечеру съ ребенкомъ жаръ. Пришедшій докторъ констатируетъ острый суставный ревматизмъ. Ребенокъ говоритъ, что онъ послѣдніе три дня еле ходилъ,—такъ болѣли колѣна, а заботливыя классныя дамы не видѣли (ребенокъ страшно живой въ своихъ движеніяхъ), что ребенокъ присмирѣлъ, не бѣгаетъ, не шалитъ. Въ результатѣ перебои сердца, какъ слѣдствіе суставнаго ревматизма, и страшная нервность.

Въ вышесказанномъ классѣ эту дѣвочку съ перебоями сердца назначаютъ второй управляющей хоромъ; заставляютъ таскать вишы переплетенныхъ нотъ для хора и, несмотря на жалобы

дѣвочки съ одышкой во время пѣнія и страшномъ волненіи, выходящемъ въ остъ ей бои въ области сердца, не увольняютъ отъ должности второго регента. Пошла съ инспектриссой обясниться мать дѣвочки, прося увольнить отъ регентства и не заставляя носить книги переилетенныхъ нотъ по длинному корридолу. Инспектрисса страшно разсердилась и сказала, что «это все—фокусы; институтъ не можетъ оставаться безъ второго регента» и она не вѣритъ, что волненіе при регентированіи хора можетъ вызвать боль сердца.

По настоянію матери, дѣвушка обратилась къ доктору института; онъ выслушалъ ея сердце черезъ шелеринку, передникъ, толстое платье, корсетъ и сорочку, прописалъ ландышевыя капли, сказалъ, что сердце не въ порядкѣ, но на просьбу воспитанницы попросить, чтобы ее смѣнили съ регентства, отвѣтила, что это дѣло—начальства, и онъ не можетъ въ него вмѣшиваться. Съ этихъ поръ бѣдную дѣвочку начинаютъ преслѣдовать преувеличенными, саркастическими заботами: если она несетъ одну тетрадку нотъ, ее спрашиваютъ, «не тяжело ли ей?» и т. д., «не позвать ли служителя?». При выпускѣ въ обычаѣ давать регентамъ маленькій золотой камертонъ-брелокъ, ей его не дали за то, что она «устроила исторію».

Третій случай: поступаетъ ребенокъ 10 лѣтъ, страдающій страшными носовыми кровотечениями каждое утро. По совѣту леившаго доктора, прежде чѣмъ встать съ кровати, чтобы предупредить кровотеченіе, она прикладывала холодный компрессъ сзади на шею и на лобъ, а затѣмъ, когда мылась, смачивала водой темя. Классная дама нашла, что «это некрасиво» имѣть мокрые волосы, и запретила дѣлать холодныя компрессы и смачивать темя. Кровотеченія изъ носа усилились, стали почти ежедневными; дѣвочка сдѣлалась блѣдная, но ради красоты сухихъ волосъ предъ мокрыми ей все-же не позволяли исполнять предписанія доктора домашняго, а институтскій докторъ ограничивался тѣмъ, что, когда дѣвочку приводили въ лазаретъ, обезсилѣвшую отъ потери крови и продолжавшую кровоточить, затыкалъ носъ ватой, пропитанной хлористымъ желѣзомъ.

Эта-же классная дама, запрещавшая предупреждать носовое кровотеченіе, заставляла маленькихъ седьмушекъ спать обязательно со сложенными на животъ руками; если она проходила, когда дѣти уже спали, и видѣла закинутыя руки за голову, она будила ребенка и обясняла, что это неприлично такъ спать.

Все это происходило въ послѣднія 10 лѣтъ: живы и воспитанницы, и классныя дамы, и инспектриссы, и послѣднія дѣи категоріи все такъ-же продолжаютъ мучить и калѣчить и слѣдующія подрастающія женскія поколѣнія; калѣчить не только физически, но и нравственно, такъ какъ дѣвочки въ 14 лѣтъ, начинающей только развиваться, втолковываютъ въ голову, что надо надѣвать корсетъ, чтобы быть приличной предъ учителемъ,—тѣмъ самымъ вбивая въ голову ребенку, что учитель—не только учитель, но и мужчина.

О похоронахъ несчастной Кондауровой та-же «Русь» говорить слѣдующее. Въ углу, вблизи ограды Никольскаго клад-

бища Александро-Невской лавры, 16-го апрѣля, въ 12 час. дня у свѣжей могилы Н. А. Кондауровой собрались родные, знакомые, бывшія смолянки. Тутъ-же старушка-мать съ дочерью и сыномъ—офицеромъ семеновскаго полка.

Среди вѣнковъ отсутствовалъ вѣнокъ отъ института...

Замѣчено было отсутствіе подругъ по классу покойной: имъ запретила это начальница. Собравшіеся ожидали отъ совершавшаго обрядъ институтскаго священника надгробнаго слова, но, окончивъ литію, тотъ скрылся въ толпѣ. Во время отиѣванія въ церковь пріѣхала княжна Ливенъ; она уѣхала, не дождавшись выноса гроба.

То, что пришлось узнать по поводу режима Смольнаго института подъ управленіемъ свѣтл. кн. Ливенъ, чрезвычайно характерно.

Липа, хорошо знающія порядки этого учрежденія, говорятъ что за 13 лѣтъ своего начальствованія кн. Ливенъ было перемѣнено сто десять классныхъ дамъ.

Года два-три тому назадъ, въ разгаръ популярности свящ. Григорія Петрова, послѣдній былъ приглашенъ начальницей Смольнаго института для бесѣды съ воспитанницами.

Книжки и брошюры о Петрова были рекомендованы самой начальницей всѣмъ воспитанницамъ.

Появился портретъ от. Петрова въ натуральную величину.

Въ юбилейномъ альбомѣ фотографическихъ снимковъ, работы фотографа Булла, имѣется одна группа, въ которой изображенъ от. Петровъ рядомъ съ княжною Ливенъ, въ тотъ моментъ, когда воспитанницы старшаго класса подносятъ «рапортъ» своей начальницѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло менѣе двухъ лѣтъ. Но послѣднее время, когда противъ от. Петрова началось гоненіе, отношеніе княжны къ его сочиненіямъ измѣнилось; они были признаны вредными и подъ страхомъ наказанія запрещены для чтенія воспитанницамъ.

Тогда въ институтѣ появилась нѣкая сектантка Пейкеръ, приглашенная начальницей, княжн. Ливенъ; она читала проповѣди на англійскомъ языкѣ и тутъ-же переводила ихъ на русскій языкъ. Она обложила воспитаницъ 4-коп. годовымъ поборомъ въ пользу своей секты, центральное управленіе которой находится въ Лондонѣ.

Воспитанницамъ предлагали печатные листки съ псалмами на англійскомъ-же языкѣ.

Новоназначенныя классныя дамы были преимущественно юныя, всѣ незамужнія.

Послѣ катастрофы княжна Ливенъ собрала всѣхъ воспитанницъ и старалась внушить имъ, что покушавшаяся О. Савинкова и покойная Н. Кондаурова были дѣвочками ненормальными и что при поступленіи въ институтъ онѣ были уже психически больными.

Невольно напрашивается вопросъ: почему-же ихъ приняли въ Смольный институтъ, зачѣмъ держали среди другихъ воспитанницъ больше 4 лѣтъ, а не помѣстили въ какое-либо лечебное заведеніе?

Послѣ катастрофы воспитанницы того класса, въ которомъ

находилась Кондаурова, были распределены для надзора по разным дортуарамъ. По словамъ Савинковой, она и Кондаурова, будучи на исповѣди незадолго до катастрофы, сообщили священнику о своемъ рѣшеніи покончить съ собою, но тотъ не обратилъ на это вниманія.

Мѣсяцевъ за шесть покойная Н. Кондаурова и О. Савинкова дѣлали уже разъ попытку покончить съ собою, для чего пытались вскрыть ручныя вены, но боль нарѣзовъ заставила ихъ тогда отказаться отъ самоубійства.

Въ продолженіе одного лишь года въ институтѣ было шесть попытокъ къ самоубійству со стороны воспитанницъ, причѣмъ однѣ бросались въ пролеты лѣстницъ, другія (восп. Булацель) травились французской зеленью, но, по счастью, покушенія удавалось предупреждать.

Непосредственно послѣ катастрофы, воспитанница Миллеръ также хотѣла выброститься въ оконную форточку, но ее въ послѣднюю минуту едва удержали.

Дѣвочку эту помѣстили спать въ комнату инспектриссы младшаго возраста г-жи Арнольд.

Въ настоящее время кн. Ливень приняты мѣры къ прекращенію самоубійствъ воспитанницъ вѣреннаго ей учебнаго заведенія.

Такъ, за рѣзвость и веселый характеръ исключены двѣ воспитанницы, Барсова и Медвѣдева (обѣ—однѣ изъ лучшихъ ученицъ).

О. Савинкова отдѣлалась ушибомъ головы, лѣваго бока и хребта. Такой счастливый исходъ объясняется тѣмъ, что Савинкова, бросившись изъ окна второй, упала какъ разъ на разбившуюся на-смерть Н. Кондаурову.

Она часто спрашиваетъ, что съ Надей, заявляя при этомъ, что, если Кондаурова умретъ, она также покончитъ съ собою и такимъ образомъ выполнитъ заключенный ими между собой договоръ. Само собою разумѣется, что смерть подружки тщательнo скрываютъ отъ больной дѣвочки.

Итакъ, вотъ онѣ, «тайны» женскихъ учебныхъ заведеній, открывшіяся благодаря тому, что печать до нѣкоторой степени явилась свободною. Недавно все это было-бы скрыто отъ общества и всевозможныя княжны, безнаказанно продолжали-бы галѣчить дѣтей, но свободная печать стоитъ на-стражѣ общества и близко время, когда жалкіе индивиды, понавшіе не на свое мѣсто, уберутся подальше и отъ нашихъ дѣтей въ школахъ, и отъ «кормила», приведшаго Русь только къ Мукдену и Цусимѣ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Боже, Царя храни! (Иллюстрація момента)	3
Въ вихрѣ смуты. Стих. <i>Осипа Кудина</i>	4
Предупрежденное злодѣйское покушеніе	5
Около думы.	17
Въ государственной думѣ.	21
Думскія тревоги. Статья <i>Н. В. Алексѣева</i>	45
Берегите думу. Стих. <i>Ив. Юрченко</i>	51
Въ государственномъ совѣтѣ.	52
Жизнь и дѣятельность партій.	58
Партіи. Стих. <i>Легкомысляцаго Петербуржца</i>	65
О молочныхъ рѣкахъ въ кисельныхъ берегахъ. Статья <i>П. Короткевича</i>	66
Неоконченныя дѣла.	70
Наканунѣ нефтяного голода.	82
Апрѣльскія катастрофы.	88
Оглавленіе	96

Въ книгоиздательствѣ А. А. КАСПАРИ

—Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 114, при главной конторѣ журнала «РОДИНА», и въ его отдѣленіяхъ: 1) С.-Петербургъ, Садовая улица, домъ № 20, третій домъ отъ Невскаго, и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы «Россія».

поступило въ продажу слѣдующее изданіе:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

МАРЛИНСКАГО

(А. А. БЕСТУЖЕВА)

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Это полное собраніе сочиненій знаменитаго въ свое время писателя, въ двухъ томахъ, заключаетъ въ себѣ 1055 страницъ убористой четкой печати, въ два столбца каждая, причемъ всѣ произведенія распределены по слѣдующимъ отдѣламъ:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ: 1) Бытовые повѣсти и разск. (6 произв.).—2) Историческіе повѣсти и разказы (9 произв.).—3) Повѣсти и разказы изъ военной жизни (9 произв.).—4) Морск. разск. (4 произв.).

ТОМЪ ВТОРОЙ: 1) Кавказскіе очерки и разказы (9 произв.). — 2) Статьи этнографическаго характера (5 произв.). — 3) Стихотворенія (31 произв.).—4) Критика, журнальныя статьи, публицистика (10 произвденій).—5) Дополненія.

Въ началѣ перваго тома напечатанъ обстоятельно составленный биографическій очеркъ писателя. Особенностью этого изданія, какъ, впрочемъ, и всей «Дешевой библиотеки русскихъ классиковъ» изданія А. А. Каспари, является то, что при каждомъ отдѣлѣ имѣется обиліе примѣчаній, которыя объясняютъ всѣ требующія объясненія слова, даютъ характеристики упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Марлинскаго лицъ и массу историческихъ справокъ.

Цѣна полнаго собранія сочиненій Марлинскаго для гг. подписчиковъ

„РОДИНЫ“ и „НОВИ“

чрезвычайно дешевая

оба тома въ красивыхъ переплетахъ стоятъ только 1 рубль 40 копеекъ. За пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи—50 к., въ Азіатскую Россію—60 к.